

*Материалы
научно-исторических
конференций*

**ФЕНОМЕН
РОССИЙСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА**

*Великий Новгород
Храм Христа*

2018

ББК 86.376.16
К66

Редакционная коллегия
А. И. Корабель
О. Н. Соколова
Корректор
Г. П. Владимирова
Дизайнер
С. И. Пономаренко

Материалы научно-исторических конференций «Феномен российского протестантизма», «Гамма», 2018 — 304 с.
«Каталогизация перед публикацией», РНБ

ISBN 978-5-4334-0378-9

Материалы
IV научно-исторической
конференции

140-ЛЕТИЕ **СИНОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА** **БИБЛИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

© Коллектив авторов., 2018
© Пономаренко С., дизайн, 2018

9-11 сентября
2016 года

2016

Татьяна Никольская
ст. преподаватель СПбХУ,
кандидат исторических наук,
член Союза писателей России

**МАРИНА СЕРГЕЕВНА КАРЕТНИКОВА:
СЛУЖЕНИЕ ИСТОРИКА¹
(1930–2016)**

Можно ли считать служением работу историка? Одни христиане называют служением только бесплатный, волонтерский труд и только в церкви или в христианской организации. Другие убеждены, что служением может стать всё, что сделано «от души, как для Господа» (Кол. 3:23). Например, осенью 2016 года в С.-Петербургском христианском университете состоялась конференция «Вера и труд: христианская миссия и лидерство в профессиональной деятельности», участники которой обсуждали вопросы, связанные с миссионерским служением через профессию.

Но думается, те и другие будут едины в отношении к труду Марины Сергеевны Каретниковой. Она была яркой, разносторонней личностью — выдающийся историк протестантизма, педагог, просветитель, писательница, переводчица... Её высокий профессионализм подтверждают и учёные степени — кандидат педагогических наук, доктор богословия. В своей родной петербургской церкви евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) на Поклонной горе она участвовала едва ли не во всех служениях, доступных женщине — молилась о церковных нуждах, вела сестринский кружок по изучению Библии, занималась воскресными школами, служением в тюрьмах, больницах, готовила материалы для церковного журнала «Вестник»... Но с особой увлечённостью она занималась исследованием истории евангельско-баптистского братства. В этой области она была среди первопроходцев, начавших изуче-

¹ Автор благодарит дочь Марины Сергеевны Каретниковой Любовь Германовну Каретникову за помощь в подготовке этой статьи.

ние истории церкви ЕХБ ещё в советские времена, когда фонды государственных архивов были малодоступны, а верующие обычно предпочитали молчать о своих горьких судьбах. По крупицам Марина Сергеевна собирала историческую информацию, размышляла над ней и осмысляла. Ныне М. С. Каретниковой нет. Но её книги, статьи, увлекательные лекции хорошо известны протестантским служителям и выпускникам христианских учебных заведений, просто людям во многих странах мира, равнодушным к истории христианства. Ссылки на её публикации делают и светские учёные — историки, религиоведы...

Марина Сергеевна родилась 13 октября 1930 года в г. Ленинграде, в семье служащих. Отец — Сергей Адольфович Роза — происходил из т. н. «бывших»: его отец, богатый владелец щеточной фабрики, умер ещё до революции, а мать, из обедневших дворян, закончила Смольный институт¹. Семья Роза исповедовала евангельскую веру. Сергей Адольфович, по профессии инженер-гидротехник, в 1951 году получил учёную степень доктора технических наук (редкий случай в СССР, когда верующему удавалось достичь высот в науке)². В молодости он был служителем евангельской общины г. Ленинграда. В 1926 году его избрали делегатом на 10-й Всесоюзный съезд евангельских христиан³. Последние 10 лет жизни С. А. Роза проповедовал в ленинградской церкви ЕХБ на Поклонной Горе, а летом в общине ЕХБ г. Луги, где семья имела дачу (1968–1978). Мать Марины Сергеевны — Вера Кузьминишна [так в документах] — была родом с Волги, по другим данным, из Владикавказа и происходила из молоканской семьи⁴. В юности она занималась миссионерским служением на Кавказе, а с буду-

¹ Марина Сергеевна Каретникова. Режим доступа: <http://baptist.spb.ru/?news/shownews&id=568&t=1>. 24.11.2016.

² Роза С. А. Расчет разбухания слоя глинистого грунта при восходящей фильтрации. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора технических наук. Л., 1951. Российская государственная библиотека. Электронная библиотека. Режим доступа: <http://search.rsl.ru/ru/search#q=Роза Сергей Адольфович>. 20.09.2016.

³ Записи заседаний 10-го Всесоюзного съезда евангельских христиан в Ленинграде. Л., 1927. С. 8.

⁴ Роза (Шельпякова) Вера. Режим доступа: <https://www.geni.com/people/Вера-Роза/390487170730010677>. 20.09.2016.

щим мужем познакомилась на библейских курсах в Ленинграде. В 1934 году, через 4 года после рождения Марины, в семье появилась еще одна дочь — Ольга.

В начале Великой Отечественной войны 11-летняя Марина вместе со своим классом была эвакуирована, но по непонятным причинам детей привезли в Малую Вишеру, к которой уже приближалась наступавшая немецкая армия. Девочку успела привезти назад на последнем поезде пожилая женщина Ольга Ивановна, няня маленькой Оли. Дома, увидев дочь живой-невредимой, мать встала на колени и поцеловала ноги Ольге Ивановне. К сожалению, в блокаду эта добрая мужественная женщина из-за тяжелого психического потрясения покончила жизнь самоубийством¹.

Как многие ленинградские подростки, Марина участвовала в обороне города; помогая взрослым, дежурила во время фашистских налетов, тушила зажигательные бомбы. С особой благодарностью она вспоминала, как мама стремилась воспитать у дочерей «стержень преодоления»: утром, несмотря на голод, холод, физическую слабость, встать и убрать свою постель, не съесть сразу свой хлеб, не брать чужого, по возможности помогать окружающим людям. Вера Кузьминишна читала детям Библию, и девочки заучивали наизусть стихи о Божьей любви².

Семья Роза выжила. Марина была награждена медалью «За оборону Ленинграда». По окончании школы она поступила на филологический факультет Ленинградского государственного университета, который закончила в 1956 году. Марина специализировалась по литературоведению. В 1961 году за диссертацию, посвященную выдающемуся русскому поэту Н. А. Некрасову, ей была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук³.

¹ Каретникова М., Колесова О. Тайна силы в немощи: Листая страницы блокадных дневников. СПб.: «Библия для всех», 2012. С. 3–8, 23.

² Там же. С. 25–27.

³ Каретникова М. С. Школьный анализ поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» на основе единства формы и содержания. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1961. Российская национальная библиотека. Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (1925–1998) Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/39374/ 13. 28.11.2016.

Марина Сергеевна работала в школе учительницей литературы и других гуманитарных предметов, позже преподавала русский язык иностранцам, два года проработала в Индии. В 1970 году по совокупности трудов она получила звание доцента¹. Устроилась и её личная жизнь. Она вышла замуж за Германа Сергеевича Каретникова, химика по профессии, родила двоих детей — Сергея и Любовь.

Обращение к вере было у Марины Сергеевны сложным. Впоследствии она описала историю своего покаяния в книге «Прозрение»². Хотя она родилась в верующей семье и с детства знала о Боге, её путь поначалу был типичным для преуспевающего советского интеллигента-атеиста. Подобным образом сложилась судьба и у ее младшей сестры Ольги. Но молитвы родителей и сложные жизненные обстоятельства побудили обеих сестер задуматься о Боге. Летом 1978 года Марина Сергеевна приняла крещение в церкви ЕХБ г. Луга Ленинградской области — в память о недавно скончавшемся отце, который проповедовал в этой общине. Тогда же крестилась и её сестра Ольга Колесова. Уверовав, Марина Сергеевна потеряла интерес к любимой прежде работе. Считая, что христианин не должен преподавать с атеистических позиций, она сама оставила преподавание в профсоюзной школе и целиком переключилась на церковную жизнь³. До самой кончины она была членом церкви ЕХБ на Поклонной горе.

Верующей стала и сестра Марины Каретниковой, известная журналистка Ольга Сергеевна Колесова, с 1961 года член Союза журналистов СССР⁴. В 1983 году, спустя пять лет после крещения, Ольга Сергеевна была уволена с формулировкой «по собственному желанию», поскольку верующий человек не мог тогда работать

в официальном партийном издании¹. В годы Перестройки она возобновила прерванное творчество, активно публикуясь в различных христианских газетах и журналах — «Христианин и время», «Мирт», «Вестник» и многих других.

Она была основательницей и многолетним редактором популярного женского христианского журнала «Мария», вкладывала всю душу в подготовку каждого номера². Она хотела, чтобы издание имело «своё лицо» и действительно добилась этого: вокруг «Марии» сложился круг многолетних верных читательниц разных поколений. Будучи уже пожилой женщиной, она собственноручно носила в церкви «на реализацию» пачки свежих выпусков «Марии». Ольга Сергеевна занималась и педагогической деятельностью: читала лекции по русской литературе в христианских учебных заведениях, на курсах для учителей христианского просветительского общества «Библия для всех», проводила альтернативные уроки в петербургских школах, выступала на христианском радио. Читателям полюбились ее книги «Сейте разумное, доброе, вечное» (СПб., 1996, 2-е издание — 2003), «И жизнь, и слезы, и любовь» (СПб., 2009), составленная ею антология мировой классики «Козетта, Робинзон, Дон Кихот и все-все-все» (СПб., 2006) и др. Ольга Сергеевна Колесова отошла в вечность в 2011 году.

Обе сестры отличались богатой одаренностью, особенно в гуманитарной сфере. У них была схожая судьба: от детства в верующей семье, через жизненные соблазны и испытания к обращению уже в зрелом возрасте. Обе нашли своё призвание в служении Богу всеми своими дарами. Обе практически до конца жизни сохраняли активность, искренний интерес к окружающему миру и людям, да и сами умели быть интересными для людей разного возраста, образования и социального положения. Вместе с тем Марина Каретникова и Ольга Колесова были личностями, наделенными неповторимой индивидуальностью.

¹ Молода душой: Памяти Марины Сергеевны Каретниковой // Вестник. Вып. 53, апрель 2016. С. 14.

² Каретникова М. С. Прозрение. СПб.: «Библия для всех», 1999.

³ 24 января 2016 года ушла к Господу Марина Сергеевна Каретникова. Режим доступа: <http://spbcsu.ru/karetnikova/>. 15.11.2016.

⁴ Колесова Ольга Сергеевна. Выпуск 1959 года. Ассоциация выпускников факультета журналистики СПбГУ. Режим доступа: http://jourfac.blogspot.ru/2009/07/1959_7509.html. 20.09.2016.

¹ «Голос умолк...». Памяти Ольги Сергеевны Колесовой // Вестник. Вып. 41, сентябрь 2011. С. 16.

² Там же. С. 17.

В 1983 году Марина Сергеевна овдовела. Впоследствии она рассказывала, как молилась об обращении мужа, как мечтала, что они будут вместе ходить в церковь. Это не сбылось, но вдовство стало началом активного служения Каретниковой. В 1980-е гг. она была приглашена в Москву для участия в работе по составлению истории церкви евангельских христиан-баптистов, начатой в 1979 году по решению Президиума Всесоюзного Совета ЕХБ. Подробная «История евангельских христиан-баптистов в СССР», изданная в 1989 году, стала первой в нашей стране книгой на эту тему, написанной не с атеистических, а с христианских позиций. Своего значения она не утратила до сих пор.

Обе сестры участвовали в диспутах между верующими и атеистами, которые проходили в 1985–1989 гг. в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена¹. В годы Перестройки началась активная лекторская работа Марины Сергеевны. Свои первые уроки она проводила в родной церкви на Поклонной горе, других общинах ЕХБ. Когда в 1985 году молодёжь церкви образовала просветительское общество «Библия для всех», Марина Сергеевна начала преподавать Библию в библейских школах. Чтобы повысить собственный образовательный уровень в области христианства, она, будучи уже опытным педагогом, вернулась на «студенческую скамью» — училась в Швейцарии, Чехии, Англии...

Не все верующие принимали её служение. По воспоминаниям свидетелей, когда М. С. Каретникова впервые выступала в церкви на Поклонной горе, рассказывая об истории евангельско-баптистского движения, некоторые слушатели вставали и уходили. Им было нестерпимо видеть на кафедре женщину, хотя её выступление не было проповедью. Однако прошло время — и к её лекциям, книгам, статьям, к самому факту, что исторической наукой и преподаванием занимается женщина, — стали относиться иначе.

В 1990-е годы, когда не хватало протестантской богословской литературы на русском языке, М. С. Каретникова перевела целый ряд книг иностранных авторов: «Христианская семья» Ларри

¹ Молода душой: Памяти Марины Сергеевны Каретниковой // Вестник. Вып. 53, апрель 2016. С. 17.

Кристенсона, «История христианских доктрин» Луиса Беркхова, «Прославление дисциплины» Ричарда Фостэра, «Любовь покрывает» Павла Биллхаймера и др.

Высокий интеллект, эрудиция, колоссальная трудоспособность и смелость побуждали Марину Сергеевну братья за подготовку самых различных учебных курсов — история церкви в средние века, в эпоху Реформации и Нового времени, патристика, история церкви ЕХБ, сравнительное богословие, библейская этика, семья в церкви, геронтология и христианство... Ее увлекательные лекции звучали по радио, в учебных заведениях и церквях Санкт-Петербурга, Москвы, Омска, Курска, Набережных Челнов, Мурманска, Ташкента (Узбекистан), Эстонии, Украины и других мест бывшего СССР.

С 1990 года она начала преподавать в Российском Библейском Институте «Логос», открывшемся в п. Родники на окраине г. Белореченск Краснодарского края¹. Впоследствии он был переведён в г. С.-Петербург и преобразован в Санкт-Петербургский христианский университет. В 2008 году М. С. Каретниковой была присуждена степень почётного доктора исторического богословия — за выдающийся вклад в развитие евангельского исторического богословия и многолетний труд в Санкт-Петербургском христианском университете². Докторский диплом вручил ей выпускник первого набора, а впоследствии ректор СПбХУ Александр Иванович Негров.

Несмотря на преклонный возраст, Марина Сергеевна, пока позволяло здоровье, оставалась отзывчивой на приглашения христианских церквей и учебных заведений, продолжала много ездить по стране и миру. По свидетельству самой Марины Сергеевны, она училась в 16 странах и преподавала в 83 городах России, а также за рубежом³.

¹ Каретникова М. С. Родники // Санкт-Петербургский Христианский Университет 20 лет: История возникновения. СПб.: «Древо жизни», 2010. С. 37, 40–42.

² М. С. Каретникова — почётный доктор исторического богословия СПбХУ. Режим доступа: <http://baptist.org.ru/read/article/95758>. 24.11.2016.

³ Каретникова Марина. Россия будет спасена Божьим Словом. Режим доступа: <http://www.hve.ru/people/interview/2129-marina-karetnikova-rossiya-budet-spasena-bozhim-slovom>. 24.11.2016.

Марина Сергеевна была вдохновителем и стояла у истоков создания просветительского проекта «Русское богоискательство», который действует в Санкт-Петербурге с 2009 года. Она также была частой и желанной гостьей популярной петербургской телепрограммы «Благословение».

М. С. Каретникова стала одним из первых современных историков русского протестантизма, выступая и как ученый, и как просветитель. Она проделала огромную работу по изучению корней евангельско-баптистского движения, собиранию воспоминаний верующих, восстановлению истории петербургской общины ЕХБ. Марина Сергеевна была участницей многих российских и международных научных конференций, автором книг «Протестантизм» (СПб., 1999), «400 лет баптизма. История в картинах» (СПб., 2009), «Библейская этика» (СПб., 2012) и других, а также большого числа статей на историческую тему, опубликованных в научных и популярных сборниках, в газете «Мирт», журнале «Мария» и многих других христианских изданиях.

Главным или одним из главных научных трудов М. С. Каретниковой и, наверное, самым любимым делом было составление альманахов по истории русского баптизма. Издание это можно назвать уникальным: пожалуй, ни одна другая протестантская конфессия России не имеет подобной серии сборников по своей истории. А поскольку в них содержится материал, касающийся всей Российской империи и Советского Союза, альманахи представляют интерес и для изучения истории баптизма в других государствах постсоветского пространства. Всего М. С. Каретникова успела подготовить четыре выпуска, которые были напечатаны издательством «Библия для всех» в 1997–2009 гг. В каждом из них рассматривалась определенная тема. Первый выпуск рассказывает о корнях русского протестантизма (СПб., 1997), второй — о евангельско-баптистском движении в Санкт-Петербурге (СПб., 2001). Третий альманах посвящен довольно болезненной проблеме разделения внутри евангельско-баптистского сообщества — истории пятидесятничества и движения баптистов-инициативников (СПб., 2004).

Четвертый выпуск содержит статьи и документы о пророческом, пастырском и миссионерском служении Ивана Вениаминовича Каргеля (1849–1937) (СПб., 2009).

Марина Сергеевна составляла сборники из целого комплекса материалов, которые условно можно разделить на три категории: исторические статьи, богословские статьи и документы. Часть материалов она писала сама, для подготовки других приглашала своих учеников и коллег. Особую ценность представляют публикации первоисточников. Например, в третьем выпуске были помещены уникальные воспоминания пресвитера ленинградской церкви ЕХБ С. Ф. Фадюхина; в четвертом — воспоминания, выдержки из писем Елизаветы и Марии Каргель, письмо Управления КГБ по Сумской обл. Украинской ССР о судьбе Елены Каргель и её сестер.

Ее советы, рекомендации никогда не были обидными, даже если содержали критику. Для меня Марина Сергеевна была коллегой, руководителем, другом, сестрой во Христе, а также заинтересованным читателем. Она была в курсе того, что пишут и печатают её ученики, с большим интересом следила и за моими занятиями. На мою книгу «Кровь без почвы» она написала рецензию в журнале «Вестник», нашла для этого глубокие, очень точные слова¹. Её учениками можно назвать и других историков русского протестантизма — Алексея Синичкина, Мирьям Кузнецову, Владимира Степанова, Владимира Попова и других.

У Марины Сергеевны Каретниковой и Ольги Сергеевны Колесовой сложились особо тёплые отношения с евангельской церковью Великого Новгорода. Обе бывали здесь регулярно, принимали живое участие в церковных буднях и праздниках. О. С. Колесова привозила сюда журнал «Мария». М. С. Каретникова с воодушевлением приветствовала идею создания при церкви исторического архива и музейной экспозиции, посвящённой евангельско-баптистскому движению на Новгородчине. Пока у нее были силы, она неизменно участвовала в научных конференциях по русскому протестантизму, проводимых в Храме Христа в Великом Новгороде (2013–2015 гг.). Она считала Новгородскую землю особым местом, где русское богоискательство впер-

¹ Каретникова М. С. Новые книги // Вестник. Вып. 48, декабрь 2013. С. 9.

вые проявилось в форме крупных религиозно-общественных движений. Стригольников и «жидовствующих» (т. н. новгородско-московскую ересь) она рассматривала как предшественников русского протестантизма, а может быть, и первых евангельских христиан. Её доклад на конференции, посвященной 150-летию евангельского движения на Новгородчине (13–15.09.2013), опубликованный в сборнике «Феномен российского протестантизма на Новгородской земле», так и назывался: «Новгородчина — колыбель русского евангельского движения»¹. Радостным открытием стал для неё дневник лютеранского пастора Тимана Бракеля, попавшего в плен к русским в 1559 году, более полувека спустя после казни «жидовствующих». В Пскове ему довелось общаться с двумя русскими представителями «скрытой и тайной Церкви». Марина Сергеевна прокомментировала его записи следующим образом: «Так откуда взялась эта «скрытая и тайная Церковь»? Русская! Во Пскове? И это удивительное сходство и мыслей, и поведения с современными евангельскими христианами? И с теми новгородскими и псковскими стригольниками? Это всё одна и та же Библия, евангелие, евангельские христиане. Одно и то же учение, один и тот же образ Христа. И одно и то же преследование!»². На последнюю в своей жизни конференцию, состоявшуюся в Великом Новгороде 12–13.09.2015, Марина Сергеевна по болезни уже не смогла приехать. Но она подготовила и прислала текст доклада «Вопреки всему», который стал её последней прижизненной публикацией на историческую тему³. Ещё один пример верности своему служению «даже до смерти» (Фил. 2,16).

Не все исторические концепции М. С. Каретниковой принимались научным и протестантским сообществом, в том числе и её отношение к «новгородским еретикам», как к предтечам евангель-

¹ Каретникова М. С. Новгородчина — колыбель русского евангельского движения // Феномен российского протестантизма на Новгородской земле: Материалы научно-исторической конференции 13–15 сентября 2013 года. СПб.: «Гамма», 2014. С. 79–84.

² Феномен российского протестантизма на Новгородской земле... СПб.: «Гамма», 2014. С. 83.

³ Каретникова М. С. Вопреки всему // Феномен российского протестантизма: Материалы научно-исторических конференций 2014, 2015 гг. СПб.: «Гамма», 2016. С. 160–176.

ских христиан. Марина Сергеевна спокойно и уважительно принимала разные точки зрения, не обижалась, не стремилась представить себя истиной в последней инстанции. В своих «Альманахах» она не избегала писать о церковных проблемах, приглашала авторов с разными позициями. Не разделяя взглядов баптистов-инициативников, она, тем не менее, одна из первых историков попыталась объективно разобраться в этом явлении, посвятив ему часть 3-го выпуска «Альманаха по истории русского баптизма» (СПб., 2004). Вместе с тем, прожив большую часть жизни в обстановке гонений на христианство, она понимала своё служение историка не только как собирание и изучение фактов, но как и апологетику, защиту веры. Слишком часто встречаясь с предубежденностью и клеветой в отношении «сектантов», она стремилась открыть людям ту часть истории, которая долгое время была в загоне — подвиг веры, мужество, самоотверженность евангельских христиан и баптистов, их искреннее стремление следовать за Христом независимо от внешних обстоятельств. Она видела свет Христов в каждой личности, о которой писала в своих работах или рассказывала на лекциях.

В последние дни жизни, несмотря на страдания, она на вопросы о самочувствии отвечала: «Тело чувствует себя скверно, а душа — счастливо»¹. Когда я ее навестила 25 декабря 2015 года, она открыто говорила, что скоро уйдет к Господу. И не боялась этого. 24 января 2016 года, рано утром, Марина Сергеевна Каретникова отошла в вечность.

Осталось ее научное и литературное наследие, видео- и аудиозаписи. Остались её дети, внуки и, конечно, многочисленные ученики. Осталась добрая память всех, кто знал её — учёного, писательницу, педагога, истинную христианку. И не только в России, но и в других странах.

¹ Марина Сергеевна Каретникова. Режим доступа: <http://baptist.spb.ru/?news/shownews&id=568&t=1>. 24.11.2016.

И сама по себе биография Марины Сергеевны Каретниковой примечательна, как пример для других христиан, как доказательство того, что любая профессия, в частности, историка, учёного, просветителя, может быть одновременно важным, жертвенным служением Богу и людям.

Библиография:

«Голос умолк...». Памяти Ольги Сергеевны Колесовой // Вестник. Вып. 41, сентябрь 2011. С. 16–18.

Записи заседаний 10-го Всесоюзного съезда евангельских христиан в Ленинграде. Л., 1927.

Каретникова М., Колесова О. Тайна силы в немощи: Листая страницы блокадных дневников. СПб.: «Библия для всех», 2012.

Каретникова М. С. Вопреки всему // Феномен российского протестантизма: Материалы научно-исторических конференций 2014, 2015 гг. СПб.: «Гамма», 2016. С. 160–176.

Каретникова М. С. Новгородчина — колыбель русского евангельского движения // Феномен российского протестантизма на Новгородской земле: Материалы научно-исторической конференции 13-15 сентября 2013 года. СПб.: «Гамма», 2014. С. 79–84.

Каретникова М. С. Новые книги // Вестник. Вып. 48, декабрь 2013. С. 9.

Каретникова М. С. Прозрение. СПб.: «Библия для всех», 1999.

Каретникова М. С. Родники // Санкт-Петербургский Христианский Университет 20 лет: История возникновения. СПб.: «Древо жизни», 2010. С. 37–51.

Молода душой: Памяти Марины Сергеевны Каретниковой // Вестник. Вып. 53, апрель 2016. С. 14–18.

Интернет-источники:

24 января 2016 года ушла к Господу Марина Сергеевна Каретникова. Режим доступа: <http://spbcsu.ru/karetnikova/>. 15.11.2016.

Каретникова М. С. Школьный анализ поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» на основе единства формы и содержания. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1961. Российская национальная библиотека. Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (1925–1998) Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/39374/13. 28.11.2016.

Каретникова Марина. Россия будет спасена Божьим Словом. Режим доступа: <http://www.hve.ru/people/interview/2129-marina-karetnikova-rossiya-budet-spasena-bozhim-slovom>. 24.11.2016.

Колесова Ольга Сергеевна. Выпуск 1959 года. Ассоциация выпускников факультета журналистики СПбГУ. Режим доступа: http://jourfac.blogspot.ru/2009/07/1959_7509.html. 20.09.2016.

М. С. Каретникова — почётный доктор исторического богословия СПбХУ. Режим доступа: <http://baptist.org.ru/read/article/95758>. 24.11.2016.

Марина Сергеевна Каретникова. Режим доступа: <http://baptist.spb.ru/?news/shownews&id=568&t=1>. 24.11.2016.

Роза (Шельпякова) Вера. Режим доступа: [https://www.geni.com/people/Вера Роза/390487170730010677](https://www.geni.com/people/Вера%20Роза/390487170730010677). 20.09.2016.

Роза С. А. Расчет разбухания слоя глинистого грунта при восходящей фильтрации. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора технических наук. Л., 1951. Российская государственная библиотека. Электронная библиотека. Режим доступа: [http://search.rsl.ru/ru/search#q=Роза Сергей Адольфович](http://search.rsl.ru/ru/search#q=Роза%20Сергей%20Адольфович). 20.09.2016.

Владимир Степанов
историк (Санкт-Петербург)

КТО ПРИГЛАСИЛ ЛОРДА РЕДСТОКА В РОССИЮ?

С именем англичанина лорда Редстока связано возникновение евангельского движения в Санкт-Петербурге в 1874 году. Через его проповедь обратились к Богу многие столичные аристократы, которые стали собираться по домам для чтения Св. Писания, молитвы и проповеди Евангелия. Пресса назвала этих новых верующих редстокистами, поскольку Редсток был их проповедником и учителем евангельской веры.

Если на этом остановиться, то можно прийти к мнению, что евангельское движение в Санкт-Петербурге имело сугубо английское происхождение. Однако это только часть картины. Давайте зададимся вопросом: каким образом Редсток оказался в Северной столице? Но сначала скажем два слова о нем.

Лорд Редсток

Англичанин Гренвилл Аугустус Вильям Вальдегрейв (1833–1913), третий барон Редсток из Кастлтауна, родился в Ирландии в 1833 г. Его дед и отец, служа во флоте, достигли адмиральских званий, а сам он получил образование в Харроу и в Оксфорде. Посещая поля сражений Крымской войны вскоре после ее окончания, он подхватил лихорадку. Врачи нашли его состояние безнадежным, однако он воззвал к Господу и был услышан. Там, в России, Редсток дал обещание служить Господу, если выживет¹.

¹ Шендеровский Л. Евангельские христиане. — Торонто: 1980. С. 86–88; Коррадо Ш. Философия служения полковника Пашкова. — СПб.: 2005. С. 39; Фаунтин Д. Лорд Редсток и духовное пробуждение в России. — Мн.: 2001. С. 17; и др.

Получив исцеление, он стал необыкновенно ревностным христианином. Под влиянием евангельского пробуждения в Англии, в 1866 году Редсток ушел в отставку с военной службы и всецело посвятил себя служению проповеди Евангелия. В 1868 году он провел свои первые собрания в Париже. В последующие годы Редсток посетил многие страны Европы, США, совершил семь миссионерских поездок в Индию¹.

В богословском отношении Редсток являлся выразителем «внеденоминационного» англо-американского движения пробуждения викторианской эпохи. Акцент в его проповеди делался на личном и прочувствованном обращении к Богу, изменении жизни и посвящении себя Христу на служение².

Духовные искания великосветских дам

В 1860-х – начале 1870-х годов многие петербургские дамы высшего света в поисках живого Бога путешествовали по Западной Европе. Благодаря проповеди Редстока и других европейских проповедников, обратились к Богу генеральша Е. И. Черткова, сестры Козляниновы, княгиня Н. Ф. Ливен, литератор Ю. Д. Засецкая, вдова статского советника М. Г. Пейкер и ее дочь А. И. Пейкер и некоторые другие аристократки. Их рождение свыше произошло за границей, еще до первого приезда Редстока в Петербург³.

Елизавета Черткова, Наталья Ливен и ее сестра княгиня Вера Гагарина были очарованы английскими евангельскими собраниями⁴. Отчасти объяснение этому можно найти, например, у Н. С. Лескова, писавшего о плачевном состоянии тогдашнего православного духовенства, неспособного удовлетворить духовные чаяния своей паствы. Оказавшись в положении овец без пастыря, эти благонамеренные русские дамы стали искать в европейской

¹ *Wardin A. W.* On the Edge. — Eugene, Oregon: 2013. P. 169–171.

² *Лузынин А.* Традиция евангельских христиан. — М.: 2010. С. 69, 88–89.

³ *Лесков Н. С.* Великосветский раскол. — СПб.: 1877. С. 111–113; Ливен С. Духовное пробуждение в России. — Корнталь: 1990. С. 15–16, 33; Мицкевич А. И. История ЕХБ. — М.: 2007. С. 85; История ЕХБ в СССР. — М.: 1989. С. 80–82; Савинский С. Н. История ЕХБ Украины, России, Белоруссии (1867–1917). — СПб.: 1999. С. 142; *Wardin A. W.* P. 171.

⁴ *Wardin A. W.* P. 170–171.

приходской жизни доброго примера и указаний, а затем пожелали ввести что-то подобное в церкви русской¹. Для этой миссии ими и был выбран лорд Редсток.

Кто пригласил лорда Редстока?

Уже в первой половине 1860-х годов зафиксированы многочисленные контакты, которые имела семья Редстоков с русскими женщинами в Англии, и лорд уже тогда выражал желание ехать в Россию². Далее в конце 1860-х – начале 1870-х годов Редсток встречался с русскими во Франции и в Швейцарии во время своих миссионерских поездок³.

В течение 10 лет Редсток надеялся принести свидетельство о Христе в страну, против которой он воевал, и уже начал отчаиваться, что это когда-либо случится. Однако, когда одна или несколько русских дам пригласили его в Санкт-Петербург для проповеди Евангелия, он понял, что долгожданный час пробил⁴.

Наша позиция заключается в том, что эти приглашения исходили не менее, чем от трех лиц. Чтобы обосновать ее, нужно ответить на вопрос: от кого именно поступили приглашения лорду Редстоку?

1. Елизавета Ивановна Черткова

Самый распространенный взгляд отечественных евангельских историков состоит в том, что Редсток прибыл в Россию по приглашению Е. И. Чертковой⁵.

Справка. Елизавета Ивановна Черткова (урождённая графиня Чернышёва-Кругликова; 1832–1922) — благотворительница, последовательница лорда Редстока; внучка графа Г. И. Чернышёва.

Детство и юность провела с родителями за границей, в Западной Европе. В 1851 году вышла замуж за будущего царского генерал-адъютанта Григория Ивановича Черткова (1828–1884). Супруги были весьма близки к царскому двору.

Обратившись к Богу, она оставила придворную жизнь, начала заниматься благотворительностью и проповедью Евангелия. В начале 1890-х годов Черткова на приобретенном участке земли в Гавани Васильевского острова построила деревянный особняк с залом для собраний, ставший одним из центров евангельского христианства в Санкт-Петербурге. Принимала деятельное участие в возведении «Дома Евангелия» на 24-й линия Васильевского острова, д. 11, который был открыт 25 декабря 1911 года¹.

Известно, что Редсток оказал Чертковой духовную помощь в горе, вызванном потерей двух ее несовершеннолетних сыновей².

Многие англоязычные авторы разделяют взгляд, что приглашение поступило от Чертковой, с которой Редсток встретился в Швейцарии, что в его учении она смогла найти утешение своему материнскому горю, и что этого утешения она не смогла найти в формальной принадлежности к русской церкви³.

¹ Лесков Н. С. Указ.соч. С. 113–115.

² Wardin A. W. P. 170–171; Trotter E. Lord Radstock: An Interpretation and a Record. — London: 1914. P. 180; McCarthy M. Religious conflict and social order in 19th-century. — 2004. P. 58; РГИА. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1; Лесков А. Жизнь Николая Лескова. — М.: 1954. С. 339.

³ Wardin A. W. P. 170–171; McCarthy M. P. 58.

⁴ Хейер Э. Религиозный раскол в среде русских аристократов в 1860–1900 годы. — М.: 2002. С. 45–46; Wardin A. W. P. 170–171; Ливен С. Указ.соч. С. 10–11; Fountain D. Lord Radstock of Mayfield. — Southampton: 1984. P. 16–17.

⁵ История ЕХБ в СССР. С. 80, 82; Савинский С. Н. Указ. соч. С. 144; и др.

¹ Сведения из Википедии, отобранные и проверенные автором. Дата обращения: 07.09.2016.

² РГИА. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1; Ливен С. Указ. соч. С. 37; Проханов И. С. В котле России. — Чикаго: 1992. С. 55–56; Юбилейный доклад генерального секретаря ВСЕХБ А. В. Карева в связи с 100-летней годовщиной братства ЕХБ в СССР // Братский вестник. 1967. №4. С. 15; Каретникова М. С. История Петербургской церкви ЕХБ // Альманах по истории русского баптизма. Вып.2. — СПб.: 2001. С. 21–24; Шендеровский Л. Указ. соч. С. 86–88; и др.

³ Fountain D. P.17; Хейер Э. Указ. соч. С. 45; Wardin A. W. P. 169–171; Коррадо Ш. Указ. соч. С. 39–40.

2. «Великая княгиня»

Немало источников указывает на то, что приглашение Редстоку поступило от некой «великой княгини»¹. Наиболее детально эту историю, имевшую место, вероятно, в 1869 году излагает биограф Редстока, миссис Эдвард Троттер. Она пишет:

«В Париже один обратившийся к Господу российский дипломат предпринял усилия, чтобы организовать встречу Великой княгини с лордом Редстоком. На его предложение последовал решительный отказ. Не теряя надежды, он обратился за молитвенной помощью в небольшое собрание на улице Roquepine, чтобы эта беседа все же состоялась. Несколько дней спустя княгине С., которая совсем недавно нашла утешение в своем глубоком горе, было предложено лордом Редстоком провести вечер с ним и его семьей, но из-за вспышки ангины встреча была перенесена из дома лорда в апартаменты княгини»².

Назначенный день лорд провел в посещениях. От хождения целый день по жаре он так устал, что испытывал искушение не идти на встречу с княгиней. Однако, не желая нарушить обещание, он решил все же пойти. Вопреки своему обыкновению он взял извозчика и вследствие этого приехал на десять минут раньше условленного времени. Через три минуты после его прибытия раздался стук в порт-кошер³, и было объявлено имя знатной дамы. Не видя англичанина, она сказала княгине: „Я отправила экипаж, и собираюсь провести вечер у тебя“. Когда лорд Редсток был ей представлен, она вздрогнула. Здесь был человек, с которым она отказалась встретиться. Однако его искреннее и сердечное приветствие разрушило ее предубеждение, а последовавший затем рассказ о Божественной любви нашел неожиданный отклик в ее сердце. Позже их пятнадцатиминутный разговор, который был устроен перед ее отъездом в Россию, предоставил возможность дальнейшего исследования Писаний.

¹ *Fountain D. P.* 16–17; *Харви Э. и Л.* Они знали своего Бога. Часть 4. — СПб.: 2000. С. 153–154; и др.

² Некоторые историки полагают, что этой «княгиней С.» была Черткова.

³ Выездные ворота для кареты, располагавшиеся под домом.

Конечно, прибуди лорд Редсток в назначенный час, Великой княгине было бы сказано, что он вот-вот появится, и она бы избежала встречи с ним, но, казалось бы, случайное изменение ситуации сделало беседу неизбежной, что в результате привело к началу миссии Редстока в России. По возвращении домой Великая княгиня говорила многим из своего круга о том, что она услышала, и позже по ее приглашению лорд Редсток прибыл в Россию»¹.

Эту удивительную историю вслед за миссис Троттер почти в деталях повторяет Софья Ливен. По ее словам, приглашение Редстоку последовало от дамы, принадлежащей «к одной из ветвей русского царствующего дома»².

Невольно возникает вопрос: о ком идет речь? Согласно миссис Троттер, когда по приглашению Великой княгини лорд Редсток прибыл в Россию, он нашел компанию ее родственников и друзей, собранных для встречи с ним, которые слушали с глубочайшим интересом историю его евангельской работы среди лондонской бедноты³.

Из одного архивного источника автором была сделана выписка, что в 1874 году в Санкт-Петербурге «Ее Высочество Евгения Максимилиановна Ольденбургская открыла свою гостиную для проповедей Лорда Редстока». Эта информация позволяет предположить с высокой долей вероятности, что она и была той самой дамой из русского царствующего дома, о которой писали миссис Троттер и Софья Ливен.

Справка. Светлейшая княжна Евгения Максимилиановна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская, принцесса Богарне (1845, Санкт-Петербург — 1925, Биарриц, Франция) — член Российского императорского дома (с титулом «Императорское высочество»). Была четвертым ребёнком в семье великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Племянница царя Александра II, внучка императора Николая I и Эжена Богарне, папы сына Наполеона. Евгения Максимилиановна проявляла большую

¹ *Trotter E. P.* 184–186.

² *Ливен С.* Указ. соч. С. 10–11.

³ *Trotter E. P.* 186.

активность в общественной жизни. Непосредственно участвуя во многих прогрессивных преобразованиях в России, она заслуженно была награждена орденом «За беспорочную службу Отечеству на ниве благотворительности и просвещения»¹.

Мы не располагаем сведениями, что принцесса Ольденбургская стала последовательницей Редстока, но Бог явно использовал ее для того, чтобы лорд мог приехать, и огонь пробуждения зажегся бы в столице Российской империи.

3. Юлия Денисовна Засецкая

Немало источников указывает на то, что приглашение лорду Редстоку поступило и от Ю. Д. Засецкой, которая была близким человеком в семье Редстоков. В 1876 году она писала Н. С. Лескову: «Я в их семействе, включая его недавно умершую мать и его сестру, проводила дни, я у них бывала как у себя»².

Справка. Юлия Денисовна Засецкая, урождённая Давыдова (1835–1882) — дочь героя войны 1812 года Дениса Давыдова.

Уверовала под влиянием лорда Редстока и занялась активной миссионерской и благотворительной деятельностью. Открыла первый в Петербурге ночлежный дом, перевела на русский язык труды Джона Буньяна «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» и «Духовная война», а также роман Лью Уоллеса «Бен-Гур». Засецкая была собеседницей и корреспонденткой Николая Лескова и Фёдора Достоевского, которых пыталась убедить в истинности евангельского вероучения. Писатели же, отдавая должное уму и личным качествам женщины, весьма активно с ней полемизировали.

В середине 1880 года Засецкая уехала из России в Париж, где и умерла в 1882 году³.

¹ Сведения из Википедии. Дата обращения: 11.08.2016.

² Лесков А. Указ. соч. С. 339.

³ Сведения из Википедии, отобранные и проверенные автором. Дата обращения: 07.09.2016.

Литературовед С. А. Ипатова пишет: «Близкое знакомство Засецкой с лордом Редстоком состоялось в Англии, по-видимому, в начале 1870-х годов и произвело на нее неизгладимое впечатление. Именно Засецкая, по сообщению Лескова, полученному от нее самой, как и все сведения о пасторе, использованные им в книге «Великосветский раскол», зимой 1873/74 года пригласила Редстока в Петербург»¹.

Позицию Ипатовой разделяет и литературовед Б. Тихомиров, который пишет: «Активнейшей деятельницей петербургского редстокизма стала Ю. Д. Засецкая. Лесков называл ее «старостихой редстоковой церкви в России» и «главную виновницу всего нынешнего религиозного движения в большом свете»².

Независимо от российских литературоведов, этого же взгляда придерживается авторитетный американский историк Альберт Вардин, который пишет: «Николай Лесков был уверен, что приглашение пришло через Юлию Засецкую, которая приехала познакомиться с Редстоком в Лондон и была одной из горячих его последовательниц в Санкт-Петербурге»³. Эту же позицию разделяет и другой серьезный западный исследователь Марк МакКарти⁴.

4. Лесковская «старостиха» — кто она?

Это неожиданное, если не сказать сенсационное, утверждение о том, что Лесков в книге «Великосветский раскол» писал портрет «старостихи» с Засецкой, противоречит взгляду большинства российских евангельских историков, традиционно отождествляющих героиню очерка с Е. И. Чертковой⁵.

¹ Ипатова С. А. Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: спор о редстокизме: (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. — СПб.: 2001. С. 411, 413.

² Тихомиров Б. С Достоевским по Невскому проспекту. — СПб.: 2012. С. 215–216.

³ Wardin A.W. P.171.

⁴ McCarthy M. P. 59.

⁵ История ЕХБ в СССР. С. 84; Каретникова М. С. «Старостиха» // Мария. 1995. №2(3). С. 7; Савинский С. Н. Указ. соч. С. 148; Попов В. «Старостиха редстоковской церкви» Елизавета Черткова // Истина и Жизнь, 2006, №5. С. 32, 35; Кузнецова М. Елизавета Черткова — образец строгой честности // Мария, 2012. №2. С. 12; и др.

Нужно сказать, что обе стороны не приводят в защиту своей позиции никаких аргументов, очевидно, считая свой взгляд единственно возможным. Кто же прав в этом заочном споре? Чтобы решить этот вопрос, необходимо проанализировать текст книги и сравнить изложенные Лесковым конкретные факты и характеристики личности «старости» с тем, что нам известно о Чертковой и Засецкой. При этом решающее значение для выяснения истины будут иметь такие факты, которые можно достоверно отнести лишь к одной из упомянутых нами героинь.

Но прежде выяснения этого вопроса, дадим слово Лескову, согласно которому «старости» сделала для успеха дела проповеди не меньше, чем Редсток: «Она отыскала в Англии Редстока и пустила его в ход в Петербурге...»¹; «выписала его в Россию...»²; «всё это шло разумеется под ее водительством... ее как-то по-матерински радовали его успехи...»³; а ведь «успех лорда Редстока в высшем петербургском обществе (...) репутация его, как проповедника, могла бы очень скоро пасть, если бы не было при нем этой горячей, пламенной и фанатически ему преданной женщины (...). Его успех должен быть приписан не столько ему, как этой энергичной женщине. Она не только собирала ему аудиторию, но она маскировала скуку его бесед своим кипучим оживлением; она страдала за него, видя, как из него не летит выпрыгнутое крылатое слово; страдала за слушателей, наконец, за саму себя и на другой день опять верстала людей в слушатели, уверяла всех и себя саму, что это было хорошо, и такими неутомимыми усилиями ввела в моду Редстока, которому без нее здесь не было бы никакого хода и значения. Теперь его положение упрочено...»⁴.

Убедившись в решающей роли «старости» в успехе Редстока, мы оказываемся еще более заинтригованы. О ком всё-таки пишет Лесков: о Чертковой или Засецкой?!

¹ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 268.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 286.

⁴ Там же. С. 163–164.

Первое утверждение писателя, которое помогает пролить свет: отец «старости» — «известнейший герой двенадцатого года»¹.

Отец Засецкой — Денис Давыдов, безусловно, является таковым. Во время войны 1812 года к нему, поэту и герою-партизану, пришла всенародная слава, которая не померкла до наших дней.

Напротив, Ивана Кругликова (или Ивана Чернышева-Кругликова)² — отца Чертковой, никак нельзя отнести к «известнейшим» героям, хотя он был участником войны 1812 года и удостоен наград за храбрость в сражениях русской армии против Наполеона в Европе в 1813–1814 годах.

Но что такое всенародная известность? Когда писали о Засецкой, почти всегда упоминали, что она — «дочь героя войны 1812 года Дениса Давыдова». Это делалось потому, что Денис Давыдов был известен всем, а о Чертковой так не писали, потому что ее отец Иван Кругликов такой славой не обладал. Поэтому, слова Лескова об отце — «известнейшем герое», являются первым весомым аргументом в пользу Засецкой³.

Второе утверждение Лескова, которое помогает пролить свет: после сближения с Редстоком и возвращения в Россию, «старости» пожертвовала значительную сумму денег на устройство ночлежного приюта бездомным⁴.

Это еще один надежный аргумент в пользу Засецкой. Согласно воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, жены писателя, знакомство Достоевского с Засецкой относится к 1873

¹ Там же. С. 278.

² В 1832 году он присоединил к своей фамилии жены, наследницы графов Чернышёвых, и стал первым из графов Чернышёвых-Кругликовых.

³ Приходилось слышать возражение: сейчас Давыдов знаменит, а сто лет назад мог быть знаменит Кругликов. В этой связи автором был просмотрен ряд книг, посвященных героям Отечественной войны 1812 года, изданных еще до революции 1917 года (Головин Н. Н. 1812 год: Альбом Отечественной войны и ее героев. — СПб. — М.: 1902; Елчанинов А. Г. Герои-полководцы 1812 года. — М. — СПб.: 1912; Елчанинов А. Г. Герои-офицеры в войну 1812 года. — М. — СПб.: 1912; Выставка 1812 года. — М.: 1913). Эти издания подтвердили всенародную известность Давыдова, а имя Ивана Кругликова (Чернышева-Кругликова) не встретилось ни разу.

⁴ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 283.

году: «Она только что основала тогда первый в Петербурге ночлежный дом (по 2-й роте Измайловского полка) и чрез секретаря редакции „Гражданина“ пригласила Федора Михайловича в назначенный час осмотреть устроенное ею убежище для бездомных»¹.

Черткова также занималась благотворительностью. В 1871 году на ее средства в Гавани (Канареечная улица, 3-5) был открыт детский Екатерининский приют (позднее Екатерининское училище), в котором дети получали содержание, образование и христианское воспитание².

Тем не менее у Лескова ясно говорится о ночлежном приюте для бездомных, а его содержала Засецкая. К своему детищу она относилась самоотверженно, о чем было сказано в ее некрологе:

«27 декабря [1882 года] скончалась в Париже Юлия Денисьевна Засецкая, дочь знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Покойная была хорошо известна своею филантропическою деятельностью. Она первая задумала и осуществила проект ночлежного приюта, устроенного по Обводному каналу, близ вокзала с.-петербургско-варшавской железной дороги, на несколько сот лиц обоого пола. В течение почти десяти лет Ю. Д. Засецкая непосредственно руководила созданным ею учреждением и неоднократно дополняла скудный приход от 5-ти копеечной оплаты собственными средствами. Салоны г-жи Засецкой собирали тоже нередко, великим постом, избранное столичное общество на религиозные беседы»³.

Третий аргумент Лескова в пользу Засецкой: сознательное и искреннее искание живого Бога. Лесков пишет, что его героиня с юности, наблюдая жизнь приходского священника, приехавшего служить в их родовое имение, пришла к мысли, что «в России

ни Бога, ни христианства не понимают»¹. С ненасытимой жадной богоискательства ее потянуло в Европу. «Как другие ездят туда за модами и удовольствиями, так она летела туда искать лучшей веры». Происходит ее знакомство со многими протестантскими учителями веры в Германии и в Англии. Наконец, она сближается с Редстоком: «Она нашла в нем христианина по своей мысли и на нем остановилась»².

Это повествование о «старостихе» хорошо согласуется со словами Лескова, прямо посвященными Засецкой в истории «О куфельном мужике и проч.»:

«Словом, она была очень добрая и хорошо воспитанная женщина и даже набожная христианка, но только не православная. И переход из православия в протестантизм она сделала, как Достоевский правильно понимал, потому, что была искренна и не могла сносить в себе никакой фальши. (...) И он ей пенял и наставлял, но никак не мог возвратить заблудшую в православие. Споры у них бывали жаркие и ожесточенные, Достоевский из них ни разу не выходил победителем. В его боевом арсенале немножко недоставало оружия. Засецкая превосходно знала Библию, и ей были знакомы многие лучшие библейские исследования английских и немецких теологов, Достоевский же знал Священное Писание далеко не в такой степени...»³.

Теперь нам уже известно, откуда произросли корни европейских теологических знаний Засецкой, которым не мог противостоять Достоевский.

У Чертковой путь был иной. Она пусть формально, но долго держалась за православие. Согласно С. Ливен, «ей пришлось пережить много внутренней борьбы, чтобы полностью освободиться от вековых предрассудков»⁴. По свидетельству самой Чертковой, она много лет жила беспечной, самой пустой светской жизнью. Для нее религия была какой-то официально-холодной формальностью. Лучшие годы свои она проводила в светских удовольствиях

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. — М.: 1987. С. 278. Датировка может быть уточнена на основании следующего факта: ночлежный дом (2-я рота Измайловского полка, д. 14) был открыт 25 марта 1873 года на средства «Общества ночлежных приютов» (председатель — Ю. Д. Засецкая), о чем сообщила газета «Голос» (27 марта 1873 г. №86) (Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 2. — СПб.: 1999. С. 363).

² РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63.

³ Новое время. 1883. № 2462. 5(17) января. С. 3.

¹ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 279–280.

² Лесков Н. С. Указ. соч. С. 281–283.

³ Лесков Н. С. Зеркало жизни. — СПб.: 1999. С. 571.

⁴ Ливен С. Указ. соч. С. 42.

ях, без одной серьезной мысли. При этом Бог искал ее, дав свидетельство о Себе через знакомство с евангельскими верующими в Англии. Хотя вера этих людей произвела на нее немалое впечатление, но не привела сразу к перемене ее жизни. Она удалилась от Бога, боролась с Ним, пока не была сокрушена, по ее же словам, смертью двух своих сыновей. У Чертковой обращение к Христу произошло через это личное двойное горе, и если бы Лесков писал о ней, то не мог бы не упомянуть этот ключевой момент ее духовного пути¹.

Четвертый аргумент в пользу того, что Лесков писал о Засецкой, заключается в том, что Лесков и Засецкая хорошо знали друг друга, часто общались, состояли в переписке. Само написание «Великосветского раскола» стало возможным исключительно благодаря тому, что Засецкая предоставила писателю свои записки о Редстоке². Близко знавшему Засецкую и как литератора, и как искреннюю редстокистку, Лескову ничто не мешало сделать ее героиней своего очерка. В то же время отсутствуют письма или иные сведения о том, что писатель был хорошо знаком с Чертковой и потому маловероятно, что он мог бы со знанием дела изобразить ее путь духовных исканий и дать ее психологический портрет.

Итак, факты не противоречат друг другу и свидетельствуют о том, что в образе «старостиhi» Лесков изобразил Засецкую. Но тогда возникает вопрос: почему в евангельской историографии «старостиhi» всегда отождествляли с Чертковой?

А всегда ли? Выполненная автором проверка показала, что это утверждение возникло сравнительно недавно и впервые было напечатано в 1989 году в авторитетном труде «История ЕХБ в СССР»³. Поскольку этот солидный труд вполне заслуженно стал исторической классикой, то легко понять, почему эта точка зрения постоянно тиражировалась и переносилась из одной публикации в другую, формируя устойчивый стереотип.

¹ РГИА. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–48; *Ливен С.* Указ. соч. С. 37; *Каретникова М. С.* История Петербургской церкви ЕХБ // Альманах по истории русского баптизма. Вып. 2. — СПб.: 2001. С. 22; *Корабель А. И.* *Via sacra*. Святой путь. — СПб.: 2012. С. 138–139.

² *Лесков А.* Указ. соч. С. 339.

³ С. 84.

Наверное, стоит задаться вопросом: как это стало возможным? Ответ видится в следующем. Очерк «Великосветский раскол» впервые увидел свет в начале 1877 года и повествует о самом начале пробуждения. Это своего рода стоп-кадр первых трех лет евангельского движения в Санкт-Петербурге. Историки, да и просто наблюдательные люди знают, как быстро меняется общественное сознание и взгляд на вещи, если они не записываются и не передаются из поколения в поколение. Увы, Засецкая, игравшая важную роль в первые годы движения, о чем свидетельствуют первоисточники, в исторической памяти церкви ушла на вторые роли после своего отъезда из России и ранней кончины в Париже в 1882 году. В то же время Черткова была ключевой фигурой евангельского движения свыше 40 лет, вплоть до революции 1917 года, и потому оставила значительно более глубокую память в евангельской истории. Для сравнения, в упомянутой «Истории ЕХБ в СССР» Засецкая упоминается лишь дважды, а Черткова — 18 раз.

Вероятно, поколение евангельских историков, жившее во второй половине XX века в условиях цензуры и запретов на доступ к информации, не имело возможности изучить достаточный массив первоисточников и пришло к неверному умозаключению. Ассоциация образа Чертковой с лесковской «старостихой» не вызвала особых сомнений, поскольку по отношению к Редстоку у Засецкой и Чертковой было много схожего: обе знали лорда по встречам в Англии, еще до его приезда в Петербург, обе пригласили его в Россию, обе были его деятельными помощницами, обеспечивая аудиторию и переживая за успех его проповеди.

Впрочем, надо оговориться, что наши аргументы в пользу Засецкой не могут служить прямым доказательством, каким могла бы стать, например, обнаруженная в черновике или записной книжке Лескова запись писателя, в которой бы говорилось, с кого именно он писал свою «старостиху». Поэтому право на существование имеют обе точки зрения, и каждый может сделать свой выбор.

5. Прибытие Редстока в Петербург

В течение 10 лет Редсток надеялся посетить Россию и начал отчаиваться, что это когда-либо случится. Однако дверь, наконец, открылась через приглашения, которые он получил от нескольких русских женщин. Редсток, живя под водительством Святого Духа, учил: «Никогда сами не открывайте полуоткрытую дверь. Когда Бог хочет, чтобы мы шли, Он откроет перед нами широкие двери! Иногда, чтобы испытать нас, Он позволяет нам видеть лишь приоткрытую дверь. Будем ли мы ждать, когда Он Сам широко распахнет ее для нас?!»¹

Вот почему Редсток многие годы ждал ясного указания от Бога, и только после нескольких приглашений от разных лиц, и что важно, от члена Императорского дома, обрел уверенность, что путь его в Петербург, наконец, приготовлен Господом². Можно сказать, что на нем исполнилось Слово Божье: «При словах двух или трех свидетелей состоится дело» (Втор. 19:15).

В ту же зиму Редсток поехал в Россию и прибыл в Петербург не позднее февраля 1874 года³. Как он, так и его слушатели, были подготовлены Богом, и потому вскоре началось евангельское пробуждение.

Заключение

Наше исследование позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, собраны убедительные аргументы, что в очерке Н. С. Лескова «Великосветский раскол» в образе главной героини, горячей помощницы Редстока, пригласившей его в Россию, запечатлена Ю. Д. Засецкая. Однако и традиционный взгляд отечественных историков, что «старостихой» является Е. И. Черткова, нельзя считать утратившим значение. Только дальнейшие исследования помогут нам придти к окончательной ясности.

Во-вторых, собраны сведения, показывающие ведущую роль петербургских великосветских дам в организации евангельского пробуждения. Наше исследование подтвердило, что лорд Редсток приехал в Россию по приглашению нескольких русских женщин. Мы можем назвать определенно Е. И. Черткову, Ю. Д. Засецкую и, с высокой долей вероятности, Ее императорское высочество принцессу Евгению Максимилиановну Ольденбургскую. Эти дамы не только пригласили лорда Редстока, но и создали ему условия, горячо покровительствовали ему и много сделали для успеха его проповеди. Важно осознать, что Редсток стал проводником евангельского пробуждения по желанию и инициативе русских женщин-аристократок. Это был их собственный, никем не навязанный выбор.

В-третьих, эти русские женщины были не только возрожденные на Западе, но и приобрели опыт английской евангельской духовности. Они понимали, что если Редсток приедет, то и в русском обществе может начаться евангельское пробуждение, подобное английскому. В результате сотрудничества этих дам и лорда Редстока произошла историческая встреча англо-американского движения пробуждения и русского евангельского богоискательства. Следствием этого стало духовное пробуждение в Санкт-Петербурге, которое повлияло на формирование евангельских церквей по всей России¹.

¹ Авторская позиция о равно важном вкладе западных и российских факторов в формировании евангельского христианства на Северо-Западе России хорошо согласуется с выводами на данный счет историков В. Попова и К. Прохорова (Попов В. А. Евангельская миссия лорда Редстока // Путь богопознания. 1997. Вып. 2. С. 116; Прохоров К. Между Западом и Востоком // Богословские размышления. 2012. №13. С. 71–72, 76).

¹ Fountain D. P. 15–16; Мицкевич А. И. Указ. соч. С. 81–82.

² Ливен С. Указ. соч. С. 11.

³ Ливен С. Указ. соч. С. 11; Гражданин. 1874. №8. 25 февраля.

† Йозеф Барон

Титулярный Архиепископ Единой евангелическо-лютеранской церкви России,
доктор Святой Теологии града Рима,
профессор Нового Завета при С.-Петербургской
Евангелической Богословской Академии

МАРТИН ЛЮТЕР И РЕФОРМАЦИЯ¹

in memoriam patris mei spiritualis
archiepiscopi Rigensis et Latviensis DDr. Jānis Matulis

* 21. II 1911 Калуга † 19. VIII 1985 Rīga

А. В первой части нашего доклада речь шла о том, было ли у Лютера переживание правды Божией на основе веры каким-то полностью новым явлением или *лишь некой вариацией* в рамках более широкого, соборного и католического, — уже заданного в Писаниях, имея в виду и послания апостола Павла?

Сразу стоит отметить, что понятие «правда Божия» и «оправдание верой» у Павла никогда не встречаются отдельно, отрывочно от понятия новой жизни в Духе. Более того, речь у апостола идет о постоянном обновлении нашего ума².

Павел говорит не просто о реформации (*reformatio*) как о некоем преобразовании (т. е. как о перестройке), а о духовном обновлении. То, о чем речь идет в Рим. 12:2, 1 Фес. 5:19-21, Еф. 4:22-24 или 5:18б, необходимо, скорее, обозначить словом *renovatio* — обновление.

¹ Продолжение, начало в Материалах III научно-исторической конференции «Ян Гус – 600 лет», Храм Христа, Великий Новгород, 12–13 сентября 2015 года, с. 126.

² Ср. 1 Кор. 2:12-16 и Еф. 4:23!

Более того. Само понятие духовного обновления; то, что, по существу, и необходимо называть Реформацией, первоначально нужно искать не в Виттенберге и Германии, а уже у апостола. Да и у Самого Христа. Ибо, «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие»¹.

Известно, что процесс церковного обновления на Западе посредством соборов и реформ в определенной степени происходил и до XVI века. Уже монашеское движение на Востоке в IV столетии, будучи реакцией против обмирщения и огосударствления Церкви², стало в определенной степени Реформацией; и не только в значении просто «перестройки», но и в смысле обновления духовного. Подобное можно было сказать и о возникновении монашеских орденов на Западе, напр., о Бенедикте и бенедиктинцах, о Франциске Ассизском и францисканцах, и т. д.

Таким образом, если сравнивать открытие правды Божией у Лютера с переживаниями других людей, то, наверно, мы могли бы найти определенную долю того, что и до него было пережито или воспринято. При этом другие до Лютера главный акцент делали не просто на оправдание, но на перемену ума — на покаяние как духовное возрождение (Августин, многие представители монашества и др.). Поскольку оправдание и в посланиях Павла означает *только один из моментов* того, что апостол в своем целостном понимании Откровения Христова называет также «искуплением», «примирением» и «освящением»³.

Крылатое выражение Альберта Швейцера, сказанное в начале XX столетия⁴: «...реформация боролась и победила именем Павла», — в определенной мере и сегодня имеет право на существование; если апостола толковать не отрывочно, а контекстуально, т. е. по католическому, по соборному.

¹ Ин. 3:5 и далее.

² Реакцией против обмирщения и огосударствления были также монтизм и донатизм в III–V веках. Это тоже можно считать одной из вариаций всей Реформации.

³ 1 Кор. 1:30. — Ср. 2 Фес. 2:13; 1 Кор. 6:11 и многие другие места у Павла.

⁴ Schweitzer A. Geschichte der Paulinischen Forschung von der Reformation bis auf die Gegenwart. — Tübingen, 1911. S. 1.

Профессор Эддон Лэдд обращает внимание на статистику употребления понятий апостолом. Глагол «оправдывать» у Павла встречается 14 раз, а существительное «праведность» — 52. Оба термина сосредоточены, в основном, в посланиях к Римлянам и к Галатам. Вне этих двух посланий глагол «оправдывать» употребляется только в 1 Кор. 6:11 и Тит. 3:7. «Фактически, — далее отмечает Лэдд, — всю религию Павла можно объяснить, не говоря ни слова об этом учении, за исключением разве что той части, которая относится к закону»¹.

Наличие такой статистики привело многих к выводу, что учение об оправдании не может являться главным для богословской мысли апостола. Скорее, оно было сформулировано только *как полемика против несогласных с апостолом иудеев*².

Скорее, и нам необходимо прийти к выводу: для апостола Павла «оправдание верой» *не* является самоцелью, а только *началом* новой жизни во Христе и Его Духе. Это особо видно в том же Послании к Римлянам, напр. в 8-й главе. Ибо «...вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его»³.

Б. Возвращаясь к определению самого понятия «реформация», необходимо отметить: в более узком значении под Реформацией обычно и понимают *духовно-политическое* движение — стремление в XVI веке обновить западную Церковь. При этом преобразование, реформа, *как таковые*, еще не гарантируют обновления у всех.

Но и сегодня было бы наивно полагать, что те духовные переживания, которые в свое время испытали Августин или другие в историю Христианства вошедшие личности, — среди них и открытие веры Лютером, — у всех означало бы стопроцентно, то же са-

¹ Здесь проф. Д. Э. Лэдд, повторяет мнение и немецких ученых В. Вреде (Wrede) и А. Швейцера (Schweitzer). — Богословие Нового Завета. — СПб., 2003. С. 511 к прим. 1422.

² См. у А. Швейцера, Эндрюса, Сабатье, Шепс и др.

³ Рим. 8:9. В другом послании читаем: но вы, — пишет апостол, — «освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего». — 1 Кор. 6:11.

мое; при этом — и как нечто равномерное, постоянное. Поэтому никак нельзя представить и наше бытие без перемен и движения; если бы их не было, не было бы и истории *как процесса*.

Это связано с тем, что каждая личность, в той или иной мере, находится в становлении и развитии. Но не каждая из многих личностей, разумеется, переживает то, что пережил апостол Павел¹. Или, к примеру, Иустин Философ, Ориген, Иоанн Златоуст, Августин. Или Паскаль², Весли, Киркегор³. Или Пашков, Проханов, Антоний (Блум)⁴ и многие другие.

К тому же история, в которой мы находимся, и сама означает трагическую изменчивость, непостоянство. И только в вечно-метафизическом измерении Истина Божия — Христос — для каждого константна и неизменна.

А если, например, в православии постоянно говорится о важности предания, то в таком случае предание понимается и как некий, веками накопленный опыт; некий «образец», который должен служить как ориентир и для каждого.

¹ Мы и сегодня не можем пережить то, что пережил апостол. Более того, мы, совершая или стараясь совершить очередную «реформацию» в наших церквах и конфессиях, наряду с Лютером или другими видными реформаторами, никогда не сможем получить именно тот полный опыт, который, после своего обращения ставший второй парадигмой Самого Христа, получил апостол Павел!

² Имеется в виду текст т. н. «мемориала», написанный Паскалем на бумаге 23 ноября 1654 г. и хранимый им в одежде: «Огонь. Бог Авраама, Исаака и Иакова, а не философов и ученых. Веруй, веруй, почувствуй радость и мир...».

³ Датский мыслитель, видя некую параллель между собою и апостолом Павлом, признается: «что касается меня, то с юных лет мне было ниспослано жало в плоть. Не будь этого, я бы уже давно жил обыкновенной жизнью». — Цит. по: Шестов Л. И. Жало в плоть // Киркегард и экзистенциальная философия. Эл. версия [2013]. — Ср. 2 Кор. 12:7.

⁴ Митр. Антоний Сурожский в своих беседах часто упоминает свое обращение при чтении Евангелия от Марка. Он говорит: «я начал читать, и между первой и третьей главой» Евангелия «вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, за которым я читаю, стоит живой Христос. Я Его не увидел, но была «совершенно простая уверенность, что Он тут стоит. И тогда я подумал: если это так, то все, что сказано о Нем, должно быть, правда... — Быть христианином... С. 16.

Иными словами, предание, включая в него, разумеется, в первую очередь, Писания, — это инструмент сохранения и передачи свидетельства об Истине для всех. Но сама Истина у каждого при помощи Духа может восприниматься в разной степени или интенсивности¹.

Таким образом, для реального представления сложного исторического процесса никак нельзя обойти само *понятие личности*. Не только с Ренессанса, но и с эпохи немецкой Реформации речь все чаще идет о месте индивида в обществе. Верно, общество на исходе Средних веков еще отождествляется с Церковью, а последняя, отчасти, и с государством.

Вместе с тем нельзя забывать и перемен в отношениях самого индивида к Истине. Именно немецкую Реформацию часть философов и сегодня видят в тесной связи

а) с перемещением *критерия* объективной Истины — как вечно-метафизического, неизменного предмета — на отдельную личность, на субъект. Действительно, мы имеем дело с т. н. «копернико-лютеровской революцией»². — Поскольку Истину перемещают, сдвигают с объекта на субъект, на свое «я», на личность.

¹ У христиан первой и основной Истиной является Сам Христос, Который «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8). Тем не менее вокруг основной Истины имеются многие ей подчиненные, с нею связанные «истины». В этом отношении лютеранский богослов *О. Кульман* определение II Ватиканского собора о «иерархии» истин считал самым революционным. — См. декрет «Об экуменизме» 11.

² Такой термин-понятие имеет некую параллель с открытием Коперником гелиоцентризма: отныне не Земля с человеком как «венцом» творения Божьего находится в центре вселенной, а Солнце. Известно, кардинал Николай Кузанский еще до Коперника, к середине XV в., писал о том, что он сам во вселенной допускает возможность наличия нескольких или многих землеподобных планет с похожими на людей жителями на них. — Мысль для той эпохи довольно «еретична». С точки зрения богословско-философской необходимо каждому задаться более важным вопросом, чем «точные» науки и астрономия: *является ли событие Креста для нас самым центральным фактом в истории, СМЫСЛ которого окончательно открывается в Воскресении Христовом, преобладающем и исторически-земное, в т. ч. и «материально-точное» измерение вселенной?*

Но это, как мы уже отметили, *не* означает, что каждая личность была бы способной в той же мере воспринимать и переживать Истину¹. В ином случае и после немецкой Реформации и сам протестантизм не разделился бы на многие направления и даже секты; на то, что мы и имеем сегодня. Более того, — не было бы и великого разделения Христианства на восточное православное и западное католическое уже в 1054 г.

Говорят, Европа «начала мыслить» только с появлением Джона Уиклифа² и Яна Гуса³, выступавших за «равенство всех» в Церкви и за авторитет Писаний, а также — с открытием солнечной системы Коперником и основами научной анатомии, данными Андреасом Везалием⁴. Эти эпохальные открытия произошли как до, так и *после* 1517 г.

«Революционное» в этих открытиях можно было определить в том отношении, что каждый был бы в состоянии найти в Библии Истину сам — без посредничества соборной Церкви, а земля как творение Божие вместе с человеком уже не находилась в «центре» Вселенной. Да и тело самого человека, — как «венца» всего сотворенного, — вдруг стало объектом медицинского, научного исследования.

К этим открытиям можно было причислить и начатое книгопечатание Гутенбергом (средневековая Церковь далее уже не могла сохранить «контроль над умами»), а также открытие Америки как нового континента (там жили люди другой расы, были другие фауна и флора, животные и растения, что и свидетельствовало о *многообразии* мира). Появление земной карты Герхарда Меркатора⁵ — т. н. «проекции Меркатора» — уничтожило представление о Земле как о некой «плоскости», над которой должно было находиться «небо», а под Землей — «ад».

¹ Ср. Рим. 12:3! — Таким образом, на место равномерного познания Истины, духовного обновления всех, — а это всегда в истории Церкви осуществляется меньшинством, — и вступает элемент разделения, т. е. революции, переворота. (Более подробно речь об этом пойдет в третьей части доклада — в пункте III B).

² По другой транскрипции: *Уиклиф* *1320/1324 +1384.

³ *1369 +1415.

⁴ *1514 +1564.

⁵ *1512 +1594.

Если гелиоцентризм философ и психолог Эрих Фромм считает первым «унижением» человека как «венца творения Божьего», то теорию эволюции Чарльза Дарвина¹ (XIX в.) можно обозначить как второе «унижение», а учение Зигмунда Фрейда² о подсознании человека — третьим большим его же «унижением» уже в XX веке.

Разумеется, череду революционных открытий можно было и продолжить, но она и сегодня в итоге все-таки не сможет удовлетворить вопрошания каждого о самом себе, — о том, что он и далее остается искателем некоего вечного Смысла, находящегося как в нем самом, так и *вне* его...

Проблема смысла у личности становится особо острой позже, в эпоху Просвещения, также и в XX столетии. — Поскольку большинством Истина уже *не* понимается как авторитет для усвоения или переживания, а как эмансипация, как освобождение от нее самого себя. Именно в таком развитии вещей мы и имеем дело с *секуляризацией*. Ее важной стороной до сих пор остается либерализм, который, — отмечает и Патриарх Кирилл, — «есть неправильно понятая свобода. Ибо мера всей ИСТИНЫ — лишь в Боге и во Христе...

Поэтому Христос и может все, а Церковь — лишь может указать на Христа» как на альфу и омегу, как на смысл³.

Отныне *каждый* как бы должен иметь дело с Богом и Его *правдой непосредственно* — обходя многовековое предание, церковное учительство и даже духовный опыт старших по образованию и служению, часто их не уважая и не считаясь с ними.

Но опасность таких исканий ожидает и в следующем моменте: субъект, вместе того чтобы стать *подражателем Истине*⁴, и сам «желает» быть *критерием* всей Истины (!)

Присоединяясь к мысли князя Е. Трубецкого, можно утверждать: субъект, вместо того чтобы лучше познать Истину как нечто Целое, вместе того чтобы участвовать в объективно-вселенском

¹ *1809 +1882.

² *1856 +1939.

³ Слово на Рождество Христово от 7 января 2014 г.

⁴ 1 Фес. 1:6; 1 Кор. 4:16; 11:1; Еф. 5:1; Флп. 2:5 и 3:17; Рим. 15:2-3; Ин. 8:31-32 и др. топосы.

сознании, — ибо космос, «мир во времени есть, лишь поскольку его держит в себе всеединое сознание»¹, — желает определить и себя самого. Но определить себя — без учета сознания всеединого, соборного, кафолического.

Это сознание всеединого и есть соборное, кафолическое или универсальное. А поэтому, делая акценты на разные моменты всеединого, более того, — абсолютизируя один из моментов того же всеединого или кафолического, — мы легко теряем то, что и в Христианстве принято считать контекстом, взаимной связью между Целым и частями этого же Целого.

Иначе говоря, кафоличность или соборность в Христианстве — это *видение целого, общего, благодаря взаимной связи между отдельными частями бытия*. Но в таком случае протестантизм, начатый преобразованиями в Германии, есть не что иное, как *попытка видения основного момента в нашем бытии*², — старание реформаторов возвращаться к началам Христианства. Вместе с тем

б) немецкая Реформация означает и *приватизацию* Истины как сакрального и святого. Отныне каждый, часто и в одиночку, должен определиться с тем, кто или что для него является авторитетом, примером для его жизни и т. д.

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. — М., 2000. С. 113. — Ср. также Бытие 1:1 и Ин. 1:1-3!

² Так, Реформация во всем христианском бытии выделяла четыре или пять *sola* — «только». Она считала важными принципами: «только Христос», «только верой», «только благодатью», «только Писание» и «только Богу слава». Более поздние направления протестантизма выделяют такие моменты, как «крещение только взрослых», спасает «только Евангелие», молитва (говорение) «только на языках», «праздновать только субботу» и т. д. Тем не менее, типичными с определением «только» для протестантизма не стали и другие принципы, которые можно было выделить у того же апостола Павла. Напр., «только любовь», имея в виду 1 Кор. 13:13, «только Распятый и Его Крест», имея в виду 1 Кор. 1:23, «только покаяние», учитывая, напр., 2 Тим. 2:25, «только Дух», подразумевая 2 Кор. 3:6 и 17, «только Церковь», учитывая, к примеру, 1 Тим. 3:15. Но, *абсолютизируя один момент, выделяя его из общего кафолического, соборного контекста, мы и сегодня рискуем не увидеть ЦЕЛОЕ, связанное со многими отдельными моментами или частями*. Даже принцип «только Христос», учитывая 1 Кор. 3:11, остается без полного контекста, если не иметь в виду, напр. и Еф. 2:20-22. Или то, что Церковь есть не «только Христос», но и Тело Христово, т. е. Глава Тела и его *многие* члены. — Рим. 12:5, 1 Кор. 12:12-14 или Еф. 1:22-23.

Разумеется, такое определение сакрально-святого как Истины становится нелегким, ответственным мероприятием. Верно, первое место в результате Реформации XVI в. снова — и по праву — занимает Христос; только Он — *solus Christus*¹.

Протестантизм, как правило, и сегодня не практикует особого почитания Святых; он, как это, во всяком случае, практиковалось в лютеранстве, их упоминает или помнит. Но и Христос, кажется, начинает терять связь с людьми из-за того, что исчезает добрый пример веры тех же Святых, **подражающих не себе, а Ему как Истине**². — Поскольку человек не есть сам по себе последний критерий Истины, а Христос.

В этом отношении фраза Апостольского символа: «верую в общение святых» и сегодня не может терять своего значения.

в) Перемещение *критерия* объективной Истины на личность субъекта, в итоге, касается и понимания Креста.

Здесь же полезно, более того, крайне важно, еще раз отметить то, что среди 95 тезисов Лютера от 1517 г., последние из них, включая и 68-й, посвящены именно Кресту.

Будучи веками объектом почитания и созерцания, а также, что особо важно, — духовного послушания, — и Крест становится не только предметом подражания, но чаще всего неким *сим-*

¹ «Только Христос» — один из принципов Реформации.

² Ср. *Святые и их почитание* // Барон Й. Теология св. Апостола Павла. С. 397-402. Отметим, что преувеличения и другие странности в почитании Святых, безусловно, были; именно Реформация призывала человека обратно к христоцентризму. Но полное отрицание святости как доброго примера у наших предшественников и современников в вере; то, что мы имеем почти во всем протестантизме сегодня, — тоже крайность. Здесь же можно привести параллель еще одной крайности: культ звезд кино, эстрады или спорта. Если в Средние века практиковали особое почитание реликвий святых, то сегодня на аукционах продают вещи т. н. «знаменитостей». А что же важнее: вспоминать добрый пример веры того или иного Святого или практиковать культ звезд шоу бизнеса, включая фетишизм их личных вещей?!

*волом протеста*¹. Именно у Лютера Крест делается особым оружием против структурализма в Церкви, включая индульгенции. А также — инструментом против формализма в вере и в мышлении. Против того, что и сегодня иногда называют «схоластикой» или «догматизмом»...

В. Все вышесказанное нами и может относиться к определению того, что мы обычно называем *Реформацией*. Но мы же в начале отметили и то, что не только слово «реформация», но и «протестантизм» сегодня может означать некое расплывчатое представление, не говоря уже о т. н. «неопротестантизме».

Из-за этих соображений полезно было постараться найти какие-то точки соприкосновения, представить себе эти понятия более четко и ясно.

Известно, что слово «протестант» впервые прозвучало в 1529 году в г. Шпейере, когда одна часть князей и представителей городов, симпатизирующих Реформации, показали императору Карлу V своего рода «акт неповиновения» в вопросах совести и веры — *протестацию*. С тех пор последователей Реформации и начали называть «протестантами».

Позже такое название распространилось на всех оставших католичество христиан вплоть до сегодняшнего дня. Для многих слова «протестант», «протестантизм», «протестантство» и до сих пор сохраняют определенный негативный смысл. Но мало кто знает, что сама этимология слова происходит от латинского *protestatio*. Это — торжественное «заявление», «провозглашение», «свидетельствование».

Таким образом, любое чисто негативное понимание протестантизма не соответствует характеру явления — как свидетельства о личной вере каждого. Среди католиков и православных не-

¹ Истинная причина такого протеста все-таки состоит в следующем: Крест как символ должен стать протестом против любого формализма без Духа, а Дух, в свою очередь, приобретает в покаянии, в результате серьезного осмысления *того же* Креста. Вообще, протест как критику можно отнести и к современному протестантизму, даже католичеству и православию... Так, Папа Римский Франциск после своего избрания в 2013 г. покидает Апостольский дворец в Ватикане и живет в гостинице, тем самым и сам как бы «протестуя» против структуры собственного комфорта...

редко встречающиеся представления о протестантизме — как о «все отрицающем принципе» — в данном случае не имеют связи с первоначальными намерениями движения.

В России понятия «протестантизм» и «лютеранство» часто употреблялись как синонимы. Но и это не всегда верно. Необходимо учесть то обстоятельство, что после выступления Лютера довольно скоро появилось множество других течений протестантизма: англиканцы, кальвинисты, баптисты, адвентисты и пр. Позже, особенно в США, наблюдалось обилие различных протестантских течений и сект.

Но важно отметить: лютеранство, точнее, — немецкая Реформация, — является *первоначальной исторической формой протестантизма в целом*. Это верно, если учесть тот же хронологический ход событий: Цвингли, Кальвин, Нокс и другие реформаторы XVI века начали свою деятельность позже Лютера; они как бы вошли в *общий* поток Реформации, начатой Лютером.

Как мы уже отметили выше, многие поместные церкви, имеющие общие истоки Реформации, и до сих пор называют себя *евангельскими* христианами. Гораздо важнее не имя того или иного реформатора, на которое та или иная церковь могла бы ссылаться. Короче говоря, и сегодня нет «церкви Лютера» или «церкви Кальвина» как таковой, но есть Церковь Христова. Она, в первую очередь, — просто христианская¹, хотя по внешнему и разделена.

Таким образом, слова «протестант», «протестантизм», «протестантство», да и «лютеранство», до сих пор для многих сохраняют негативную нагрузку. Но полностью негативное понимание протестантизма не соответствует его характеру — *как свидетельства о личной вере*.

Г. Определяя сущность Реформации и протестантизма как весьма сложных феноменов, *обязательной остается и характеристика Христианства как религии*.

Нельзя объективно и честно говорить о протестантизме, не задаваясь вопросом о том, что же представляет для нас Христианство. Невозможно определить смысл любых реформ, —

¹ Ср. 1 Кор. 1:12-13!

даже причин раскола, — не имея в виду и самой сущности Христианства. Не задаваясь вопросом: что же оно, Христианство, означает для меня.

А если я, в первую очередь, христианин, а не «лютеранин», «кальвинист», «баптист» и т. д., то я задаюсь и вопросом о том, что же для меня означает Церковь. Является ли она для меня только «институцией», только «организацией», «структурой» или также — событием Креста и Слова Божьего в моей жизни? Тем местом, где я встречаю братьев и сестер по вере?

Точнее говоря, оценка, характеристика Реформации (как и протестантизма) должны быть связаны с *сущностью самой христианской религии*. Ее сущность — это событие Креста, его значение для нас. По выражению одного представителя Римской Католической Церкви, это то, что следуя за Лютером, и можно выразить следующим образом: всегда «первична Весть Христа, первична весть Креста»¹. Поэтому и другие принципы Реформации, все *solaе*, все «только», сфокусированы в ней.

Но в этой же связи необходимо задаваться и следующим вопросом: означает ли немецкая Реформация XVI в. для нас то, что она в действительности возвратилась к «истокам», к «началам» Христианства как религии?

Стараясь ответить и на такой вопрос, для нас же важным остается то, что Христианство как религия означает более широкое, в то же время и более глубокое понятие, чем какое-то одно его направление или одна какая-то конфессия.

В итоге речь идет не только о Реформации, но и о смысле нашей религии. Ибо *вся история Христианства находится под законом набора смысла и законом распространения религии*. Средневековому ее распространению, массовому крещению народов и следовала Реформация. Как некая *попытка* собирания смысла. Именно на этом и обосновано право Реформации.

¹ Монс. Игорь Ковалевский. Герменевтика Священного Писания и современный фундаментализм // Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 2. Материалы первой философско-религиозной конференции, посвященной дню Реформации. — М., 2011. С. 14-23 (21). эл. версия [2015].

Так, в свое время и философ Владимир Соловьев, хорошо зная не только православие, но и западное Христианство, подчеркнул: благодаря Реформации люди в итоге и смогли более «сознательно и свободно обратиться к божественному началу»...¹

При этом, как уже было отмечено, нельзя не учесть и того факта, что само понятие Реформации как *духовного обновления* уже включено в Писаниях, уже сформулировано в Новом Завете (Рим. 12:1-2 и др. места).

Мы видели то, что духовное возрождение в той или иной мере происходило в каждом веке христианской эры, особо начиная с монашеского движения в эпоху Константина и его преемников. Таким образом, принцип *ecclesia semper reformanda* оставался в силе во всей истории Христианства, включая не только все старания реформ до эпохи Лютера, но — спустя 450 лет — и революционные определения II Ватиканского собора²; он же, как принцип, действует и сегодня.

¹ Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Чтение первое. — эл. версия [2013].

² Разумеется, без вопросов, заданных Лютером и немецкой Реформацией, не было бы и решений II Ватиканского собора в пользу диалога. — Несмотря на то что этот Собор состоялся почти через 450 лет! Т. е. если считать начальной, исходной точкой тезисы Лютера от 1517, а также его трактат «О христианской свободе» от 1520, сравнивая их по времени с декретом Собора «Об экуменизме», принятом в 1964 г. Более того: «революционность» II Ватиканского собора заключается и в косвенном объявлении некоторых пунктов, содержащихся в Папских буллах против Лютера, — относительными. Так, тезис Лютера о том, что отлучения Папой того или иного верующего от Церкви «суть лишь *внешние* наказания, и не лишают человека общей духовной молитвы Церкви», в итоге как бы и одобряется в современном католичестве. Это и следует из определения II Ватиканского собора о том, что **Дух Божий действует и вне видимых пределов Римской Католической Церкви**. Ср. в той же связи 23-й пункт, указанный в булле *Exsurge, Domine* Папы Льва X от 15 июня 1520 г. — текст в сайте *Una fides*, эл. версия [2015] — с определением II Ватиканского собора, приведенным нами в III части этого доклада, в пункте Г.

«Идея *Ecclesia reformata et semper reformanda*, — отмечает о. Иоанн, — является несомненно протестантским образом понимания Предания»¹.

Такое наблюдение проф. Мейендорфа остается объективно верным особенно с точки зрения теологии Креста. В истории как истории христианского предания нельзя абсолютизировать ни одного элемента из всего разнообразия и богатства культуры, кроме самого события Креста и из этого вытекающего Духа и Ума Христова.

Возвращаясь к собиранию смысла в Христианстве, необходимо также уточнить: истинная Реформация есть не что иное, как **нахождение при помощи *Того же Духа* основного смысла**. Т. е. — нахождение смысла Креста, на основе которого — и свершилось Воскресение Христово. Поскольку Христианство и есть религия Креста. Оно как религия, следуя апостолу, должно быть как бы «*незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого*...»².

Говоря словами современного теолога, «нельзя не увидеть: истинное убеждение, искренняя вера и добрая воля существуют и вне христианства. Однако христианами могут быть названы все те, для кого жизнь и смерть Иисуса Христа являются определяющими»³.

И не просто «только вера»; для собирания полного смысла религии необходимо «преодоление эгоцентричности, как в индивидуумах, так и в сообществах, путем достижения общения с духовной реальностью»... А это и есть «приведение в гармонию с ней нашей воли»⁴, — продолжает тот же мыслитель. Таким обра-

¹ «Реформированную Церковь всегда необходимо реформировать» (лат.). — *прот. Иоанн Мейендорф*. Значение Реформации как события в истории христианства. Ч. 3. Автор добавляет: «единственная разница с православным воззрением здесь та, что Церковь понимается как всецело человеческое учреждение, тогда как в Православии то, что делает Церковь Церковью не только человекно, но и богочеловечно, причем этот богочеловеческий элемент не ограничивается областью невидимого; он и видим, и историчен, совершенно так же, как был видим и был исторической Личностью Богочеловек». — Там же // Библиотека о. Якова Кротова. эл. версия [2004 г.].

² 1 Кор. 2:2.

³ Кюнз Г. Христианский вызов. — М., 2012. С. 61.

⁴ Там же. С. 35.

зом, «...церковное сознание христианина, даже совершенно ортодоксального, однозначно католического, не есть несущее основание или фундамент христианства».

Наоборот, — продолжает К. Ранер, — главное и существенное в нашей религии — это «Иисус Христос, вера, любовь», наше «самопредание мраку бытия в непостижимости Бога при лицемерии Иисуса Христа и доверии к Нему, Распятому и Воскресшему...»

И если мы не способны прийти к таким реальностям, то мы, — как и любой христианин, — так и не сможем те же реальности лицемерия Распятого и Воскресшего сделать для себя поистине реальными, сделать их «самой глубинной силой своего бытия». В таком случае и наша «церковность», «церковность» любого христианина, «его ощущение принадлежности к конкретной церкви будут по существу лишь пустой кажимостью и обманчивым фасадом»¹.

В итоге и «протест», как в лютеранстве, так и в Христианстве вообще не может быть основной характеристикой, а только одним моментом среди многих других.

(продолжение следует)

¹ Ранер К. Учение о церкви не есть центральное высказывание христианства // Основание веры. Введение в христианское богословие. — М., 2006. С. 445-446.

Дмитрий Добыкин

Кандидат богословия, секретарь кафедры библеистики Санкт-Петербургской Духовной Академии

ПЕРЕВОДЫ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЮНГЕРОВА

Вышедший в 1876 г. по благословению Святейшего Синода перевод Священного Писания Ветхого Завета был воспринят неоднозначно. Ещё до того, как начался сам перевод, о том Святейший Синод долго колебался, прежде чем решиться взять за основу масоретский текст. По словам профессора Михаила Ивановича Богословского, «задержки и колебание в выборе основного текста показывают нам, что знаменитейшие и учёнейшие иерархи... ясно понимали, что Русская Церковь русским переводом с еврейского текста отступает от вселенского предания и духа православной Церкви, а потому и противились этому переводу»¹. Когда же перевод вышел, дискуссия разгорелась с новой силой. Наиболее активно выступали против перевода с масоретского епископ Порфирий (Успенский) и святитель Феофан Затворник. Святитель написал

¹ Феофан Затворник, свт. По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе. // «Душеполезное чтение», 1875, Ч. III, ноябрь. С. 342-352. Феофан Затворник, свт. Право-слово об издании Священных книг Ветхого Завета в русском переводе. // «Домашняя беседа», 1875, 47 (22 ноября). С. 1212-1219. Феофан Затворник, свт. Право-слово об издании Священных книг Ветхого Завета в русском переводе. // «Душеполезное чтение», 1875, ноябрь. С. 342-352. Феофан Затворник, свт. Библия по переводу семидесяти толковников есть законная наша Библия. // «Домашняя беседа», 1876, 20 (15 мая). С. 499-503; 21 (22 мая). С. 527-529; 22 (29 мая). С. 555-559; 23 (5 июня). С. 579-582. Феофан Затворник, свт. Какого текста Ветхозаветных Писаний должно держаться? // «Церковный вестник», 1876, 19 (15 мая), С. 1-4. Феофан Затворник, свт. О нашем долге держаться перевода 70-ти толковников. // «Душеполезное чтение» 1876, II, май. С. 3-21. Феофан Затворник, свт. Об употреблении нового перевода ветхозаветных писаний. Б/м, 1876. Феофан Затворник, свт. Решение вопроса о мере православного употребления еврейского нынешнего текста, по указанию церковной практики. // «Церковный вестник», 1876, 23 (12 июня). С. 1-5. Феофан Затворник, свт. Решение вопроса о мере православного употребления еврейского нынешнего текста, по указанию церковной практики. // «Домашняя беседа», 1876, 28, (10 июля). С. 699-709.

несколько статей¹, на которые критично отреагировали профессор МДА Павел Иванович Горский-Платонов и профессор СПбДА Иван Степанович Якимов². Между ними разгорелась полемика³. Святитель Феофан в одной из своих последних статей указал, что нужно сделать два перевода: с еврейского и греческого языка. Переводам с еврейского будут пользоваться учёные, а с греческого — простые прихожане, которые будут иметь пособие к пониманию слова Божия⁴.

В качестве примера святитель ссылаясь на труды епископа Порфирия (Успенского), который перевёл с греческого ряд ветхозаветных книг¹.

На Поместном соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. в Подотделе о богослужебном языке на основе предложений Предсоборного совещания были составлены тезисы доклада собору. Последний 11-й тезис гласил: «Издать русский перевод Библии с текста богомудрых LXX толковников. Перевод должен быть снабжён указанием разночтений, тёмных и переносных мест по русской Библии с еврейского языка». Такой перевод мог бы оказаться более подходящим для литургического употребления, чем синодальный².

Основой такого перевода могли бы стать труды Павла Александровича Юнгера, которые он делал с 1908 по 1917 г.

Идея перевода принадлежала наставнику и другу П. А. Юнгера профессору Казанской духовной академии Михаилу Ивановичу Богословскому. «Настоятельная необходимость русского перевода ветхозаветных книг с греческого текста 70-ти была вызвана непонятностью для него многих мест славянского пере-

¹ Горский-Платонов П. И. Несколько слов о статье преосвященного епископа Феофана «По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе». // «Православная беседа», 1875, ноябрь. С. 505-540. Горский-Платонов П. И. О недоумениях, вызываемых русским переводом св. книг Ветхого Завета. // «Православное обозрение», 1877, январь. С. 69-104; февраль. С. 260-284, апрель. С. 681-702.

² Якимов И. С. По поводу мнения одного епископа о значении русского перевода ветхозаветных библейских книг, изданного по благословию Священного Синода. // «Церковный вестник», 1876, 13 (27 марта). С. 1-3. Якимов И. С. Ответ преосвященному Феофану. // «Церковный вестник», 1876, 19 (15 мая). С. 3-4. Якимов И. С. О мере православного употребления еврейского нынешнего текста, по указанию церковной практики. // «Церковный вестник», 1876, 35 (4 сентября). С. 1-4.

³ О полемике см.: Корольков И., прот. Суждение епископа Феофана и епископа Порфирия о переводе Священного Писания на русский язык. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1915. Каширина В. В. Poleмика святителя Феофана Затворника по вопросу перевода Священного Писания на русский язык. // «Христианское чтение», 2014. С. 251-277.

⁴ Феофан Затворник, свт. О нашем долге держаться перевода 70-ти толковников... С. 20.

¹ Порфирий (Успенский), еп. Книга Бытия (1-18). // «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, февраль. С. 1-36. Порфирий (Успенский), еп. Книга Притчей Соломоновых (1-12, 31). // «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, май. С. 71-101. Песнь Песней (1-8). // «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, июнь. С. 103-118. Порфирий (Успенский), еп. Псалтирь в русском переводе. Пс. 1-25. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, IV. С. 37-70; Пс. 26-75, 1873, XII. С. 175-240; Пс. 76-96, 1875, VIII. С. 1-32; Пс. 97-116, 1875, IX. С. 33-64; Пс. 117-126, 1875, X. С. 65-80; Пс. 127-151, 1875, XI. С. 81-104. Порфирий (Успенский), еп. Первая книга Маккавейская. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1873, март. С. 283-362. Порфирий (Успенский), еп. Вторая книга Маккавейская. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1873, сентябрь. С. 269-323. Порфирий (Успенский), еп. Третья книга Маккавейская. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1873, декабрь. С. 1-24. Порфирий (Успенский), еп. Книга Есфирь (1-7). // «Труды Киевской Духовной Академии», 1874, май. С. 144-161. Порфирий (Успенский), еп. Четвёртая книга Маккавейская. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1873, декабрь. С. 69-107. Порфирий (Успенский), еп. Прообразование и пророчества, читаемые в церкви накануне Господских и Богородичных праздников и других святых дней. // «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, 7. С. 119-143; 8. С. 145-170; 9. С. 171-200; 10. С. 203-214.

² Цит. по Дунаев А. Вступление // Книги Ветхого Завета в переводе П. А. Юнгера. Большие пророки. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 9.

вода, что было обнаружено им при ежедневном чтении Библии на сон грядущий», — вспоминал о нём один из современников¹. Он считал, что «пора... заняться переводом нашей церковной Библии Ветхого Завета на русский язык, в виду полной неясности славянской Библии»². Пособием для понимания церковно-славянского текста ветхозаветной Библии мог быть только новый русский перевод, выполненный с того греческого текста, с которого сделан и славянский перевод. Обращаясь к П. А. Юнгеру, М. И. Богословский подчёркивал, что «наша славянская Библия не только в отдельных, но и в целых книгах становится непонятной не только для простецов, но и для образованных, и даже для учёных... поэтому желательно и крайне необходимо иметь русский перевод Библии с греко-славянского текста»³. Он отмечал, к каким «неудобствам» и неблагоприятным последствиям приводило и может приводить одновременное существование церковно-славянского перевода ветхозаветной Библии по LXX и русского синодального по масоретскому тексту при отсутствии русского перевода по тексту LXX. «Иметь две Библии, несогласных по тексту, как доселе, — говорил он, — крайне неудобно во многих отношениях, например, в борьбе с врагами православия, при преподавании Священного Писания в школе, где учителя, не зная, какому переводу отдать предпочтение, могут в своих объяснениях путаться сами и спутывать учеников»⁴.

В 1908 г. П. А. Юнгер начал труд по переводу Ветхого Завета на русский язык по тексту Семидесяти. Первой была переведена книга Притчей. Самое деятельное участие в переводе принял Михаил Иванович Богословский. Он сверял черновые переводы с греческим, славянским, синодальным переводами и переводом Макария, находил неточности, иногда пропуски, неясные выраже-

ния и слова. Его изменения часто всецело вводились в дальнейший перевод. При его участии переведены Притчи, книги пророков, Плач Иеремии, книга Иова, 70 псалмов.

Новый перевод Ветхого Завета должен был отвечать нескольким требованиям. Литературный язык перевода должен соответствовать требованиям современного времени, перевод должен быть точен и понятен. Таким образом, читатель, имея такой перевод, без труда мог бы им пользоваться как незаменимым пособием при чтении или слушании церковно-славянского текста. Синодальный перевод привлекается как «авторизированный». Использование еврейского и латинского текста при составлении перевода было весьма ограничено.

Свои переводы священных книг Юнгер предвзял краткими вводными статьями, в которых рассматривал главным образом филологические проблемы и указывал литературу. Переводы были снабжены подстрочными примечаниями. Этот труд Юнгера Н. Н. Глубоковский охарактеризовал как «великий научно-церковный подвиг»¹. Переводы сначала публиковались в «Православном собеседнике», а затем отдельными оттисками.

Можно на основании предисловий дать краткие характеристики к каждой книге.

Книга Притчей Соломона (1908 г.). В предисловии к своему первому переводу П. А. Юнгер сразу ставит цель своей работы: «дать русским читателям среднего и низшего образования пособие к пониманию церковно-славянской Библии, употребляемой за православным богослужением»².

Русский перевод этой книги профессора П. Юнгера является точным и ясным, но в некоторых случаях отличается буквализмом, в результате чего страдает литературный язык перевода.

¹ *Евсевий, иером.* Профессор Михаил Иванович Богословский. / Памяти профессора Михаила Ивановича Богословского. Казань, 1917. С. 137.

² *Юнгер П. А.* Профессор Михаил Иванович Богословский. / Памяти профессора Михаила Ивановича Богословского. Казань, 1917. С. 8.

³ *Евсевий, иером.* Профессор Михаил Иванович Богословский. С. 137.

⁴ *Богословский М. И.* Отзыв о сочинении профессора П. А. Юнгера «Книга пророка Амоса». // «Православный собеседник», 1897, протоколы. С. 182-183.

¹ Цит по: *Мень А.*, прот. Юнгер. С. 490.

² *Юнгер П. А.* Книга Притчей Соломоновых в русском переводе с греческого текста 70-ти, с славянским переводом, введением и примечаниями. Казань, 1908. С. 6.

Книга пророка Исаии (1909 г.). При переводе книги пророка Исаии профессор П. Юнгеров пользовался греческим текстом в издании Фильда, сравнивая его с другими критическими изданиями¹.

Книга пророка Иеремии и книги Плач Иеремии (1910 г.). Собирая при митрополите Новгородском Геннадии полную славянскую Библию, издатели не смогли найти славянских рукописей значительной части книги пророка Иеремии (1-23; 45-51). Недостающие главы были переведены с Вульгаты. При издании Острожской Библии (1581 г.) книга пророка Иеремии осталась почти без изменений, а при издании Елизаветинской Библии (1751 г.) только приблизили славянский перевод этой книги к тексту Септуагинты, однако достигнуть в полной мере близости так и не смогли². Поэтому славянский перевод книги Иеремии близок к Вульгате, а не Септуагинте. «Трудно перечислить, — писал П. А. Юнгеров, — сколько слов и выражений в славянском переводе соответствуют Вульгате и уклоняются от греческого текста»³. Ввиду такого положения, профессор П. Юнгеров при переводе сравнивал между собою славянский, греческий и еврейский тексты. И в результате сравнения он пришёл к выводу, что славянский перевод в книге Иеремии не может быть признан «копией» греческого текста, хотя ещё менее он может быть признан копией Вульгаты⁴.

За вышеизложенные отступления в книге пророка Иеремии, по мнению П. А. Юнгера, «не приходится строго винить славянских переводчиков и справщиков, т. к. и греческий текст книги пророка Премии издавна подвергался критике и вызывал нередко суровые приговоры у христианских учёных»⁵.

Следуя своему главному принципу — дать надлежащее пособие к пониманию церковно-славянского перевода, П. А. Юнгеров вынужден был переводить некоторые места, по его мнению, заимствованные переводчиками славянской Библии из Вульгаты, а не из греческого текста 70-ти.

Книга пророка Иезекииля (1911 г.). В книге пророка Иезекииля славянский перевод, по словам П. А. Юнгера, весьма близок, «до копизма», к греческому тексту. Подобная близость славянского текста к греческому стала причиной многих тёмных мест. «С этой стороны, пишет П. А. Юнгеров, мы при переводе 40-42 глав, не скроем, поражены были массою вполне непонятного текста, не только душ малообразованных и со средним образованием читателей, но и для изучающих Библию немалое число лет»¹. П. А. Юнгеров приводит такой пример «И проходи горничнии такожде, яко изницаше междустолпие из него, от долнаго междустолпия, и разстояние: сице междустолпие и разстояние» (Иез. 42:5). Подобный отрывок славянского текста, по мнению П. А. Юнгера, ещё раз подтвердил необходимость переводов на русский язык всего Ветхого Завета².

Книга пророка Даниила (1912 г.). Существенным отличием перевода этой книги является то, что он выполнен не с греческого перевода, а с перевода Феодотиона. Профессор П. Юнгеров приводит свидетельство блаженного Иеронима, согласно которому греческий перевод «70-ти книги пророка Даниила за свободное уклонение от еврейского текста был не принят Православной Церковью и заменён переводом Феодотиона»³. С этого перевода составлен наш славянский перевод. Поэтому П. А. Юнгеров

¹ Юнгеров П. А. Книга пророка Исаии в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1909. С. 4.

² Юнгеров П. А. Книга пророка Иеремии в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1910. С. 2.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

¹ Юнгеров П. А. Книга пророка Иезекииля в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1911. С. 5.

² Юнгеров П. А. Книга пророка Иезекииля в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1911. С. 6.

³ Юнгеров П. А. Книга пророка Даниила в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1912. С. 1.

и переводил с текста Феодотиона¹. Однако в некоторых местах П. А. Юнгеров отстает от текста Феодотиона и переводит с LXX. Это 3:2, 3:21, 3:23, 7:2, 8:4, 8:19, 8:27, 9:3, 9:13, 9:18 и другие. Важность этого наблюдения заключается в том, что до Юнгера никто из переводчиков не обращался для перевода к тексту книги пророка Даниила Семидесяти толковников. Юнгеров вновь вводит Септуагинту как источник для перевода книги пророка Даниила, и это делает его труд не просто переводом, но и ценным текстологическим исследованием.

Профессором П. Юнгеровым был выполнен русский перевод только канонических отделов этой книги, а неканонические отделы (3:26-96; 13; 14) представляют перепечатку с синодального издания русского перевода Библии, поскольку он был сделан также с греческого текста Феодотионовского перевода.

Книги 12 малых пророков (1913 г.). По словам П. А. Юнгера славянский перевод по отношению к греческому оригиналу, как и в книгах Притчей, Иезекииля и Исаии является точным, особенно по Александрийскому кодексу, «до копизма»². Однако точность славянского перевода привела к неясности некоторых отрывков. К особенно трудными П. А. Юнгеровым относит Наум. 2:10, Зах. 13:1 и всю 3-ю главу пророка Аввакума.

Книга Иова (1914 г.). По оценке профессора П. Юнгера, перевод этой книги является одним из самых сложных переводов. Заимствование многих слов, часто не из еврейского языка, а из других семитских языков, своеобразность словосочетаний, хода мыслей, описываемых лиц, терминологии, не имеет себе аналогов в других ветхозаветных книгах. Это обстоятельство весьма затруд-

няет переводчиков и вызывает разнообразие в их работах, возникающее едва ли не в каждом стихе, и, во всяком случае, по нескольку раз в каждой главе этой книги¹.

Неясность еврейского текста отразилась на греческом переводе. Очевидно, переводчики были стеснены «темнотою» оригинала и своею задачей, — «точно до копизма» передать его мысли². Поэтому книга Иова наполнена массой неясных выражений, непереверженных еврейских построений предложений и т. д.

Славянский перевод сохранил в себе «все трудности греческого текста, увеличив их ещё своим «копизмом» в склонениях, спряжениях, где все словосочетания уместны по греческой грамматике, там неуместны по-славянски, где по-гречески уместен один род, там по-славянски должен бы быть другой; но по «копизме» соблюдено полное «единство», причинившее и крайнюю «темноту» славянскому переводу³.

Довольно часто в греческом тексте еврейские слова оставались без перевода и переписывались лишь греческими буквами (36:31; 38:32; 39:13). Славянские переводчики, имея перед собой такой текст, иногда переводили их с еврейского, а иногда оставляли не переведёнными, лишь переписывая еврейские слова славянскими буквами. Например, в Иов. 39:13 переводчики оставили стих без перевода и «получилось, можно сказать, самое классическое по неясности чтение: «Крило веселящихся нееласса, аще зачнёт асида и несса?» Поэтому, принимая во внимание всё вышеизложенные трудности и выполняя свой главный принцип — дать читателю ясный, удобопонятный русский перевод, П. А. Юнгеров, по его словам, «принуждён был очень часто уклоняться от буквы греко-славянского текста в переводе временных и иных форм глаголов и падежей, существительных, прилагательных и местоимения, словосочетаний и словосогласований и т. п.»⁴.

¹ Анализ перевода П. А. Юнгеровым книги св. пророка Даниила посвящена кандидатская диссертация по богословию автора настоящего очерка, защищённая им в 2006 году в Санкт-Петербургской православной духовной академии: *Добыкин Д.* Перевод книги пророка Даниила П. А. Юнгеровым в свете достижений современной библеистики. СПб., 2006 [машинопись].

² *Юнгеров А. П.* Книги 12 малых пророков в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1913. С. 6.

¹ *Юнгеров П. А.* Книга Иова в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. — Казань, 1914. С. 3.

² *Там же.* С. 3.

³ *Там же.* С. 4.

⁴ *Там же.* С. 4.

Псалтирь (1915 г.). Первый перевод Псалтири с греческого текста на русский язык был выполнен епископом Порфирием (Успенским). Характеризуя этот перевод, П. А. Юнгеров указал целый ряд недостатков и счёл нужным «повторить» перевод Псалтири с греческого текста. В качестве источника для перевода Псалтири была выбрана греческая Псалтирь, находящаяся в одном из сборников толкования на Псалтирь греческого патриарха Анфима.

Этот перевод точен по смыслу, но «не всегда передаёт ритмический строй греческого и славянского подлинника»¹.

Книги Екклесиаст и Песнь Песней (1916 г.). П. А. Юнгеров отмечает, что особенностью греческого и славянского перевода этих книг является чрезвычайная близость к еврейскому оригиналу. Вследствие такой близости, в греческом переводе, особенно в книге Песнь Песней, возникла в некоторых местах неясность, в результате которой «как греческие переводчики старалась копировать еврейский текст, так и славянские копировали греческий, и неясности их оригинала перешли в наш славянский перевод»².

Книга Бытия, гл. 1-24. (1917 г.). Русский перевод Пятикнижия в связи с историческими событиями так и не был осуществлён до конца. Имеющийся русский перевод книги Пятикнижия гл. 1-24 выполнен профессором П. Юнгеровым точно и понятно.

Принципы перевода. Текстологический и лингвистический анализ переводов позволяет нам сформулировать общие принципы переводческой работы Юнгерова.

П. А. Юнгеров старался дать пособие для понимания церковно-славянского текста Священного Писания Ветхого Завета. Однако он не следует исключительно за славянским текстом, в ряде случаев Юнгеров отходил от неточностей славянского перевода, предпочитая другие текстологические варианты (еврейский, синодальный, латинский). Таким образом, параллельно с переводом была проведена текстологическая работа. Слова, которые

есть в славянском тексте, но нет в греческом, отмечались скобками. Удалялись некоторые слова, имеющие соответствие липа в некоторых списках. Не удалялись дополнения в славянском переводе по отношению к греческому тексту. Некоторые слова переводились по-разному в зависимости от контекста.

Целью перевода являлось желание дать ясное и точное понимание книги. Поэтому Юнгеров одновременно наблюдал за близостью к греческому тексту и чистоте русской речи. Если греческий текст был тёмным, то он переводился не буквально или снабжался примечаниями.

Одним из принципов перевода Юнгерова являлся не просто учёт славянского перевода, а ещё и связанной с ним богослужебной традиции Православной Церкви.

Важно отметить, что П. А. Юнгеров выступал не только как переводчик, но и как экзегет. Как и все экзегеты, начиная от Синодального перевода, он ищет смысл библейского текста не в одном источнике, а в сумме различных по языку версий: еврейской, греческой, латинской и славянской. Потому перевод Юнгерова является не только текстологическим, но и важным экзегетическим пособием для понимания библейского текста. Юнгеров старался также дать православное понимание библейского текста и обращался к толкованиям святых отцов. Текстологический и лингвистический анализ перевода позволяет говорить нам о богословских особенностях перевода. Он переводит строго в русле православной традиции. Не следует считать, что перевод неверен и искусственно «подстраивается» под православное вероучение! Текст Юнгерова вполне корректен с лингвистической точки зрения.

Учитывая переводческую деятельность П. А. Юнгерова, можно сформулировать важный принцип перевода, небесполезный для будущих православных переводчиков: библейский перевод должен быть не только верен филологически, но и адекватен с богословской точки зрения.

За «труды по переводу священных ветхозаветных книг с греческого текста LXX-ти на русский язык» М. И. Богословскому вместе с профессором П. А. Юнгеровым было назначено Св. Синодом

¹ Юнгеров П. А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста 70-ти, с введением и примечаниями. – Казань, 1914. С. 4.

² Питирим (Нечаев), архим. Смысл и композиция Шестопсалмия. // «Журнал Московской Патриархии», 1968, 10. С. 68.

в 1910 году денежное вознаграждение в размере 500 рублей. В 1912 году перевод Притчей Соломона, Исаии, Иеремии. Плача Иеремии, Иезекииля и Даниила, как «вполне учёный труд», был рекомендован к премированию, и профессору Юнгеру была присуждена Советом академии половинная наставническая премия имени Высокопреосвященного митрополита Макария в размере 300 рублей.

Сам профессор П. А. Юнгер о первых своих трудах по переводу ветхозаветных книг скромно заметил: «Надеемся, что эти переводы, делаемые нами в полном согласии со славянским переводом, послужат пособием к пониманию последнего, а критические подстрочные примечания о соответствии славянских чтений греческим или иным послужат средством к уяснению его истории и дальнейших учёных о нём работ»¹. Впоследствии назначенный Советом академии официальный рецензент рекомендованных к премированию трудов по переводу Ветхого Завета, проф. И. Ф. Григорьев в своём отзыве по поводу трудов Юнгера свидетельствует, что «появление русского перевода с греческого текста LXX, сделанного при сопоставлении и в полном соответствии его со славянским переводом, и наука и общество встречают с чувством искренней признательности автору»².

К сожалению, переводы П. А. Юнгера были мало изучены. Причиной этого было то, что Павел Александрович начал свою работу перед революцией и богословы не успели познакомиться с его переводческими трудами. Конечно, переводы Юнгера были известны и им давали высокую оценку, но широкого распространения они не получили. Можно только предположить, какое бы плодотворное влияние они оказали бы на развитие российской библейской науки.

Сейчас появились переводы Ветхого Завета, которые ставят своей целью максимальный отход от любой традиции, сложившейся в России. Все эти переводы сделаны с еврейского текста, и

¹ Юнгер П. А. Книги Екклесиаст и Песнь Песней в греко-славянском и русском переводах. // «Православный Собеседник», 1916, январь. С. 43.

² Юнгер П. А. Общее историко-критическое введение в Священные Ветхозаветные книги. Казань, 1902, с. 472.

нет ни одного, который бы имел в своей основе греческий перевод Семидесяти. Однако такой перевод будет актуален и сегодня, поскольку в богослужении Русской Православной Церкви по-прежнему используется церковнославянский перевод, сделанный с древнегреческого текста. В связи с этим возникла острая необходимость иметь русский перевод Священного Писания Ветхого Завета с греческого текста, с того самого, с которого сделан церковно-славянский перевод — это будет полезно для лучшего понимания смысла и глубины богослужения, святоотеческих комментариев и экзегезы Ветхого Завета.

Заключение. Проблемы перевода Ветхого Завета с греческого текста 70-ти на русский язык, которые обсуждались нашими богословами в прошлом и в начале этого века, остаются актуальными и по сегодняшний день. Сейчас в нашей Церкви вновь назрела необходимость осуществления русского перевода Ветхого Завета с греческого текста семидесяти. Важность его состоит в том, что за последние годы в лоно Русской Православной Церкви пришло очень много людей, ранее не имевших ясных представлений о Ней, но сейчас искренне желавших жить христианской жизнью. В связи с этим возникла острая необходимость иметь русский перевод Священного Писания Ветхого Завета с греческого текста, с того самого, с которого сделан церковно-славянский перевод.

Церковно-славянский язык — язык, на котором совершается богослужение, к сожалению, для многих людей не всегда бывает понятным. Его корни уходят в глубину веков, и хотя для наших предков он был родным и понятным языком, но для их потомков он вызывает затруднение. Поэтому, приходя в храм, многие люди не до конца понимают смысл слышимого. Существование хорошего, современного русского перевода с греческого текста 70-ти, несомненно, было бы полезно для лучшего понимания смысла и глубины богослужения, святоотеческих комментариев и экзегезы Ветхого Завета.

Насущная потребность такого перевода с греческого текста 70-ти становится ещё более актуальной в связи с работой ряда библейских комиссий. Так, в частности, в Белорусской Православной

Церкви работает библейская комиссия по переводу Священного Писания на белорусский язык. Поэтому русский перевод с греческого текста 70-ти оказал бы в их деле неоценимую услугу.

Появление русского перевода Ветхого Завета с греческого текста, несомненно, будет способствовать лучшему пониманию Слова Божия нашими православными людьми. Подобный перевод явился бы признаком восстановления в Русской Православной Церкви богатых богословских традиций, ранее в ней существовавших.

Имеющиеся русские переводы Ветхого Завета с греческого текста 70-ти, выполненные в 19-20 веке нашими богословами, являются бесценным вкладом в развитие переводческого дела. Эти переводы содержат далеко не все ветхозаветные книги. Литературный язык этих переводов, хотя и являлся совершенным на то время, сейчас нуждается в корректировке и приближении к современному литературному языку нашего времени. Для научных богословских исследований также желательно было бы иметь все книги Ветхого Завета на современном русском языке в переводе не только с еврейского языка, но и с греческого текста 70-ти.

Ольга Соколова

филолог, магистрант СПЕБА

ПЕРЕВОД БИБЛИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: PRO И CONTRA

И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями.

И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати её?

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землёю, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в неё.

И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в неё.

И один из старцев сказал мне: не плачь, вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей её.

(Откр. 5:1-5).

Каждый перевод Священного Писания на вразумительный язык, на язык своего народа является вызовом! Ведь это даёт возможность простым людям, людям неграмотным и необразованным увидеть Истину Евангелия! Сравнить то, что говорят священники, с Писанием! Проверять их поступки по Слову! Для переводчиков Священного Писания это всегда риск — риск быть отлучёнными от Церкви, быть оплётанными, быть лишёнными сана и настоятельства, быть сожжёнными на костре, преданными анафеме. Риск, что их труды тоже будут преданы на сожжение... В истории Церкви сложилась страшная закономерность — подвижники Слова и их труды были, как правило, сожжены на кострах. Но пройдя через огонь, Слово возрождалось к новой жизни! Ибо не может умереть то, на что имеется промыслительная воля Божья.

Перевод Священного Писания на русский язык не был исключением из правил. У него были свои знаменосцы, пламенники, молитвенники, свои мученики и свои противники.

Знаменосцы российского перевода Библии: Пётр I

Несмотря на то, что были попытки единичных переводов Библии, осознание всей важности и необходимости русского перевода Библии для России пришло только в XVIII в. И пришло оно из Великого Новгорода. Именно Новгородский митрополит Иов обратил внимание Петра I на необходимость улучшения текста Библии, на всю важность Библии для образования народа. 14 ноября 1712 года был издан указ о ревизии текста путём сличения как греческой, так и латинской Библии. За основу для исправления Ветхого Завета был взят текст LXX. Работа над исправлением Библии была поручена ректору московской Славяно-греческой академии архим. Феофилакту Лопатинскому и одному из братьев Лихудов — Софронию. Наблюдателем за их трудом был поставлен патриарший местоблюститель Стефан Яворский. Феофилакт начал с Ветхого Завета, используя также Вульгату и еврейский текст. В 1724 году императору было доложено, что его поручение выполнено. К сожалению, все работы по подготовке этого издания были прекращены из-за смерти Петра I. В отличие от Петра I, Синод не считал необходимым издание российской Библии и распространения её среди народа. Митрополит Арсений Марцеевич писал по этому поводу: «Ежели рассудить в тонкость, то Библия у нас (церковнославянская) и не особенно нужна. Учёный, ежели знает по-гречески, греческую и будет читать; а ежели по-латыни, то латинскую, с которой для себя и для поучения народу российскую (имеется в виду на церковнославянском языке), какая ни есть Библия, будет исправлять. Для простого же народа довольно в церковных книгах от Библии имеется»¹. Уже тогда Священный Синод противостоял всеми силами делу перевода Библии на русский язык.

Александр I

И только в 19 веке, в царствие Александра I, было принято решение вернуться к русскому переводу Библии, без которого невозможно было построить Евангельское государство, о ко-

¹ Смолитч И. К. История русской церкви (1700–1917). Ч. 2// История русской церкви. Кн. 8 (юбилейное издание). М., 1997. С. 6–8.

тором он мечтал ещё в 1805 г. Своеобразным публичным актом хвалы и Богопочитания Александр I считал создание Священного Союза и Российского Библейского общества. На религиозное возрождение Александра I оказала огромное влияние баронесса Юлиана Крюденер, женщина-апостол, появившаяся тогда в России. Именно она привела Императора к полному покаянию и посеяла семена евангельской веры и мистицизма в его сердце. «Сила молитвы, которую проповедовала Криднер, нашла странное применение у Александра. Когда в спорах с иностранными дипломатами он расходился во мнениях, то вместо того, чтобы убеждать их, он начинал про себя читать молитву. И души их начинали мякнуть, просветляться, делаться человечнее и постепенно склоняться на его сторону. Образ мыслей Александра всё более и более принимал апокалипсический характер», — писал Гнедич¹. Может быть поэтому, а именно 100 лет спустя после указа Петра I о «необходимости улучшения текста Библии», в 1812 году Александр I позволил А. Голицыну открыть в Петербурге русский филиал Британского Библейского общества. Высочайшим указом от 4 сентября 1814 года Санкт-Петербургскому библейскому обществу велено именоваться Российским Библейским обществом, соучредителем и главным попечителем которого стал сам Император. «Рассеянных овец — поражённое грехом человечество, — надлежало привести и собрать в „единое стадо“ (Ин. 10, 16). Церковь, будучи по истине интернациональной — т. е. не имеющей ни эллинской, ни иудейской окраски (Гал. 3, 28), ни восточной, ни западной ориентации, стала представлять из себя третий род — *tertium genus* — народ Божий, Тело Христово, в котором главой является Бог»². Поскольку Россия по своему составу была полиэтнической, а по вероисповеданию — поликонфессиональной державой, требовалось донести до каждого жителя России — и православного, и не православного — Библию на его родном языке. Дабы устранить

¹ Гнедич П. П. Сфинкс// «Нива» за 1911 год, №12. С. 222. См. так же *Корабль А. И. Via sacra. Святой путь.* — СПб.: «Палитра», 2013. — 474 с. с ил. С. 40.

² Грело П. Народы языческие//СББ. Брюссель, 1990. С. 634–635; Флоровский Г., прот. Догмат и история// Империя и пустыня. Антиномия христианской истории. М., 1998. С. 257.

конфессиональные несогласия и споры при издании и распространении Священного Писания, было принято печатать Библию «без всяких примечаний и пояснений».

Но главной, заветной мечтой основателей Библейского Общества был русский перевод Библии. И когда в конце 1815 года Александр I возвратился в Москву, и ему преподнесли по экземпляру каждой из напечатанных Обществом книг Священного Писания, Император, «по собственному движению сердца своего... повелел президенту Российского Библейского общества, чтобы он предложил Синоду искреннее желание его величества доставить и россиянам способ читать слово Божье на природном своём российском языке, яко вразумительнейшем для них славянском наречия, на коем книги Священного Писания у нас издаются»¹.

История перевода Библии на русский язык: PRO...

Когда в 1818 году в количестве 10 000 экз. вышел перевод Четвероевангелия на славянском и русском языках, он встречен был с радостью и духовенством, и мирянами. «Драгоценный перевод сей — писал Амвросий (Протасов) архиепископ Казанский 15 мая 1819 г. — послужит к большому облегчению переводчиков Евангелия на чувашский и черемисский языки, трудящимся пред глазами моими; между тем как и всем ревностным читателям слова Божия принесёт душевную пользу». О несомненной пользе русского языка говорит и Анатолий (Максимович) архиепископ Минский. «Сколь не сближен славянский язык с российским в церковных книгах наших, но многое для многих оставалось непонятным даже и в Евангелии по непривычке к славянским изречениям: и от того святая истина не могла действовать на сердца читателей в полной своей силе. Ныне и сие препятствие разрушено. Да кажется язык живой и приличнее слову жизни. Слыша сие Слово на языке нашем, тем паче можно увериться, что Бог говорит к нам. Да будет сей новый плод трудов Библейского Общества знаменем новой благодати и силы Божьей во спасение Росссов». Евгений (Казанцев) епископ курский назвал перевод Библии на русский язык «важным феноменом на горизонте российской церкви», а

¹ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

Даниил (Натгок-Михайловский), архиепископ могилёвский — «по истине новой Господней скрижалю», которая «озаряет нас светом боговидения, подобно Фавору от лица славы Господней». «Святое сокровище сие — писал Амвросий, архиепископ тобольский 24 мая — извлекает из глубины души моей неизъяснимую благодарность благопопечительному обществу в душеспасительном сеянии небесного семени»¹. Многие были ещё сказано в пользу перевода русского, я привела только несколько, как мне кажется, особо важных фрагментов. Благодаря поддержке Александра I, благоволению и благословию высших духовных иерархов, куда входили Митрополит Московский и Санкт-Петербургский, а также активной деятельности обер-прокурора синода А. Голицына в продвижении Р.Б.О, русский перевод Библии сумел прорваться через все преграды — политические и религиозные, а также «получить беспрецедентное разрешение на развитие своего собственного неподцензурного стереотипного издания и переплёта, что дало Р.Б.О. возможность сравниться с лучшими изданиями мира того времени — и всё это без необходимых в таких случаях специального разрешения и надзора»². До создания Русского Библейского Общества и начала его издательской и переводческой деятельности только Синод имел право на публикацию Священного Писания, наравне с Оксфордом и Кембриджем. Но русский перевод Библии, его качество подлежали только контролю комитета Р.Б.О., который возглавлял будущий митрополит Московский Филарет (Дроздов). Переводы, благословленные Филаретом Московским, были вне юрисдикции Синода. Деятельность Р.Б.О. в обход Синода вызвала реакцию внутри самого Синода против существования Российского Библейского Общества и падение А. Голицына — обер-прокурора Синода — в 1824 г. Отставка Голицына, который сделал практически всё для осуществления мечты Александра I о «Евангельском государстве» и о котором Чистович И. А. писал: «Пробуждение в высшем обще-

¹ Шестой отч. Р.Б.О. за 1818 г., с. 32.

² Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. К 500-летию Геннадиевской Библии. Сборник материалов международной конференции. Москва, 21–26 сентября 1999 г. 252 страницы. Статья, Стивен Баталден. Наследие Российского Библейского Общества в русской библиистике XIX и XX веков. С. 215.

стве интереса к делам веры и церкви, обращения его от внешней обрядности к духу религиозности, эти заслуги у Голицына отнять нельзя»¹, повлекла за собой также немилость и опалу Филарета (Дроздова) митрополита Московского, чья поддержка переводческой деятельности Р.Б.О. и его издательской деятельности враз потеряла силу. Нечестно и неблагородно с нашей стороны было бы не назвать имена трёх человек, благодаря усилиям которых и усилиям подобных им людей, в течение 13 лет своего существования (до 1826 г.) Р.Б.О. было распространено и издано свыше полумиллиона экземпляров Нового Завета и Библии на 41 языке, в том числе, свыше 40 тыс. экземпляров Нового Завета на русском языке. Их имена: Мельвиль (шотландец), Яков Деляков (ассириец) и Отто Форхгаммер (датчанин)².

История перевода Библии на русский язык: CONTRA

Противников издания и распространения Библии на русском языке оказалось ничуть не меньше, чем защитников, если не больше. Узаконенной церковной практики в этом деле не было. Церковь отмахивалась от этих вопросов, решать их приходилось частным лицам. Мешали этому и сложившиеся в течение истории Церкви предубеждения и предрассудки по отношению к Библии. Именно о них с горечью говорит в своей статье «Собор и Библия» Председатель Русской Библейской Комиссии, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921): «Одним из создавшихся таким путём предубеждений по отношению к Библии была боязнь Библии, опасение, что близкое, непосредственное знакомство с Библией не повредило чистоте веры, даже существованию самой веры и сохранению рассудка у читателей Библии. Предрассудок нелепый, но он имеет самые ужасные, губительные последствия: Библию народ не читает, в народе она почти не известна; та незначительная степень распространения Библии в народе, какую можно установить, то есть преимущественно распространение Евангелия и Псалтири, зависит не от специально к тому направленного доброго намерения или распро-

¹ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

² Корабель А. И. *Via sacra*. Святой путь. — СПб.: «Палитра», 2013. — С. 48.

ряжения Церкви, а независимо от такого намерения, под влиянием церковного устава и по почину сторонних для Церкви учреждений и отдельных лиц. Даже самый перевод Библии на доступный пониманию народа русский язык появился по настоянию и почину не Церкви, а независимых от неё двигателей»¹. О могущем возникнуть в умах невежд понятии «новый разврат веры» через русский перевод Библии говорится в одном из анонимных трудов под названием «Замечания на ввод чтения Библии в России»: «Неоспоримо, что переложение библии на ясный русский язык требует благоразумной осторожности; в противном случае от некоторых невежд сочтётся новым развратом веры. Но это такая невыгода, которой ещё по истечении нескольких веков избежать невозможно и которую, однако, время и необходимость заставят когда-нибудь не уважить. Зато, с другой стороны, обширность пользы, имеющей проистечь для всех неучёных, но здравомыслящих христиан, совершенно вознаградила бы сие зло»². Реакция против перевода Библии на русский язык началась сразу после опубликования Нового Завета на русском языке Р.Б.О. Реакционеры, во главе с Аракчеевым, Шишковым, Фотием и Серафимом Новгородским всячески пытались сорвать благое дело христианского просвещения, пытаясь представить его неуютным и злостным для России. «Защитники невежества, — говорил Михаил Фёдорович Орлов, герой войны 1812 года, — всегда преследовали всех благомыслящих людей России... и теперь... они употребляют все усилия, чтобы обратить его (отечество) к прежнему невежеству и оградить непроницаемой стеной от набегов науки и художеств... Сии политические старожилы руководствуются самыми странными правилами, они думают, что вселенная создана для них одних... Они везде отличаются одними и теми же нравственными чертами. Любители недревности, но старины, не добродетелей, но только обычаев отцов наших, хулители всех новых изобретений, враги света и стражи тьмы, они суть настоящие отрасли средних веков... Во Франции они противятся свободомыслию и введению представительного правления; в Германии они защищают остатки феодальных прав; в Испании скудное полено для сооружения костров инквизиции; в

¹ Там же, С. 349–350.

² Русск. Арх. 1868 г., с. 1701.

Италии... в Турции... Наконец, история наша полна их покушений против возрождения России... Им одним подобает собирать вокруг кафедры своей толпы народа, алчущего Слова Божьего; толковать намерения Всевышнего и представить, как христианский закон, возникший среди развалин древнего просвещения и разлития страстей, преклонив к устройству государственному буйствующих варваров, наводнивших Европу, возобновил забытую нравственность, возжёл потухший пламенный наук и воцарил тишину и добродетель там, где царствовали ужас и порок»¹. Плетение интриг и клевет, фабрикование подложных свидетельских показаний, доносов Царю, творимых ради собственной выгоды, но не ради России, а также смерть Александра I 19 ноября 1825 года, привели в результате к закрытию Библейского Общества и всех его отделений в 1826 году взошедшим на престол Николаем I.

Митрополит Филарет (Дроздов) с горечью вспоминал в 1857 году: «Думаю, что восстание против А. Н. Голицына в 1824 году и против Библейского общества и перевода священных книг образовали люди, водимые личными выгодами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только преувеличенные подозрения, но и выдумывали и клеветали»².

30 лет непрерывных гонений на Слово Божье, на перевод Священного Писания и переводчиков не прошли бесследно. Восстание врагов русского языка коснулось даже Катехизиса, который написал Митрополит Филарет. Первым, кто возвысил свой голос против православного катехизиса Филарета, был Юрьевский архимандрит Фотий. В своём письме А. А. Павлову, приславшему Катехизис святителя Филарета, он писал: «Во граде Святого Петра есть многа вода: 1) Едина река Нева; и как в ней добра и чиста вода! У ней три рукава главные, не беда, если есть и прибавка истоков её. 2) Есть и канава, три или четыре, не ведаю. Но что в ней за вода? Вода, но канавная. Какова? Всяк знает про то. 3) Что река Нева, то Катехизис Петра Могилы, яко в трёх рукавах, в трёх частях своих о

вере, надежде и любви. А что канавная вода, то присланный тобою Катехизис; пьют и канавную люди воду»¹. Фотий также обвинил Филарета в неправославии, были вспомнаны и его посещения квакеров и добрые слова в отношении лютеран, католиков, староверов и инославных. Катехизисы и проповеди Филарета были запрещены как неправославные и искажающие истинную веру. И только в 1826 году был затронут вопрос о восстановлении катехизисов. И в конце 1827 года, с исправлениями, заменой русского языка на славянский и добавлениями они увидели свет. Несмотря на закрытие Библейского Общества, святитель делал всё, чтобы переводы на русский язык Библии продолжались. Он писал записки и послания Филарету Киевскому о потребности для России Библии на русском языке. Но его письма искажались, а мнение Св. Синода выдавалось за мнение святителя и подписывалось его именем. Святитель даже не подозревал об этом. Тайна была раскрыта в 1863 году через справку, присланную ему Св. Синодом. Существует также письмо святителя Филарета обер-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову, в котором он писал: «только вчера, при чтении одной из сообщённых мне записок, узнал я, что первый акт по сему предмету выставлен как моё личное мнение. Это не верно. Истина должна быть восстановлена. Это было не моё мнение, а определение Св. Синода, постановленное в его собрании, в котором присутствовали 4 митрополита, 4 архиепископа, каковой полноты не бывало со времени учреждения Св. Синода». «Вместо того, как теперь оказывается, решение Св. Синода переименовано в моё мнение и отправлено к митрополиту киевскому; и по получении его мнения опять неправильно поступлено в том, что не предложено Св. Синоду, а прямо представлено Его Императорскому Величеству. Мнение достопочтенного митрополита киевского с указанием ещё на безымянные духовные лица, при сокрытии мнения Св. Синода,

¹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 78// «Русская речь» за 1975 год, №6. См. также Корабель А. И. *Via sacra*. Святой путь. СПб. «Палитра», 2013 — с. 46–47.

² *Василий Михайлович Дроздов* // Брокгауз и Ефрон: Энциклопедический словарь. 1876.

¹ *Снычев Иоанн*. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского / Под общей редакцией С. Д. Ошевского. — Тула: Издательство «Русский Лексикон». — С. 164.

могло привлечь решительное Высочайшее внимание. Мне показалось нужным, чтобы ваше превосходительство знали истину сего дела»¹.

Перевод Ветхого завета с древних языков на русский язык

Между тем, невзирая на закрытие Русского Библейского Общества, нападки на защитников перевода на русский язык, да и на саму Библию на русском языке, перевод Ветхого Завета с древних языков неофициально совершался благодаря усердию профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, протоиерея Герасима Павского и архимандрита Макария Алтайского.

«Дело Павского»: перевод-мученик

Ещё в 1814 году, будучи членом Комитета духовной цензуры, открытой в Санкт-Петербургской академии, и членом Российского Библейского Общества, Герасим Павский принимает активное участие в деле перевода Св. Писания. Ему было поручено перевести Евангелие от Матфея, а также быть главным пересмотрщиком и справщиком издания наравне с Филаретом (Дроздовым). Принципы и методы перевода и толкования Св. Писания, которыми пользовался Герасим Павский в своём переводе можно выразить одной фразой: «от слова к слову или от мысли к мысли»². Может, поэтому перевод Герасима Павловича считали излишне буквальным. Он считал, что через понимание Священного Писания можно попытаться усмотреть и богословие: «Не язык (еврейский) был мне дорог, а Священное Писание, чистое, неискажённое толкованиями; посредством знания языка я хотел дойти до верного толкования Св. Писания. А известно, что верное понимание еврейского языка ведёт к пониманию богословия...»³. Поэтому за основу для своего перевода Священного Писания (осо-

¹ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. — М.: Российское Библейское Общество, 1977. — С. 287.

² Иероним Стридонский, блж. Письмо к Паммахию о наилучшем способе перевода. Минск. 2013. С. 369.

³ Цит. по Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. V. Борьба за богословие. Париж. 1937. С. 194.

бенно Ветхого Завета) протоиерей Герасим Павлович Павский берёт свои русские переводы Масоретских текстов, а не Септуагинту. Тексты были литографированы. Цель литографии — «облегчить, по возможности, разумение священных книг ветхого завета при домашнем их чтении и при переводе в классе с еврейского языка на русский...»¹. Запрещалось передавать литографию светским лицам, пользоваться текстами разрешено было только профессорам и учителям семинарии; литографические Библии должны были содержаться в тайне. В конце 1841 года, случайно или по злому умыслу, копии русской версии Ветхого Завета попали в руки иеромонаха Агафангела (Соловьёва), который отправил в Священный Синод письмо с копией текстов, где перевод Павского был подвергнут суду. Синодальные следователи были особо недовольны переводом Павским основных пророческих пассажей, которые в славянской Библии имели явную мессианскую окраску. Над самим Павским учинили следствие, а перевод текстов предали огню. В истории Церкви это следствие обозначено как «дело Павского». Святитель Филарет (Дроздов) и Филарет Киевский — оба назвали это дело «тёмным пятном на том, кто выдумал сию меру, и свою необдуманную ревностью увлёл других. Но пятно сие не падает на верховное начальство. Св. Синод не составлял определения о сём. В переводе Пятюкнижия не было ничего такого, что заслуживало бы такую строгую меру. Он пострадал мученически»². Павского признали невиновным в распространении текстов и искажении догматики и отпустили.

В своей статье «Наследие Российского библейского общества в русской библеистике XIX и XX веков» Стивен Баталден пишет: «Несмотря на реакцию, которая последовала на «дело Павского», богатая традиция гебраистики, основанная Павским, и *textus primus* подготовленного им Ветхого Завета на русском языке, обеспечили важное место для гебраистики как в Санкт-Петербургской духовной академии, так и в других духовных академиях. От Павского до выдающихся православных новообращён-

¹ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 135.

² Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. — М.: Российское Библейское Общество, 1997. — С. 118.

ных Василия Левинсона, Даниила Абрамовича Хвольсона и вплоть до Ивана Гавриловича Троицкого, русские гебраисты заслужили высочайшее уважение в христианском мире»¹.

Архимандрит Макарий (Глухарёв)

Не меньше других пострадал от действий Священного Синода, борясь за перевод Библии на русский язык, архимандрит Макарий Алтайский, чей перевод Ветхого Завета был основан на переводах Павского. Святитель Филарет всегда поддерживал алтайского миссионера в его начинаниях, проводил с ним духовные беседы и наставлял. Поэтому, когда в марте 1839 года Макарий прибыл в Санкт-Петербург для решения важного вопроса о переводе Библии на русский язык, то поселился на Троицком подворье у митрополита Филарета Московского. Настойчивость и вспыльчивый характер архимандрита Макария принесли ему большие неприятности. Его поход в Синод и требования возобновить перевод на русский язык Священного Писания не увенчались успехом. В августе Макарий переехал в Москву, где пользовался гостеприимством святителя до самого отъезда в миссию. Благодаря вмешательству Филарета, архимандрит Макарий был избавлен от строгой епитимьи, наложенной Синодом на последнего за якобы «погрешительное упорство в настоянии перевода Библии на русский язык»². Впоследствии Макарий был освобождён от миссионерства и определён настоятелем Болховского монастыря Орловской епархии. Но и тогда добрые отношения между святителем и бывшим алтайским миссионером не прерывались. А наоборот, стали приносить больше духовных плодов для возрастания в истине последнего. Святитель не препятствовал занятиям Макария над переводами Священного Писания. Ибо считал, что они могут принести его душе только пользу. Ниже я решила привести отрывки из письма архимандрита Макария, которое поможет

¹ Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. К 500-летию Геннадиевской Библии. Научный редактор: Галина Баранкова. Приложение к журналу «Страницы». Сборник материалов международной конференции. Москва, 21–26 сентября 1999 года. — С. 217.

² *Снычев Иоанн*. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского /Под общей редакцией С. Л. Ошевского. — Тула: Издательство «Русский Лексикон». — С. 294.

хотя бы частично увидеть всю ревность и страсть, которую он прилагал для возобновления русского перевода Библии в России. Оно не было опубликовано. Возможно, Филарет пожалел Макария или счёл, что Синод всё равно не ответит на него. К тому же как мы увидели, исследовав Записку Филарета и Письмо Макария, Макарий руководствовался ложной информацией. Мнение, которое в письме приписывается Филарету, на самом деле было мнением Синода.

Отрывки из письма архимандрита Макария
О переводѣ Библии на русскій языкъ.

Въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ» (1861 г. кн. 2) недавно напечатано письмо архимандрита Макария, бывшего начальника алтайской миссии, «О потребности для российской Церкви переложения всей Библии съ оригинальныхъ языковъ на современный русскій языкъ» [1], писанное къ митрополиту московскому Филарету въ 1834 году и не вошедшее въ собраніе «Писемъ», изданныхъ въ концѣ прошлаго года. Помѣщая въ нашемъ журналѣ переводы ветхозавѣтныхъ книгъ, сдѣланные архимандритомъ Макаріемъ, мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это письмо въ той мысли, что для нихъ, безъ сомнѣнія, интересно будетъ знать тѣ убѣжденія, которыя одушевляли и руководили переводчика въ его трудахъ, или лучше — слышать эти убѣжденія изъ собственныхъ его устъ. Переводы библейскихъ книгъ предприняты были о. Макаріемъ въ такое время, когда большинство расположено было противъ русскаго перевода Библии, и только поддержка богословско-образованныхъ лицъ, съ которыми имѣлъ сношенія о. Макарій, могла вызывать на такіе труды, которые, казалось, должны были погибнуть, не получивъ извѣстности.

Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣній относительно необходимости русскаго перевода Библии. Но въ тридцатыхъ годахъ и позднѣе эти сомнѣнія были сильны, слышались часто и повсюду. Закрытіе Библейскаго Общества, причина котораго заключалась въ томъ, что въ составъ Общества попали нѣкоторые члены изъ свѣтскихъ лицъ, заподозрѣнные потомъ въ политическихъ убѣжденіяхъ, произвело въ большинствѣ рѣшительное предубѣжденіе противъ русскаго перевода Библии. Но само по себѣ это обстоятельство конечно нисколько не оправдывало прекращенія

переводовъ, которыми занималось Общество. О. Макарій ясно различалъ для себя и случайныя недоразумѣнія насчетъ общества и существенныя потребности Церкви относительно перевода Библии. Свои убѣжденія въ этомъ дѣлѣ онъ высказывалъ прямо:

«Россіяне, какъ уже получили особое имя и лице въ Царствіи Божіемъ, по законамъ онаго, должны были получить и Библию на русскіи языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ настало время, когда желанія благочестивыхъ душъ совокупились въ соизволеніи правителей Церкви, увѣнчались монаршею волею, вознеслись какъ молитвенный вопль русскаго народа къ премудрости Божіей и — слава Богу! вѣчная память и благодарность Государю Александру 1-му! Русская церковь имѣетъ Новый Заветъ и Книгу Хвалений на русскіи языкѣ. Между тѣмъ благодать за благодатию, казалось, готова была изливаться на Россію; какъ слышно, Пятонкиже Моисеево уже предано было тисненію; уже готовъ былъ и сей свѣтильникъ возсіять въ Божіей скинии... Гдѣ же нынѣ сей даръ Божій? безъ сомнѣнія, вопрошаютъ многіе, для которыхъ Слово Божіе вождельннѣе сребра и злата. Ужели потокъ благословеній Божіихъ, открывшійся для Россіи, сокрылся въ землю, и не явится паки? И когда для сего великаго благодѣянія Божія снова откроется удобный путь, дабы оно достигло цѣлости и полноты своей?»

Въ своемъ письмѣ о. Макарій собираетъ всѣ неблагопріятныя отзывы относительно переводовъ Библии, и твердый въ своемъ дѣлѣ, опровергаетъ и разъясняетъ недоразумѣнія и предразсудки, порожденныя обскурантизмомъ и ложными опасеніями. Приведемъ нѣсколько любопытныхъ мѣстъ письма.

«Васъ беспокоятъ явленія Библии на разныхъ языкахъ, и притомъ разные на одинъ языкъ переводы сей Книги книгъ. Сіи столь различныя переводы единой Библии, если совершаются благонамѣренно и съ благоговѣніемъ, суть испытанія Писанія, по заповѣди Иисуса Христа, усилія и стремленія слова человѣческаго къ подражанію и соответствованію слову Божію, усилія и стремленія, на которыя слово человѣческое словомъ Божіимъ образуется, возвращается, укрѣпляется и вызывается, усилія и стремленія, въ которыхъ слово человѣческое испытываетъ немощь свою и Слова Божія непостижимый разумъ и силу; однако получаетъ благословеніе...

Будемъ радоваться, что русское слово созрѣло и возмужало для выраженія Слова Божія. Будемъ желать, чтобы вновь воспрянула первая ревность усердія и любви, и, при Божіемъ благословеніи, ознаменовалась произреченіемъ полной Библии на русскіи языкѣ... Русскій языкъ (говорить о. Макарій въ другомъ мѣстѣ), содѣлавшись органомъ полнаго откровенія Божія, обратитъ множество грѣшниковъ отъ ложнаго пути ихъ, спасетъ многія души отъ смерти, и покроетъ множество грѣховъ народныхъ».

«Вы говорите: довольно и того, что Новый Заветъ и Псалмы переведены на русскій языкъ. Но... откуда получили (мы) такую мѣру, которою опредѣляемъ потребности соборной Церкви? Человѣкъ восходитъ отъ возраста въ возрастъ; и новыя нужды открываются для него на высшихъ ступеняхъ жизни... Можетъ-быть, по состоянію вашей души, для васъ потребно сегодня читать книгу Дѣяній апостольскихъ, а для другаго книгу Екклесіаста. Но можетъ-быть завтра и въ васъ произойдетъ измѣненіе, такъ что вы пожелаете читать книгу Премудрости... Кто можетъ знать, какія мѣста въ пространствѣ Библии предназначены той и другой (душѣ) для срѣтенія съ Премудростью Божіею?.. И вы, и я, хотя по милости Божіей въ Церкви, однако не составляемъ Церковь».

«Вы говорите: предки наши держались въ простотѣ сердца славянскій Библии и спасались. — А когда мы будемъ держаться въ простотѣ сердца и славянскій библии, и русскій, и еллинскій, и еврейскій: то развѣ не возможемъ спастись? Не должно останавливаться всею вниманіемъ на одной буквѣ Библии, а искать самого Слова Божія, жизни и свѣта, путемъ сей буквы, еврейская ли она, еллинская ли, или русскій. Такъ и святые между предками нашими были симъ животворнымъ свѣтомъ Слова Божія, посредствомъ славянскаго письмени просвѣщаемы и умудряемы во спасеніе: но отсюда не то видно, будто русскій Библии не нужна для русскій Церкви, а то, что святые между предками нашими такъ же пользовались языкомъ славянскимъ, какъ нынѣ русскіи многіе миллионы потомковъ ихъ. Что же осталось пастырямъ нынѣшней Церкви русскій дѣлать, когда россияне нашего времени отвыкли употреблять славянскій языкъ въ разговорахъ, въ сочиненіяхъ, въ помышленіяхъ: когда немногіе безъ затрудненій многихъ, и весь

ма многіе мало понимаютъ его въ священной Библии, и въ семь множествѣ обрѣтаются даже многіе клирики; когда живущіе среди насъ христіане иныхъ исповѣданій, читая на своихъ живыхъ языкахъ Библию, исправно переведенную съ еврейскаго и греческаго, изъясняютъ раздражительное для народной ревности сожалѣніе, что російская Церковь не имѣетъ російской Библии; когда столь многіе въ благородномъ сословіи, не получивши въ дѣтствѣ способности и охоты читать и разумѣть церковныя книги на славянскомъ языкѣ, съ симъ недостаткомъ на всю жизнь остаются, и если обрѣтаютъ въ сердцѣ своемъ желаніе питаться Словомъ Божиимъ, то ищутъ пособія въ иностранныхъ языкахъ, и видя, что то же Слово Божіе, которое для нихъ казалось столь темнымъ въ славянской Библии, въ англійской или нѣмецкой свѣтло и просвѣтительно, въ утѣшеніяхъ признательности такъ далеко уходятъ за черту благоразумія, что хладѣютъ въ любви къ російской Церкви, и были примѣры, что таковыя являлись въ открытомъ союзѣ съ иною церковію, не столь чистую въ исповѣданіи, какъ російская? Что осталось нашимъ пастырямъ... дѣлать, когда многіе и принимаютъ за славянскую Библию, но безъ привычки къ труду въ испытаніи не токмо Писанія, но и письмени, поспѣшаютъ перемѣнить столь скучное для нихъ занятіе на чтеніе хитросплетенныхъ басней, прельщающихъ красотами живаго отечественнаго слова? Преслѣдовать ихъ, гнаться за ними, уловлять ихъ тѣмъ же путемъ, которымъ они отъ Слова Божія удаляются, то-есть дать имъ всю Библию на чистомъ російскомъ нарѣчій...».

На восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: «что же будетъ съ тобою, высокій языкъ славянскій?», о. Макарій отвѣчаетъ такъ:

«И свѣтильникъ славянской Библии не угаснетъ и не затмится; напротивъ російская Библия будетъ самымъ легчайшимъ, самымъ благонадежнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ пособіемъ къ чтенію славянской Библии съ разумнѣемъ; и такимъ образомъ Библия у насъ, сама себя толкуя и объясняя, тѣмъ безпрепятственнѣе будетъ являть силу живаго Слова Божія въ духѣ читающихъ и внимающихъ... Тогда и славянскій языкъ, по всей вѣроятности, явится для нынѣшняго времени въ благопріятнѣйшемъ видѣ достойно почитаемой древности и, какъ органъ Слова Божія, не оскверняемый тѣмъ во зло употребленіемъ, которому столь часто подвергается живой

языкъ, и какъ священный памятникъ и преданіе нашихъ святыхъ отцевъ и праотцевъ, и содѣляется предметомъ усерднѣйшаго вниманія и испытанія, когда перестанетъ служить преградой, отлучающею столь многія души отъ разумнѣя пророчествъ Божіихъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ».

Распространеніе переводовъ Библии на новѣйшихъ живыхъ языкахъ о. Макарій разсматриваетъ какъ дѣло Провидѣнія Божія, чрезъ которое распространяется религіозное вѣдѣніе между народами:

«Сіе вѣдѣніе умножилось во первыхъ съ распространеніемъ въ мірѣ Библии въ еллинскомъ переводѣ и христіанства вмѣстѣ съ новозавѣтными книгами откровенія Божія, а потомъ съ возбужденіемъ въ христіанскихъ церквахъ чувства потребности испытывать Писанія посредствомъ преложенія Библии вновь съ еврейскаго языка на живые новѣйшіе. Ибо по мѣрѣ того, какъ умножается, и утончается, и разливается въ мірѣ вѣденіе суеты и зла, Господу благоугодно умножать въ Церкви своей вѣденіе истины и блага...».

«Если вы скажете: еще не время, російскій народъ не созрѣлъ; то мы скажемъ: когда языкъ созрѣлъ, то и народъ созрѣлъ. Вы говорите подобно человѣку, слишкомъ долго заспавшемуся, который умоляетъ возбуждающихъ, чтобы дали ему поспать еще немного...».

Сознавая важность и трудность такого дѣла, каково переложеніе всей Библии на современный языкъ, о. Макарій находилъ полезнымъ изданіе особаго журнала для предварительныхъ частныхъ переводовъ въ видѣ опыта и другихъ работъ, необходимыхъ для успѣха дѣла:

«При с.-петербургской духовной академіи можно издавать особый журналъ подъ названіемъ: Опытъ въ переводѣ съ еврейскаго и греческаго, и въ семь журналѣ, который, безъ всякихъ предварительныхъ объявленій, былъ бы рассылаемъ не по церквамъ, а по всѣмъ лицамъ, учащимъ въ академіяхъ и семинаріяхъ, если бы, на примѣръ, въ четыре мѣсяца выходила книга такой мѣры, какъ весь Новый Завѣтъ на російскомъ нарѣчій, то можно было бы въ продолженіе двухъ лѣтъ помѣстить весь Вѣтхій Завѣтъ, начиная съ пророческихъ книгъ, продолжая агіографами и апокрифами, и заключивъ

сіе издание книгами каноническими историческаго содержанія. Сія мѣра еще спокойнѣйшимъ путемъ вела бы къ цѣли, если бы къ тексту были прилагаемы избранныя параллели, и самыя краткія примѣчанія, между прочимъ, въ изъясненіе пророчествъ. Тогда мы стали бы спокойно ожидать времени, каковое правители Церкви получили бы для разсмотрѣнія, исправленія, усовершенія, одобренія и усвоенія Церкви російской сего приговорительнаго труда...».

Мысль о. Макарія оправдалась въ томъ отношеніи, что въ настоящее время, когда приступлено къ полному переводу Библии на современный языкъ, прежде общаго изданія перевода, въ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ помѣщаются отдѣльные переводы ветхозавѣтныхъ книгъ, которыя съ пользою могутъ быть приняты къ свѣдѣнію при общей редакціи русскаго перевода. Впрочемъ идея журнала, высказанная о. Макаріемъ, не утратила значенія и для настоящаго времени, если принять во вниманіе, что наша духовная литература доселѣ еще бѣдна спеціальными сочиненіями, посвященными изученію Библии въ историческомъ и экзегетическомъ отношеніи. Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто въ письмѣ о. Макарія:

«Если долго будемъ страшиться препятствій и затрудненій: то не дождутся ли того времени, когда англійское миссіонерское и библейское общество между народами, не имѣющими полной Библии на своемъ живомъ языкѣ, а имѣющими языкъ достойный и способный къ тому, чтобы вмѣстить полноту сего Божія дара, примѣтитъ наконецъ и російскій, и поспѣшитъ прислать пастырямъ російской Церкви въ безмездный даръ полную Ветхаго Завѣта Библию на російскомъ языкѣ, въ исправномъ переводѣ каноническихъ книгъ съ еврейскаго, апокрифическихъ съ греческаго, и одной изъ оныхъ съ латинскаго? Нужно ли, чтобы англійская церковь предвосхитила честь труда, російской принадлежащаго, и дала православной Россіи російскую Библию?»

Читателямъ «Православнаго Обзорія» извѣстно, что въ прошломъ году дѣйствительно явилось въ Англіи предпріятіе, хотя не со стороны библейскаго общества, издать Библию въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ, если справедливы слухи, неизвѣстные издате-

ли лондонской Библии на русскомъ языкѣ остановились въ своемъ предпріятіи на Пятокнижїи, усомнившись въ правильности принятаго ими метода и въ достоинствѣ самаго перевода.

Господь услышалъ молитвенный вопль святителя Филарета, протоирея Павскаго, архимандрита Макарія о возобновленіи и изданіи русскаго перевода Священного Писанія. Но только в 1857 году было принято окончательное решение Священного Синода приступить къ изданію русскаго перевода Библии — «не для церковнаго употребленія, а исключительно для одного только пособия къ уразуменію Священного Писанія»¹.

В 1859 году от словъ перешли къ делу. «Православное обозрѣніе», начиная с 1961 года, стало печатать на своихъ страницахъ библейскія книги в переводѣ с еврейскаго арх. Макарія. Кроме переводовъ Макарія, были напечатаны переводы с греческаго священныхъ книгъ священника Сергиевскаго А. А. В «Духе Христианина» 1862–1863 гг., напечатанъ переводъ Г. П. Павскаго третьей и четвертой книгъ Царствъ, первой и второй Паралипоменонъ и Притчей Соломоновыхъ. Передъ каждой главой перевода книгъ Царствъ и Паралипоменонъ есть оглавленія коротенькія с обозначеніемъ содержанія главы². В течение многихъ летъ вся Библия была переведена на русский языкъ и вышла в светъ в полномъ составѣ в 1877 году, уже после кончины святителя Филарета.

¹ Снычевъ Иоаннъ. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московскаго /Подъ общей редакціей С. Д. Ошевскаго. — Тула: Издательство «Русскій Лексиконъ». — С. 339.

² Чистовичъ И. А. История перевода Библии на русский языкъ. Репринтное воспроизведеніе изданія 1899 г. — М.: Россійское Библейское Общество, 1997. — С. 319.

Галина Владимирова
радиожурналист

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА В ПОЭЗИИ ЕСЕНИНА

Многие исследователи отмечали, что любимыми красками Есенина были золотая и синяя. Но эти же цвета мы часто встречаем в русских православных церквях. Однако было бы неверно считать, что Есенин механически переносил церковные краски в картины природы. Скорее, наоборот: древние русские мастера, выполнявшие росписи храмов, обладали тем же природным художественным чутьем, что и поэт. Оттого так органично смотрятся золотые купола на фоне синего неба, как золотые кроны пожелтевших берез.

Синий цвет, как и слово «милый», имеет у поэта мистический оттенок. Как будто синий цвет содержит нравственную категорию (кстати, любимый цвет Андрея Рублева). Русскую иконопись называют «умозрением в красках». Но цвет на иконе связан с предметным изображением, с конкретным смыслом. В рублевской «Троице» синим цветом (светом) сияют облачения ангелов. Страна, которую поэт любит, и есть для него земля обетованная, как бы глубоко ни погружалась она в небытие и какие бы чудища ни разгуливали по ее поверхности. Более того, потому и любит (странно, правда, любовью), что она несчастна. И себя, плоть от плоти ее, в благополучном здравии не представляет.

Но здесь не просто индивидуальная привязанность поэта к этим цветам. Синее и голубое — это цвет земной атмосферы и воды, он преобладает в природе независимо от времени года, в нем меняются только оттенки. «Теплая синяя высь», «синеющий залив», «синие чащи», «деревенская синь» — таковы частые приметы природы в стихах Есенина. Есенин не ограничивается простым воспроизведением красок природы, он не копирует их, каждая краска имеет свой смысл и содержание.

Синий цвет для поэта — цвет покоя и тишины. Поэтому он так часто встречается при изображении вечера и раннего утра: «Синий вечерний свет», «синий сумрак», «Предрасветное. Синее. Раннее». Смысловое содержание этого цвета целиком переносится поэтом на внутреннюю характеристику человека. Это всегда означает душевное равновесие, умиротворение, внутренний покой: «Несказанное, синее, нежное... Тих мой край после бурь, после гроз...». Синий цвет — это еще свежесть и здоровье, он напоминает молодость:

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

«Несказанное, синее, нежное. Тих мой край после бурь, после гроз». Но это также и тишина океанских глубин, донного непроходимого мира, куда в 20 веке спустился французский океанолог Жак Кусто. Но еще раньше, только в ином, метафизическом измерении, на той же глубине побывали русские поэты. Загадочным безмолвием был заморожен Некрасов: «А там, во глубине России, там вековая тишина». Пушкин тоже столкнулся с нею и поместил кратко в конце своей трагедии: «народ безмолвствует». Для Есенина Россия — это Мариинская впадина Мирового океана.

Голубой цвет в стихах Есенина очень близок по значению к синему. Его дополнительным оттенком у поэта является то, что он дает радостное ощущение простора, широты, далекого горизонта: «голубое поле», «голубые двери дня», «голубой простор», «голубая звезда», «голубая Русь». Голубое и синее в своем сочетании служат созданию романтического настроения у читателя. «Май мой синий! Июнь голубой!» — восклицает поэт, и чувствуется, что здесь не просто названы месяцы весны и лета, здесь думы о юности и молодости...

Довольно часто у Есенина встречается алый цвет, который издавна имел свою определенную закрепленность в народных песнях («щечки алые», «алый цветок»). Алый цвет символизирует в сти-

хах Есенина девственную чистоту, непорочность, незапятнанность. Часто это утренняя заря: «Есть тоска веселая в аlostях зари...», «Я стоял как инок, в блеске алом...», «Я молюсь на алы зори...».

Символичны и другие цвета. К алому цвету по своему тону и настроению близок розовый цвет, к которому так часто и охотно прибегает Есенин. «Свежая розовость щек», «Помыслы розовых дней» — символизируют юность. Розовый цвет дается в сочетании с цветом золота:

Льется дней моих розовый купол,
В сердце снов золотая сума.
Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду.

Казалось бы, розовый цвет маловыразительный, несколько разбавленный. И тем более поражает умение Есенина пользоваться этой краской, придавать ей необыкновенно выразительную силу. Ведь именно слово «розовый» создает незабываемую картину настроения, изображаемую в такой строфе:

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Здесь никакое другое прилагательное к слову «конь» не могло бы создать такого глубокого романтического настроения. Сочетание алого и розового подчеркивает и усиливает ощущение молодости, красоты, свежести и нерастраченности чувств:

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Родственный алому и розовому — красный цвет имеет в поэтике Есенина свой особый смысловой оттенок. Это тревожный, беспокоящий цвет, в нем как бы чувствуется ожидание неизвестного. Если алый цвет связан с утренней зарей, предвещающий

светлый день, то красный говорит о закате: «Гаснут красные крылья заката...», «Тонет день за красным холмом...», «О красном вечере задумалась дорога...».

Цвета в лирике Есенина — чистые и ясные: красный, голубой, зеленый. Никакой изначальной мглы, брюсовской фиолетовой густоты, блоковской сажи: палитра свеженаписанного лубка, народной иконки.

А серебро у него не краска, а отблеск. Серебристое всегда непременно в паре с золотистым, оно слепит, веселит, завораживает, оно — как ассистка на образе, как праздничный оклад, как риза. *Серебрится река. Серебрится ручей. Серебрится трава орошенных степей.* Складень!

Присутствует в стихах поэта и черный цвет. Чернота ночи чувствуется в беглых, «лунных» пейзажах. Иногда то черная галка пролетит, то черная туча прольется, то из черной проруби глянет русалка. И «что-то» все время копится в этих черных штрихах, оттеняющих голубизну и зелень, хотя проходит как бы мимо сознания. И вдруг обрушивается страшным видением черного человека, который, выйдя «из зеркала», садится на кровать и читает отходную поэту, прожившему жизнь «в стране... громил и шарлатанов».

Но голубой и синий — это не просто любимые цвета Есенина, это символ всего чистого, высокого, горного, божественного, что он ощущал в себе и в людях.

Когда он затоскует о «единственной», «той, которой в мире нет», то опять же вспомнит, что она как бы создана из синевы:

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

У него нет в стихах понятия «святой Руси» — вместо него он воссоздает «синюю» или «голубую Русь», приравнивая тем самым голубизну к святости. Осознавая крушение своих жизненных идеалов, Есенин связывает это поражение с утратой сини в глазах:

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле...

А когда он хочет показать, что за человеческую душу борются две силы — черная, дьявольская, и синяя, божественная, он с гениальной смелостью двумя мазками кладет оба эти цвета на лицо человеческое:

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Почернелые лица — и в них голубые рты — вот оно, поле боя Бога и дьявола! Этот образ через десять лет снова сверкнет у него в «Черном человеке». Поэт рискнул показать наивысшую степень кощунства, на которую решается Черный человек, сознательно и цинично растоптавший свою голубую божественную ипостась... Она еще светится в его глазах, эта голубизна, но свет безнадежно осквернен, и эта скверна куда более ужасна, чем на «почернелых лицах» убийц с «голубыми ртами».

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой...

Для изображения внутреннего состояния человека поэт умело пользуется соединением контрастных красок. Они выступают как символы. Эти краски–антитезы помогают зрительному восприятию перехода одного чувства в другое:

Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

По мере того как у поэта нарастает все более тяжелое и мрачное настроение, в его стихи все более вторгается черный цвет. «Вечер черные брови насопил» — так начинается одно из его стихотворений, в котором мы застаем поэта в состоянии упадка духовных сил.

Именно через контрастные цвета — белый и черный — Есенин однажды ярко выразил раздумье о своей жизни. Это было в период «Москвы кабацкой», когда он болезненно ощущал разрыв между той средой, в которой он оказался, и поэтическим вдохновением, продиктованным романтикой чувств:

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.

Он, наверное, единственный поэт, который использует так много цветов и оттенков и вкладывает столько смысла в эти цвета. В его стихах они призваны усилить зрительное восприятие образа, сделать его более рельефным и выразительным.

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?
Выйду на озеро в *синюю* гать,
К сердцу вечерняя льет благодать.
Серым веретнем стоят шалаши,
Глухо баюкают степь камыши.
Красный костер окровил таганы,
В хворосте *белые* веки луны.

Так возникает картина тихого летнего вечера, и она целиком дается средствами цветового изображения.

В стихах Есенина изображены пейзажи милой его сердцу среднерусской полосы. Есенин писал: «Россия — какое хорошее слово. И „роса“, и „сила“, и синее что-то». Он представлял Русь синей и связывал этот образ с небесами и водной гладью:

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты в ризах образа...
Не видать конца и края
Только *синь* сосет глаза.

Лирика Есенина отличается откровенностью, эмоциональностью, напевностью. Многие стихи положены на музыку.

Образы природы многообразны: закат и восход солнца, берёзки, клёны, топи болот и т. д. Они очень красивы: здесь всем знакомые «синий плат небес» и «роща золотая», «малиновое поле» и кудри берез, заледенелый клён и речные заводи. Поэт использует неожиданные сравнения и метафоры: «Осень — рыжая кобыла»; «принакрылась снегом, точно серебром»; «выткался на озере алый свет зари»; «задрожало зеркало затона»; «кудрявый сумрак за горою». Подсчитано, что у Есенина более полусотни удивительных образов луны (месяца). Поэт чувствует себя частью родной природы и готов слиться с ней навсегда: «Я хотел бы затеряться в зеленях твоих стозвонных».

В поэзии Есенина национальный пейзаж включает в себя не только традиционные мотивы грусти, запустелости, нищеты, но включает в себя и удивительно яркие, контрастные краски, словно взятые с народных лубков: «Синее небо, цветная дуга, <...> Край мой! Любимая Русь и Мордва!»; «Топи да болота, *синий* плат небес. Хвойной позолотой взвенивает лес»; «О Русь — малиновое поле и *синь*, упавшая в реку...».

Такие строчки в стихах как «синь сосет глаза»; «пахнет яблоком и медом»; «Ой ты, Русь моя, милая родина, сладкий отдых в шелку купырей»; «Звени, звени золотая Русь...», показывают образ яркой и звонкой России, со сладкими запахами, шелковистыми травами, голубой прохладой, именно Есениным был внесен в самосознание народа.

Есенинская цветопись ранних стихов, по существу, в точности воспроизводит расположение цвета на русской иконе, а пламя, льющее «в бездну зренья», как и «алый мрак в небесной черни» — основополагающий цвет образа «Спаса в силах», который возникает в глазах поэта именно на границе перехода из мира земного в мир небесный. И сама икона в его стихах становится подлинным окном в иной мир, а отворенное его словом, оно преображает и мир здешний. Это ошеломляет и завораживает.

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Андрей Родосский
кандидат филологических наук,
магистр богословия

ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕЙ ГЕРАСИМ ПАВСКИЙ: КЛИРИК, БОГОСЛОВ, ФИЛОЛОГ

Имя протоиерея Герасима Петровича Павского (1787–1863) теснейшим образом связано с историей Императорского Санкт-Петербургского Университета и домово́й Петропавловской церкви при нем. Как ученый он внес весомый вклад не только в богословие, но и в науку о языке. Его яркая личность в обозримом будущем, вероятно, вызовет интерес не только у церковных, но и у светских историков. И здесь возникает опасность идеализации этого незаурядного и одаренного, но противоречивого человека, попытки выдать его недостатки за достоинства, а может быть, и наоборот. Наша задача — дать возможно более объективный и беспристрастный его портрет на основе имеющихся биографических и исторических материалов. Правда, многие из них отличаются явно апологетическим характером. Вот некоторые из них:

«Из четырех ветеранов лучшим был Г. П. Павский — честный, благородный, безупречный в своем поведении, без надменности и высокомерия, но и неспособный к лести, низкопоклонству, враг ханжества и лицемерия, — человек, так сказать, античный, с возвышенною душою»¹ (Д. И. Ростиславов, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии).

«Как теперь помню замечательно умную голову этого тогда уже старца, с его всегда приветливою улыбкою и наивно-детским обращением со всеми»¹ (протоиерей Иоанн Базаров, духовник великой княгини Ольги Николаевны, дочери Императора Николая I, тогда еще наследной принцессы Вюртембергской).

Профессор Духовной академии И. А. Чистович вспоминал, что о. Герасим Павский «своим характером и своей жизнью внушал доверие к людям и осуществлял лучшие, можно сказать, идеальные стороны человеческой жизни... Все лучшее в ней он возвел в нравственное сознание, упрочил для себя силою воли и образовал из своего темперамента характер, достойный лучшего из людей». Библиотекарь той же академии и видный церковный bibliограф А. С. Родосский характеризовал о. Герасима Павского как «великую силу в науке и литературе XIX века, как отличного богослова, как выдающегося патриота с великими качествами правды и чести»². Даже известный своими антиклерикальными взглядами В. Г. Белинский утверждал, что о. Герасим Павский «Один стоит целой академией»³, а известный историк М. П. Погодин считал его «Умнейшим человеком своего времени»⁴.

Родился Герасим Петрович Павский 4 марта 1787 г. под Лугой в семье священника Павского погоста, от названия которого образована его редкая, хотя и типичная для православного духовенства того времени, фамилия. Уже в годы обучения в Александроневской семинарии, а затем в Духовной академии он обнаружил любовь и способность к языкам — в совершенстве овладел немецким, польским, чешским, арабским, халдейским, греческим, латинским, санскритом, а также древнееврейским, необходимым для чтения Ветхого Завета в подлиннике. «Видя мою любовь к уединению и наукам, — писал Павский в автобиографии, — ректор вполне уверен был, что вступлю в монашество и к тому вел меня заветным путем. Он убедительно уговаривал меня: ты будешь уже через 6 лет архиереем. Это-то и тяготило меня. Отвратительно показа-

¹ *Ростиславов Д. И.* Петербургская Духовная академия до графа Протасова// Вестник Европы. 1872. № 9. С. 163.

¹ Русская старина. 1901. Февраль. С. 278.

² *Родосский А. С.* Библиографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1907. С. 343–344.

³ *Белинский В. Г.* Собр. соч. М., 1981. Т. 7. С. 613.

⁴ *Родосский А. С.* Указ. соч. С. 344.

лось мне понятие ложное о монашестве, будто идут в монахи для чести и выгод... Когда я отказался от монашества, тогда видимым образом отворотился от меня ректор. Вместо того чтобы назначить мне богословскую кафедру, к чему я был способнее других, дали мне еврейский язык. Но Бог устроил так, что этот предмет сделался для меня наиприятнейшим занятием. В богословии я должен был лицемерить, притворствоваться — а здесь говорить правду и говорить изредка, чтобы не оскорблять лукавых, промалчивать»¹.

Неприятие монашества — это лишь один из аспектов протестантской теологии, адепты которой группировались вокруг образованного в 1812 г. Библейского общества, где активно сотрудничал Павский. Однако, получив кафедру еврейского языка в Духовной академии, он блестяще проявил свои лингвистические и педагогические способности. Стоя у истоков русской гебраистики, Павский написал первую в России еврейскую грамматику и составил еврейскую хрестоматию, по которой занимались многие поколения академических студентов. По воспоминаниям одного из учеников Павского, «несмотря на все алефы и беты, кюббуцы и патахи, шфилы и гафалы, он так умел сделать свои уроки занимательными, что студенты слушали их с бóльшим удовольствием, нежели самые увлекательные науки, из которых многие были преподаваемы дельными наставниками»².

Свою успешно защищенную магистерскую диссертацию Павский озаглавил «О книге псалмов». В ней автор доказывал, что не все псалмы составлены царем Давидом, а написаны разными лицами в разное время. Ныне это общепризнано и очевидно (хорошо обосновал эту точку зрения в своей «Истории классического Востока» Б. А. Тураев, сочетавший блестящий исследовательский дар с пламенным благочестием и бывший одно время старостой университетского храма). Однако в начале XIX в. суждения Павского казались весьма смелыми и нетрадиционными и вызывали неприятие и осуждение в определенных кругах. Павский и сам перевел текст Псалтири на русский язык, проявив при этом незаурядный литературный талант.

¹ Барсов Н. И. Протоиерей Герасим Петрович Павский. Очерк его жизни по новым материалам // Русская старина. 1880. Т. XXVII. С. 121.

² Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 104–105.

В 1815 г. Павский, вступив в законный брак, принял сан священника и получил назначение в Казанский, а затем в Андреевский собор. Богослужебную деятельность он сочетал с работой в Библейском обществе, по поручению которого перевел на русский язык Евангелие от Матфея и множество ветхозаветных книг. Перевод Священного Писания на живой, понятный каждому русскому человеку язык, был предпринят по повелению Императора Александра I. Метод, с которым подошел к своей задаче о. Герасим Павский и возглавляемая им комиссия, был строго научным, критическим. Русский перевод тщательнейшим образом сверялся и с еврейским подлинником, и с текстом Септуагинты. Перевод Псалтири, над которым о. Герасим работал еще в студенческие годы, оказался настолько точным и совершенным, что комиссия приняла его к печати без единого исправления. О. Герасим Павский показал себя не только талантливым переводчиком, но и скрупулезным редактором (под его редакцией были изданы исторические книги Ветхого Завета до 1-й Книги Царств). За свои труды он удостоился звания профессора, был возведен в сан протоиерея и награжден орденом св. Владимира 4-й степени, а также бриллиантовым крестом и двумя бриллиантовыми перстнями.

Сразу после открытия Императорского Санкт-Петербургского университета о. Герасим Павский возглавил кафедру богословия, существовавшую, к слову сказать, вплоть до самой революции. На этой кафедре он читал лекции по догматическому и нравственно-му богословию, очень охотно посещавшиеся студентами, и разработал курс «Истории постепенного раскрытия религиозных понятий в человеческом роде». По мнению его биографа Арсения Вольского, «отвлеченный предмет, при простом историческом методе его исследования, более других предметов интересовал студентов и приковывал их внимание, несмотря на то что богословские науки считаются в университете менее всего занимательными, — все это, вместе взятое, показывало в Павском человека, выходящего из ряда лучших деятелей того времени на поприще преподавателя богословских наук»¹. А по отзыву известного литератора А. В. Никитенко, выпускника университета, в лекциях о. Герасима Павского «было что-то совершенно своеобразное, ему

¹ Там же. С. 105.

одному свойственное, важность и почти младенческое добросердечие, сила и простота, соединенные с глубиной и богатством знания и удивительным богатством знания»¹.

Отметим некоторые характерные черты богословских воззрений прот. Герасима Павского. Сразу сделаем оговорку, что в начале XIX в. еще не была нормирована программа преподавания богословских наук. Православные преподаватели богословия находились в сильной зависимости от иностранных, а следовательно, от инославных влияний, — прежде всего, католических, от которых была привнесена схоластическая рутина, которую многие богословы пытались выдать за православную догматику. Против этого-то и выступил о. Герасим Павский. Застывшей схоластической системе обучения он противопоставил изучение догматики в ее историческом становлении и развитии. Особенно ярко проявилось это в курсе лекций, прочитанном в университете. Курс этот представлял собою своеобразный синтез основного богословия и религиозной философии, — а ведь ни та, ни другая дисциплины в ту пору не читались не только в университетах, но даже в духовных академиях. Лектор стремился согласовать истины веры с требованиями разума, что было весьма актуальным в его эпоху, ибо всего несколько десятилетий отделяло о. Герасима от французского революционного лихолетья, подготовленного энциклопедистами, чей плоский рационализм привел к религиозному вольнодумству, антиклерикализму, деизму и даже откровенному безбожию. По мнению нашего богослова, естественное чувство благоговения перед явлениями высшего порядка издревле породило в людях необходимость в благодарении, т. е. в жертве, которая в разные эпохи и в разных климатических условиях приобретает различные формы. Отличие ветхозаветных жертвоприношений от языческих в том, что жертва приносится истинному Богу, а не бездушным идолам. Однако единственной жертвой, вполне угодной Богу, явилась таковая, принесенная Господом нашим Иисусом Христом за грехи всего рода человеческого.

¹ Барсов Н. И. Указ. соч. С. 501–502, 505.

С тех же позиций прот. Герасим Павский рассуждает об откровении, малая частица которого была доступна и язычникам, однако полностью Бог открылся человеку лишь в Новом Завете. О. Герасим настаивал на непосредственном изучении Св. Писания, никоим образом не впадая при этом в протестантско-сектантскую крайность, согласно которой Библия должна быть единственным источником христианского вероучения. К творениям Свв. Отцев прот. Герасим Павский, в отличие от католическующих схоластов, относился с долей критицизма, но лишь в том смысле, что не считал непогрешимым каждое суждение в святоотеческом предании, а выделял в нем атмосферу т. н. частных мнений, лишенных общезначительности и тем самым счастливо миновал множество противоречий, неизбежных при противоположном подходе.

В этот же период о. Герасим Павский становится одним из главных сотрудников издававшегося Духовной академией и сравнительно недавно возобновленного журнала «Христианское чтение», у истоков которого стоял уже упоминавшийся А. С. Родосский. Там опубликовано множество его переводов творений Свв. Отцев, а также оригинальные статьи и заметки. Среди них — «О религии», «О таинственной вечери Иисуса Христа у христиан при апостолах и осле апостолов», «О цели говения и о порядке благоговейных занятий христианина, приготавливающегося ко св. приобщению», а также толкования на евангельские притчи — о талантах; о пшенице и о плевелах; о гостях, званых на вечерю; о брачном пире и о гостях, званых на пир; о виноградарях; о смоковнице. Несколько позже о. Герасим Павский опубликовал церковно-историческое исследование «О состоянии Российской Церкви под управлением патриархов».

Отметим еще один немаловажный момент в биографии о. Герасима Павского. Как известно, при Императоре Александре I в России пышным цветом процвело масонство. Стараясь пополнить в свои ряды талантливых и образованных людей, масоны стремились завербовать в свои ряды и о. Герасима Павского, в котором их привлекало некоторое религиозное свободомыслие, либерализм мышления в сочетании с фундаментальными познаниями и недюжинными дарованиями. Первую попытку вербовки

предпринял проникший в Духовную академию протестантский теолог, масон, выкрест Фесслер, бравший у о. Герасима уроки еврейского языка. «И меня, — вспоминал о. Герасим, — звали в масоны, да я не пошел. Не люблю кривых дорог. Я бранивал за это и товарищей своих, которые любили закоулки»¹.

Всесторонне образованный и обладающий выдающимися педагогическими качествами священник привлек внимание Императорского двора и в 1826 г. только что вошедший на престол Император Николай I предложил ему стать законоучителем наследника цесаревича Александра Николаевича (будущего Царя-Освободителя Александра II) и его сестер, великих княжон Марии, Ольги и Александры. Специально для своих Августейших воспитанников о. Герасим составил изданные мизерным тиражом учебники — «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе», а также «Беседу с Государем Наследником накануне принесения Его Императорским Высочеством присяги по случаю совершеннолетия».

О. Герасим Павский предложил план религиозного воспитания наследника и его сестер, где говорил, между прочим, следующее: «Процесс религиозного развития каждой отдельной личности состоит в том, что детские лета суть лета чувства, и потому дитя более имеет в себе религиозной жизни. Но эта райская жизнь дитяти, по мере развития рассудка, может потеряться, а если и в эти лета не питать религиозного чувства и не ввести *идей* религиозных в сами *понятия* рассудка. Когда религиозные идеи воспринимаются рассудком или когда чувства внутренне изображаются во внешних формах, тогда начинается *положительная религия*, к которой относятся догматы, т. е. понятия рассудка о религиозных идеях; законы, т. е. частные правила, в коих выражается религиозное действие; *обряды* или чувственное представление идей и правил идей во внешних формах»² (везде курсив прот. Герасима Павского. — А. Р.) Думается, что эти рассуждения вполне истинны, справедливы и не утратили актуальности для воспитания подрастающего поколения в современных условиях.

¹ Там же. С. 503.

² Там же. С. 271–272.

С этого времени завязалась крепкая дружба прот. Герасима Павского с В. А. Жуковским, который, как известно, был наставником Цесаревича Александра Николаевича. «Я имел возможность узнать вас коротко, — писал ему впоследствии Жуковский, — и на всю жизнь сохраняю к вам почтение, которое вы вселили в меня своим благородным характером, своею чистою нравственностью, основанною на вере, своим умом просвещенным и своим бескорыстным усердием в исполнении возложенного на вас долга»¹.

Судьба, казалось бы, улыбалась прот. Герасиму Павскому. Однако его жизнь омрачилась крупными неприятностями, в которых, к сожалению, в значительной степени был виноват он сам.

В 1824 г. его постигло семейное горе — он потерял горячо любимую супругу Евфимию Андреевну, урожденную Грацианскую (тоже явно из духовного звания). О. Герасим оплакал ее в стихах — поэтическое творчество было ему не чуждо. Двум своим осиротевшим дочерям он посвятил стихотворение, стилистически напоминающее трогательный народный плач или причитание:

Маменька милая!
Рано кидаешь нас.
Доченькам маленьким
Худо без маменьки.
Кто даст нам куколку
В день именин?
Кто даст обновочку
К светлому дню?
Кто нас нарядит,
Что любо глядеть?
Маменька милая,
Рано кидаешь нас!
Кто нас поучит,
Когда подрастем?
Тянька — с книжками
Любит сидеть,
Тянька мальчиков
Ходит учить.
Девочек маменьки

¹ Там же. С. 718.

Учат везде...
 Маменька милая,
 Рано кидаешь нас!

Узнав о вдовстве о. Герасима, ректор Духовной академии снова предложил ему принять монашество, что могло открыть путь к занятию архиерейской кафедры. Но тот решительно отказался. В своей автобиографии он писал:

«Монашество я понимаю делом нечистым и противным законам природы и, следовательно, закону Божию, в чем уверила меня и церковная история. Церковная история учит, что в духе христианской церкви и в практике ее не было монашества; было скитничество, отшельничество, но в таком смысле, в каком утвердилось ныне, считалось богопротивным»¹.

О. Герасим считал, что извлекает уроки не только из церковной истории, но и из собственного житейского опыта, из наблюдений за придворной жизнью и общения с высшими иерархами. «С того времени, — рассуждал он, — как Государя стали избирать в законоучители для своих детей и в духовники лиц белого духовства, монахам-иерархам показалось, что власть в церкви переходит к белому духовенству, а это — убийство для них. И точно, в моем определении в законоучители Наследника престола было видно удаление Государя от монашеских происков».

Комментируя эти высказывания прот. Герасима Павского, его биограф Н. И. Барсов отмечает: «Приводя эти слова из автобиографии Павского, мы считаем излишним прибавлять, что они, очевидно, сказались автобиографом под влиянием его личных обстоятельств и отношений, и требуют значительных ограничений и исправлений»². Нам представляется, что дело не только в этом. Ведь, работая в Библейском обществе и изучая труды немецких философов и протестантских либеральных теологов, он настолько проникся их идеями, в том числе теми, что явно идут вразрез с православным вероучением. Это вызвало понятное неудовольствие

¹ Там же. С. 509–510.

² Там же. С. 510.

высших иерархов. Неудивительно, что митрополит Московский Филарет (Дроздов), прочитав одну из его книг, заметил: «Мне кажется, что издатели немецкое кушанье, не разжевав, глотают»¹.

Гром грянул в 1835 г., когда прот. Герасим Павский был отстранен от преподавания Закона Божия наследнику престола, удален от двора и вынужден был покинуть Духовную академию (преподавание в университете он оставил девятью годами раньше). Оказавшись не у дел, он поселился в Таврическом дворце, в церкви которого служил, и посвятил все свободное время научным изысканиям. Кроме богословских трудов, он серьезно и тщательно занимался лингвистикой и в 1840-е годы выпустил четырехтомные «Филологические наблюдения над составом русского языка, за которые, благодаря рекомендации академика А. Х. Востокова, был удостоен Демидовской премии, а позднее сам избран академиком. В. Г. Белинский охарактеризовал его «Филологические наблюдения...» как «сочинение совершенно самостоятельное и оригинальное, которое первое полагает основание русской филологии»². Восторженную оценку своего капитального труда о. Герасим получил от ректора университета П. А. Плетнева.

Невозможно обойти молчанием еще один замечательный труд прот. Герасима Павского. Ему принадлежит одно из первых переложений гениального памятника русской словесности «Слово о полку Игореве» на современный русский язык. Достоинства этого переложения трудно переоценить.

Прежде всего сказалась высокая филологическая культура, очень глубоко вникшая в древнерусский текст. Кроме того, о. Герасим следовал не столько букве, сколько духу подлинника, памятуя слова св. апостола Павла о том, что «буква убивает, а дух животворит» (II Кор. III, 6). Вместе с тем у о. Герасима нет и намек на переводческую вольность, чем столь часто грешат нынешние переводчики художественной литературы. К бережному, трепетному, почти благоговейному отношению к оригиналу его приучила многолетняя работа над переводом священных книг, не терпящих ни малейших смысловых или стилистических отклонений.

¹ Прибавление к творениям Св. Отцев. 1872–1873. Ч. 25. С. 52.

² Белинский В. Г. Указ. соч. С. 613.

Мало кому из переводчиков удалось сохранить древнерусский колорит в тексте, доступном и понятном современному читателю. Не будем забывать и того, что «Слово...» изобилует темными местами, что отчасти обусловлено ошибками переписчиков. В большинстве случаев переводчик достаточно верно истолковал неясные слова и выражения, подыскав им удачные эквиваленты из современного русского языка. «Слово...» он рассматривал именно как поэтическое произведение и, призвав на помощь свою богатейшую интуицию, воссоздал ритмический рисунок повествования (об этом говорит то, что текст переложения разделен на стихотворные строки, напоминающие верлибр, которые объединены в строфы). Рукопись переложения была обнаружена в бумагах прот. Герасима Павского его внуком Г. А. Орловым. Сохранилась она, к сожалению, не полностью: утрачено начало — первые 17 строф.

Взойдя на российский престол, Император Александр II вспомнил о своем бывшем законоучителе, причислил его к штату придворного духовенства и назначил хорошую пенсию. Но к той поре о. Герасим был уже тяжело болен — он страдал острым ревматизмом, из-за которого ему трудно было даже передвигаться по комнате. 7 апреля 1863 г. его не стало. Похоронен был на кладбище Императорского фарфорового завода, который, к счастью, недавно вернул себе историческое название, но кладбище со всеми захоронениями было ликвидировано в годы советской власти, и на его месте построили кинотеатр «Спутник» и станцию метро «Ломоносовская».

В частной жизни прот. Герасим Павский был на редкость скромнен и неприязнителен, отличался кротостью и смирением. Выросший в бедности и нужде, он, достигнув высокого положения, не стал окружать себя роскошью, а довольствовался простой пищей и скромной квартирой. Доходы свои он тратил, в основном, для приобретения необходимых для работы книг, остальное раздавал неимущим. Став признанным ученым, он не впал в гордыню и самодовольство, а охотно выслушивал возражения и замечания. Утрату своего положения он воспринял со стоическим спокойствием. Никто не вправе был упрекнуть о. Герасима, что он жил не по вере.

После кончины прот. Герасима Павского в его архиве нашли объемистую рукопись, озаглавленную «Материалы для объяснения русских коренных слов посредством иноплеменных». Это был первый опыт русского этимологического словаря.

Лингвистические труды прот. Герасима Павского вызвали интерес не только в России, но и за рубежом. В 1890-е годы шведские ученые из Стокгольмского и Упсальского университетов предприняли критический разбор его сочинений. Но к тому времени исследователи его творчества, признавая безусловные достоинства его работ, стали подчеркивать их слабые стороны. Например, уже упоминавшийся Н. И. Барсов, признавая его глубокую эрудицию, вместе с тем утверждал: «Но Павский был самоучкой, его знаниями не доставало систематичности, школы и метода. Отсюда в его наблюдениях, рядом с верными замечаниями, свидетельствовывшими о прирожденном здравом смысле и ясном уме Павского, найдем немало курьезных и дилетантских (даже по тому времени) теорий и объяснений. Таковы: мнение о тождестве древнерусского и старославянского языков, несчастная теория „придыханий“, на которой основаны все наблюдения, и т. д.»¹ (имеется в виду, что Павский использовал принципы еврейской и арабской грамматики для анализа русского языка. — А. Р.).

Все это так. Однако отметим одну из сильных сторон исследовательского метода о. Герасима Павского — его историзм. Подобно тому, как религиозные догматы и обряды он рассматривал в их историческом развитии. И хотя о. Герасим Павский получил богословское, а не филологическое образование, он был полиглотом, что само по себе подразумевает способности к сопоставлению разных языков (иначе ими трудно, практически невозможно овладеть). Эти два фактора, вкупе с богатой интуицией и широкой эрудицией и привели о. Герасима к сравнительно-историческому методу языкознания. Одним из основоположников этого метода в России был академик А. Х. Востоков, который недаром столь восторженно приветствовал выход в свет его «Филологических наблюдений...»

¹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXIIa. С. 577.

Критический, но благожелательный анализ лингвистических работ прот. Герасима Павского произвел А. А. Потебня, а позднее — академик В. В. Виноградов, подчеркнувший новаторский характер некоторых его рассуждений. Например, по словам В. В. Виноградова, «новая фаза в учении о видах (глагола. — А. Р.) начинается с „Филологических наблюдений...“ Г. Павского. Здесь глубже обоснованы национально-русские своеобразия категорий вида... Подчеркивая количественные различия между видами, Павский очень тонко описал технику видового словообразования (суффиксального и префиксального)... Считая различие степеней основной функцией русской глагольной системы, Павский упростил сложную ломоносовско-востоковскую теорию времен... Мысли Павского послужили отправной точкой для новой теории видов, изложенной К. С. Аксаковым (который более известен как литератор и идеолог славянофильства. — А. Р.) в брошюре „О русских глаголах“»¹.

Таким образом, о. Герасим Павский был не свободен от серьезных ошибок и заблуждений, — особенно в богословских воззрениях. Несмотря на это и его богословские, и филологические исследования не только знаменуют целый этап в развитии обеих областей знания, но и ярко отражают разностороннюю личность самого исследователя. Он внес немалый вклад и в богословие, и в лингвистику, внедрив в эти науки сравнительно-исторический метод изучения. Некоторые идеи о. Герасима Павского, не принятые современниками, ныне прочитываются по-новому и, возможно, получат развитие в трудах будущих поколений.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1986. С. 397 и сл.

Алексей Филимонов

член Союза писателей России

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ НАБОКОВА-СИРИНА

Буду снова земным поэтом:
на столе открыта тетрадь...
Если Богу расскажут об этом,
Он не станет меня укорять.

Владимир Набоков

13 августа 1920

Поэтическая муза Владимира Набокова исповедальна и этим отличается от прозы, где писатель прячется под масками арлекинов, скрывающими суть характеров. Карнавальное начало является главным в его зрелой прозе. Совсем иное дело — русские стихи Владимира Набокова, особенно раннего периода, когда память о России ещё не ослабла, они подчеркнута традиционны и отсылают к Священному писанию. Переход на английский язык в 1940 году (когда завершился период русского писателя Сирина), писатель воспринимал как личную трагедию, о которой практически невозможно поведать, настолько она глубока и уникальна. Как бы ни пытались современные набоковеды преподать Набокова как американского писателя, его вклад в сохранение и развитие пушкинской традиции неоспорим. Христианская тематика видится мне главной составляющей набоковской поэзии, какие бы стороны бытия она ни раскрывала: тоску по утраченному детству, потерянный Петербург, разграбленный большевиками, свободу творчества, эмиграцию, любовные мотивы, — евангельское, библейское мирозерцание характерно для его лирического героя, персонажей и сюжета стихов. Христианская тема у Набокова окрашена глубоко личным отношением к образу Богородицы, Христа, к теме Распятия, Евангельского Слова, Воскресения. Набоковские стихи при всем трагизме лучезарны, радостны, свидетельствуют о счастье, в них разлита «райская живописность, привкус неба во влажном стихе», — роман «Дар». Для писателя был важен был сам Дух,

Слово, ощущение присутствия Христа в каждом мгновении бытия. В христианских стихах Набоков полемичен с литературой и веком — так, не приняв поэму Александра Блока «Двенадцать», «отвратительную, вымученную, написанную в псевдонародном тоне, с розовым картонным Христом, приклеенным в конце»¹, он отдаёт должное таланту её автора, посвятив его памяти стихотворение. Стремлением «преодолеть» пессимизм, безысходность Блока, насыщено набоковское творчество, в частности, «борьбе» с Блоком посвящена недавно опубликованная ранняя поэма «Юность». В Набоковском Санкт-Петербурге — отблеск Небесного града, осквернённого большевиками, двенадцатью матросами Блока, целящимися в Христа.

Пушкинские строки «В начале жизни школу помню я...» иллюстрируют набоковское следование христианской, экуменической традиции русской классической поэзии. Образ «Величавой жены» у Пушкина в стихотворении напрямую соотносится с Богородицей, Девой Марией, незримо присутствовавшей среди воспитанников Царскосельского лицея, произведение написано терцинами, в жанре Дантовской «Божественной комедии», что подчеркивает драматизм противостояния в душе будущего поэта:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

¹ Набоков о Набокове и прочем. М. — 2002. С. 215.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры –

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой –
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал –
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Еще Гавриил Державин через образ русской Императрицы прозревал Софию, Вечную Женственность, Царицу престола. Дельфийский идол у Пушкина — это Аполлон, водитель муз. Для Пушкина характерно противостояние античности и христианства, чего не было у Г. Державина, и редко можно встретить у наследника его традиции Ф. Тютчева. Для Набокова из Серебряного века «уцелело очень мало, а именно только то, что естественно продолжает Пушкина», пишет он в романе «Дар» от лица поэта, главного героя. «Пушкинским камертоном», «на пушкинских весах» он измеряет живое продолжение традиции. В поэме Набокова «Детство» видны аллюзии на строки «Пушкина» и его христианское мировоззрение:

Я помню дом большой,
я помню лестницу, и мраморной Венеры
меж окон статую, и в детской полусерый
и полузолотой непостоянный свет.

Вставал я нехотя. (Как будущий поэт,
предпочитал я сон действительности ясной.
Конечно, не всегда: как торопил я страстно
медлительную ночь пред светлым Рождеством!)

Одно в душе моей осталось неизменным,
и это – преданность виденьям несравненным,
молитва ясная пред чистой красотой.
Я ей не изменил, и ныне пред собой
я дверь минувшего без страха открываю
и без раскаянья бывшее призываю!

«Набоков вне сомнения был религиозным человеком, — пишет современный исследователь его поэзии Олег Федотов. — Но его отношения с Богом безоблачными не назовёшь»¹. Как человеку своего времени, рождённому в аристократической, но в то же время очень богатой семье, Набокову с детства было свойственно особое восприятие христианской традиции. Через месяц по-

¹ Федотов О. И. Поэзия Владимира Набокова-Сирина. — Ставрополь, 2010. С. 14.

сле рождения, 22 мая 1899 года Владимир Набоков был крещен в церкви Св. Спиридона епископа Тримифунтского, что на Литейном проспекте, 39, настоятелем церкви был протоиерей Константин Иванович Ветвицкий, награжденный Набоковым эпитетом «нерасторопный», он едва не дал ребенку другое имя. Дом Главного управления уделов, равно как и церкви Св. Спиридона при нем, находился на Литейном проспекте напротив нынешнего «Музея-квартиры Н. А. Некрасова», этот дом самый знаменитый дом прошений, с негодованием описанный Некрасовым в «Парадном подъезде», лицезревшим колонный подъезд с посетителями из окон своих апартаментов. Здесь многие годы служил директором департамента дед писателя, бывший министр юстиции, Дмитрий Николаевич Набоков. В церкви Св. Спиридона 2 ноября 1897 года состоялось бракосочетание Владимира Дмитриевича Набокова и Елены Ивановны Рукавишниковой. Здесь же, вслед за первенцем Владимиром, были крещены все их младшие дети. «Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе — таково было ее простое правило, — вспоминает о матери В. Набоков в автобиографии „Другие берега“. — Среди отдаленных ее предков, сибирских Рукавишниковых... были староверы, и звучало что-то твердо-сектантское в ее отталкивании от обрядов православной церкви. Евангелие она любила какой-то вдохновенной любовью, но в опоре догмы никак не нуждалась; страшная беззащитность души в вечности и отсутствие там своего угла просто не интересовали ее. Ее проникновенная и невинная вера одинаково принимала и существование вечного, и невозможность осмыслить его в условиях временного. Она верила, что единственно доступное земной душе — это ловить далеко впереди, сквозь туман и грезу жизни, проблеск чего-то настоящего».

Биограф Брайан Бойд так описывает влияние христианства на мальчика и причины того, что повлияло на набоковское отчуждение от официальной церкви: «...когда пришло время детских молитв, Набоков всегда оставался равнодушен к „христианизму“ — как он его называл — и совершенно безразличен к „организованному мистицизму, религии и церкви — любой церкви“. Поскольку среди отдалённых предков его матери были староверы, она, по мнению Набокова, испытывала „здоровую неприязнь к обрядам

православной церкви и её священнослужителям», однако столь же сильно повлияла на развитие сына и её горячая и искренняя религиозность, которая одинаково принимала и существование вечного, и невозможность осмыслить его в условиях временного». Отношение В. Д. Набокова к религии было более традиционным, и он довольно часто — особенно на Великий пост — водил детей к службе, однако не в грандиозный Исаакиевский собор неподалёку, но в очень мало кем посещаемую церковь Двенадцать Апостолов на Почтамтской улице, почти за их домом. Несмотря на всё мраморно-золочёное великолепие убранства, Владимир, которому не исполнилось ещё десяти лет, возвращаясь с отцом со службы, сказал, что ему было скучно. „Тогда можешь не ходить больше“, — услышал он в ответ»¹.

Вскоре после смерти отца в 1922 году от рук монархистов Набоков пишет два стихотворения его памяти. Известно, что именно в доме на Большой Морской, 47², в розовом особняке Набоковых, был написан проект отречения от престола для Николая Второго. Некоторые берлинские церкви отказались отпевать Владимира Дмитриевича Набокова, считая его одним из виновников гибели православной империи.

На смерть отца

Я вижу облако сияющее, крышу
 блестящую вдали, как зеркало... Я слышу,
 как дышит тень и каплет свет...
 Так как же нет тебя? Ты умер, а сегодня
 сияет влажный мир, грядет весна Господня,
 растёт, зовёт... Тебя же нет.

¹ Б. Бойд. С. 90.

² Во дворце по Большой Морской, 43 проживала княгиня Н. Ф. Ливен, особняк стал благодаря ей молитвенным домом Евангелистов. А. И. Корабель. *Via Sacra*. Святой путь. — СПб, 2012, С. 128.

Но если все ручки о чуде вновь запели,
 но если перезвон и золото капели –
 не ослепительная ложь,
 а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни»,
 великое «цвети», – тогда ты в этой песне,
 ты в этом блеске, ты живешь!..

1922 г.

Гекзаметры

Памяти В. Д. Набокова

Смерть – это утренний луч, пробужденье весеннее. Верю,
 ты, погруженный в могилу, пробужденный, свободный,
 ходишь, сияя незримо, здесь, между нами – до срока,
 спящими...

О, наклонись надо мной, сон мой подслушай –
 снятся мне слезы, снятся напевы, снятся молитвы...

Сплю я, раскинув руки, лицом обращенный к звездам:
 в сон мой втекает мерцающий свет, оттого-то прозрачны
 даже и скорби мои...

Я чую: ты ходишь так близко,
 смотришь на спящих; ветер твой нежный целует мне веки,
 что-то во сне я шепчу; наклонись надо мной и услышишь
 смутное имя одно, – что звучнее рыданий, и слаще
 песен земных, и глубже молитвы – имя отчизны.

1923

.....
 И человек навстречу мне сквозь сумерки
 идет, зовет. Я узнаю
 походку бодрую твою.
 Не изменился ты с тех пор, как умер.

1932, «Вечер на пустыре», Берлин

Набоков пишет о вере в воскресение отца, победившего смерть. Примечательно, что свидание с воскресшим в грёзах с отцом поэта Федора Годунова-Чердынцева в романе «Дар» (1937) происходит в бывшей Немецкой реформаторской кирхе с цветными стеклами, в советское время ДК работников связи на Большой Морской, 58, которая была хорошо видна из окна-фонаря спальни матери Набокова. В ноябре 1918 навсегда покинул Санкт-

Петербург, два года Набоковы провели в Крыму, где Набокову грезился Пушкин и произошли встречи его с Волошиным и композитором В. Полем, повлиявшим на христианские мистические мотивы раннего набоковского творчества, что иллюстрируется стихотворением

Тайная вечеря

Час задумчивый строгого ужина,
предсказанья измен и разлуки.
Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.

Наклонился апостол к апостолу.
У Христа – серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

1918

А также циклом «Ангелы», где каждое стихотворение посвящено одному из ангельских чинов, согласно представлениям Псевдо-Дионисия Ареопагита.

В стихотворении «Мать» 1925 года, безусловном шедевре раннего Набокова, поэт обращается к образу Богородицы и неканоническому Евангелию, оно написано через три года после смерти В. Д. Набокова.

Смеркается. Казнен. С Голгофы отвалив,
спускается толпа, вьась между олив,
подобно медленному змию;
и матери глядят, как под гору, в туман
увещающий уводит Иоанн
седую, страшную Марию.

Уложит спать ее и сам приляжет он,
и будет до утра подслушивать сквозь сон
ее рыданья и томленье.
Что, если у нее остался бы Христос
и плотничал, и пел? Что, если этих слез
не стоит наше искупленье?

Воскреснет Божий Сын, сияньем окружен;
у гроба, в третий день, виденье встретит жен,
вотще купивших ароматы;
светящуюся плоть ощупает Фома,
от веянья чудес земля сойдет с ума,
и будут многие распяты.

Мария, что тебе до бреда рыбарей!
Неосвязаемо над горестью твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда не вспрянет он на зов,
твой смуглый первенец, лепивший воробьев
на солнцепеке, в Назарете.

1925, Берлин

При выходе первых книг «Гроздь» и «Горний путь» Набоков получил прозвище «поэтического старовера» (Глеб Струве). Понятие «поэтический старовер» амбивалентно, ибо старовер — это ещё и раскольник, бунтарь, таким вот внутренним бунтарством и противостоянием времени исполнено набоковское поэтическое творчество. Здесь и установка на то, что новый мир может вырасти только на следовании традиции, который всегда обновляется, а не на беспощадном разрушении не только структуры стиха, но и миропорядка. Смерть, война, революция связаны для него с блоковской лирикой о «страшном мире» в городе болотных бесов, затаивших мщение, о чем Набоков пишет в прозе и статьях. Отчасти поэтому он дистанцируется от символистов в «Даре», словами героя отца называя их эстетизм «мордой модернизма» и подчеркнуто ставит Бунина на первое место среди поэтов. Молодой поэт осмысленно, всей эстетикой и нравственной установкой искал опоры прежде всего в Золотом веке русской поэзии, противостоя модернистскому разрушению формы и содержания. Критикам такая установка на старомодность и следование идеалам представлялась устаревшей и неспособной отразить драматические противоречия современности. Но теперь мы понимаем, что все обстояло совершенно иначе. Апокалипсис, воскресение, ностальгия по родине — основные темы набоковского поэтического творчества. Христианские мотивы у Набокова разнообразны, здесь и история становления церкви, и ссылка на неканонические еван-

гелия, и католические мотивы, тема рыцарей-крестоносцев, каллик-перехожих, прочих «сектантов» и главное ощущение мира как Божьей тайны. Поэтические образы были идеями, которые впоследствии разворачивались в его прозе, как русской, так и американской, уходя глубоко в подтекст и ассоциативную образность, и тем не менее, даже скандальная «Лолита» написана по традиционной схеме преступления и наказания, Суда свыше и личной ответственности за деяние.

В 1941 году, спустя год после своего приезда в США из Европы, Владимир Набоков стал преподавать сначала литературоведение, а потом и русский язык в одном из самых престижных колледжей в США. Основанный в 1875 году Уэллсли колледж и по сей день остается одним из самых знаменитых и престижных женских баптистских колледжей Америки. Среди выпускниц Уэллсли нынешний госсекретарь США Хиллари Клинтон и бывший госсекретарь Мадлен Олбрайт.

В романе «Дар» один из потомков революционного демократа Чернышевского, пропагандировавшего социалистические идеи всеобщего благоденствия вне Церкви Христовой, бормочет в безумии: «Одно усилие — и все пойму. Искание Бога: тоска всякого пса по хозяину; дайте мне начальника, и я поклонюсь ему в огромные ноги. Все это земное. Отец, директор гимназии, ректор, хозяин предприятия, царь, Бог». Сам Набоков никогда не опровергал Царства Божия, но отзывался о Нем как о таинстве, которое не терпит праздных слов. В письме к матери 1925 года он признавался: «Мы же, переводчики Божьих творений, маленькие плагиаторы и подражатели его, иногда, быть может, украшаем Богом написанное; как бывает, что очаровательный комментатор придаёт ещё больше прелести строке гения»¹.

Каждое произведение Набокова — это акт духовного воскресения из забвения эмигрантского изгнания, молитва о воскрешении русской речи, как названо одно из его стихотворений:

Тебе, живой, тебе, моей прекрасной,
вся жизнь моя, огонь несметных свеч.
Ты станешь вновь, как воды, полногласной,
и чистой, как на солнце меч,
и величавой, как волнение нивы.
Так молится ремесленник ревнивый
и рыцарь твой, родная речь.

1924, «Молитва»

Христианская тема у Набокова — это сплав личного отношения к Богу и пласта мировой культуры. Христианские аллюзии в творчестве других поэтов являются для Набокова основой для диалога и полемики с ними, его творчество предельно диалогично с образами и идеями всей мировой культуры, а также с его литературным окружением, с современниками-эмигрантами. Полемика с поэтами так называемой «парижской ноты», где преобладали упрощенные идеи Гиппиус и Мережковского, а также более молодых Г. Иванова и критика Г. Адамовича, постоянно увлекали Набокова на несогласие и литературную борьбу. Набоков утверждал светлое, созидательное пушкинское начало в противовес постдекадескому минимализму и упадничеству молодых поэтов эмиграции, «Распаду атома» (Г. Иванов) личности и духа. Идеалом поэта для него был Бунин, а из поэтов, более близких по возрасту — Владислав Ходасевич, наследовавший «Тяжёлую лиру» Золотого века русской поэзии. Стихотворение В. Ходасевича «Путём зерна» (1917), являющееся развёрнутым парафразом Евангельских строк, заканчивается строками:

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна,

Вспоминается нами, когда мы читаем строки стихотворения Набокова «Поэты» (1939), оно посвящено всей русской поэзии в один их самых страшных для неё периодов истории, где поэт верит в возрождение великой христианской традиции русской поэзии:

Сейчас переходим с порога мирского
в ту область... как хочешь ее назови:
пустыня ли, смерть, отрешенье от слова,
иль, может быть, проще: молчанье любви.

¹ Б. Бойд. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. — СПб., 2001, С. 288.

Молчанье далекой дороги тележной,
 где в пене цветов колея не видна,
 молчанье отчизны – любви безнадежной –
 молчанье зарницы, молчанье зерна.

1939, Париж

Набоковская чистота и ясность в восприятии Божьего мира,
 его великолепных узорчатых подробностей, отражена в цикле

Об ангелах

1.

Неземной рассвет блеском облил...
 Миры прикатили: распрягай!
 Подняты огненные оглобли.
 Ангелы. Балаган. Рай.

Вспомни: гиганты промахивают попарно,
 торгуют безднами. Алый пар
 от крыльев валит. И лучезарно
 кипит божественный базар.

И в этом странствуя сиянье,
 там я купил – за песнь одну –
 женскую душу и в придачу нанял
 самую дорогую весну.

2.

Представь: мы его встречаем
 вон там, где в лисичках пень,
 и был он необычаен,
 как радуга в зимний день.

Он хвойную занозу
 из пятки босой тащил.
 Сквозили снега и розы
 праздно склоненных крыл.

Наш лес, где была черника
 и телесного цвета грибы,
 вдруг пронзен был дивным криком
 золотой, неземной трубы.

И он нас увидел; замер,
 оглянул людей, лес
 испуганными глазами
 и, вспыхнув крылом, исчез.

Мы вернулись домой с сырыми
 грибами в узелке
 и с рассказом о серафиме,
 встреченном в сосняке.

1924

И в подробном стихотворении «Пир», где в облике «Хозяина»
 видится Спаситель, это не Тайная вечеря предошущения казни, а
 пиршество духа и вечной жизни:

Пир

Так лучезарна жизнь, и радостей так много.
 От неба звездного чуть слышный веет звон:
 бесчисленных гостей полны чертоги Бога,
 в один из них я приглашен.

Как нищий, я пришел, но дали мне у двери
 одежды светлые, и распахнулся мир:
 со стен расписанных глядят цветы и звери,
 и звучен многолюдный пир.

Сижу я и дивлюсь... По временам бесшумно
 дверь открывается в мерцающую тьму.
 Порою хмурится сосед мой неразумный,
 а я – я радуюсь всему:

и смоквам розовым, и сморщенным орехам,
 и чаще бражистой, и дани желтых пчел;
 и часто на меня со светлым, тихим смехом
 хозяин смотрит через стол.

22 мая 1921

В фигуре лыжника он прозревает полёт Христа, возвращаю-
 щегося в зимний Петербург его детства:

Люблю я встать над бездной снежной,
потуже затянуть ремни...
Бери меня, наклон разбежный,
и в дивной пустоте – распни.

Увижу инистый Исакий,
огни мохнатые на льду,
и, вольно прозвенев во мраке,
как жаворонок, упаду.

«Лыжный прыжок», 1926

«Тронь, воскреси — её... мою!..» — призывает Набоков Творца, и этот жаркий призыв к духовному воскресению России и её литературы, наследующей и преображающей христианскую традицию мировой словесности, не может быть не услышан читателем.

Анатолий Корабель

Епископ Евангельских и Баптистских Церквей
Новгородской области, магистр Богословия

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Уважаемые дамы и господа, братья и сестры, друзья я не стану сегодня рассказывать вам о разных переводах Священного Писания. Моя задача познакомить вас с известным нам сегодня Синодальным переводом Библии на русский язык и напечатанным в 1876 году.

Прежде всего, нужно отметить, что вплоть до возникновения протестантизма традиции читать библейский текст подряд — от Книги Бытия до Откровения — не было. Широкое распространение получили Псалтырь и некоторые книги Нового Завета. А фрагменты остальных книг читались во время богослужения и пересказывались во время проповедей. До изобретения книгопечатания и появления дешевой бумаги не было возможности сделать книгу такого объема массовой. Чтобы изготовить экземпляр рукописной Библии, требовались «стадо» бычков (из шкур которых изготавливали пергамент и далее книги), множество писцов и времени.

Итак, превращением Библии в бестселлер, то есть в самую тиражируемую и самую читаемую книгу на планете, мы обязаны протестантизму. Именно протестанты включили ежедневное чтение Писания в список обязанностей христианина. А после того как развитие технологий превратило книгу в сравнительно недорогую массовую продукцию, возникла идея распространить Библию по всему миру и перевести ее на почти все существующие языки.

Санкт-Петербург уже давно отпраздновал свое трехсотлетие. Петр, дав название городу Санкт-Петербург, имел в виду святого апостола Петра, а не себя лично. Но и сам царь был удивительной личностью. Недаром его нарекли Петром Великим. Величие императора было в том, что он желал подлинного преобразова-

ния России. Он предвидел, что для повышения культурного, интеллектуального и духовного уровня русского народа ему необходимо проповедовать Библию, которую тот способен будет прочесть и понять. За этим и ходил русский царь в Немецкую слободу¹, где он слушал и поучался у протестантских пасторов-проповедников. Новгородцам будет особенно интересно вспомнить, что обратил внимание Петра на «необходимость улучшения текста Библии», чтобы привести Библию в соответствующий порядок и сделать более доступной для чтения, Новгородский митрополит Иов. И тогда Петр, указом от 14 ноября 1712 года, повелел сделать ревизию текста путем сличения его с Септуагинтой и Вульгатой, причем для исправления Ветхого Завета за основу надлежало брать Септуагинту. Работа эта была выполнена, и выполнена успешно, но, к сожалению, со смертью Петра подготовка к изданию прекратилась². Елизавета, а впоследствии Екатерина II, частично обращали внимание на этот труд. Но только когда к власти пришел Александр I, мистик по натуре, работа в этом направлении возобновилась.

В 1812 году, спустя 100 лет после указа Петра, Александр I разрешил князю Александру Николаевичу Голицыну открыть в Петербурге русский филиал Британского Библейского общества. Высочайшим указом от 4 сентября 1814 года Санкт-Петербургскому библейскому обществу повелено было именоваться Российским Библейским Обществом³.

Созданию общества предшествовали события 1805–1815 годов, которые всколыхнули христианский мир Европы. Стремительное восхождение Наполеона и его ужасное падение произошли на глазах одного поколения, которое в немом изумлении следило

¹ Немецкая слобода в Москве насчитывала более 200 тыс. человек. Протестантам предоставлялась здесь религиозная свобода и право строить свои церкви. Путешествующий по России иностранец де ла Невилль отмечал, что «ни одно из вероисповеданий за исключением католического, не находит себе в Московии запрещения». Во второй половине XVI в. в Немецкой слободе уже имелось три иноземные церкви — две лютеранские и одна реформатская. Реформатская община называлась голландской и возглавлялась пастором И. Кравинкелем. Разрешение царя на постройку кирхи давалось в каждом отдельном случае и не могло быть возведено в правило.

² История русской церкви. Т. 8(2). М., 1997. С. 6–7.

³ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. М., 1997. С. 19.

за событиями и уже при первых успешных завоеваниях принялось осмысливать происходящее. Многие христиане, и особенно в пиетических кругах Запада, называли Наполеона апокалипсическим «Зверем из бездны». После разгрома армии Бонапарта русского императора Александра I стали называть «белым ангелом». К этому присовокупили толкования немецких богословов Бенгеля (1687–752) и пиетиста Юнга Штиллинга (1740–1817) о времени наступления тысячелетнего царства и второго пришествия Христа за Церковь.

Российское Библейское общество

После разрешения, данного императором Александром I, «11 января 1813 года состоялось в доме князя Голицына (Фонтанка, 20 напротив Михайловского замка, — прим. автора) первое собрание для открытия Общества и избрания комитета. В этом собрании участвовало много высокопоставленных лиц, несколько протестантских пасторов, римско-католический митрополит и православные иерархи: митрополит Новгородский и С.-Петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископ Минский и Литовский Серафим¹, а также духовник императора Александра I Криницкий и ректор Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов, впоследствии митрополит Московский). Но первоначально русские иерархи не входили в состав комитета. В избранный на этом собрании комитет вошли следующие лица: президент — главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий — князь А. Н. Голицын; вице-президенты — граф В. П. Кочубей, министр народного просвещения — граф А. К. Разумовский, О. П. Козодавлев — министр внутренних дел, сенаторы М. И. Донауров и К. И. Габлиц и обер-гофмейстер Р. А. Кошелев; директора — генерал-суперинтендент Рейнбот, пастор англиканской церкви Питт, обер-прокурор кн. П. С. Мещерский, гр. К. А. Ливен, барон Б. И. Фитингоф, И. И. Фус, Н. Д. Жуковский, С. С. Джунковский, А. А. Ленивец и С. С. Уваров; секретари — В. М. Попов и А. И. Тургенев и казначей — Я. И. Шмит»,

¹ Лаголевский, впоследствии митрополит С.-Петербургский.

позже М. М. Сперанский и граф М. А. Милорадович¹. По воспоминаниям Н. А. Астафьева, «в 11 часов, в обширных палатах князя собралось около сорока приглашенных значительных лиц, между коими были министры, сенаторы, члены св. синода...»².

Во время завтрака «престарелый митрополит Амвросий, приблизясь к Патерсону (пастору), бывшему тут же, сказал: «Вы могли думать, что прибыли в Россию в весьма неблагоприятное время, но уверяю вас, что вы прибыли как раз вовремя. У нас есть поговорка: гром не грянет, мужик не перекрестится. Ну, гром грянул над Россией, он смягчил сердца всех, заставил нас одуматься, и вы теперь пожинаете плод этого смутного времени»³.

Первоначальной задачей Общества было издание книг Ветхого и Нового Заветов на языках неправославных жителей Российской Империи. Затем в его уставе были сделаны изменения, и новая редакция звучала так: «общество старается снабжать всякое христианское вероисповедание Библиями...»⁴ Император Александр I вступил в Общество на правах соучредителя. И был одним из его попечителей, периодически внося солидные взносы. В январе 1813 года Библейское общество было преобразовано в Российское, перестав быть филиалом Британского. И наконец в 1814 г. С.-Петербургское общество по высочайшему повелению от 4 сентября стало называться Российским Библейским обществом. Ввиду устранения всяких конфессиональных несогласий и споров при издании и распространении книг Священного Писания было принято печатать Библию «без всяких примечаний и пояснений».

Следующий 1815 год открывает новую страницу в истории Общества: явилась возможность осуществить заветную мечту его основателей о русском переводе Библии. «По словам отчета за этот год, дело происходило таким образом. Когда император в конце 1815 г. возвратился в столицу, президент Общества под-

нес ему от имени комитета по экземпляру каждого из напечатанных Обществом изданий Священного Писания на разных языках. Император выразил свое благоволение к деятельности Общества и затем «по собственному движению сердца своего... повелел президенту Российского Библейского общества, чтобы он предложил Синоду искреннее желание его величества доставить и россиянам способ читать слово Божье на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги Священного Писания у нас издаются»¹. Синод своим решением поручил комиссии выбрать в Петербургской духовной академии людей, дабы возложить на них этот перевод. Появление первого русского перевода Священного Писания встречено было с энтузиазмом и мирянами, и священнослужителями. К 1818 г. Четвероевангелие было уже напечатано в количестве 10 000 экземпляров. «Всеобщее выражение сочувствия лицами всех сословий, состояний, общественных положений, степеней образования, отовсюду шедшая благодарность за доставление способов читать слово Божие на понятном языке, восторженные отзывы о переводах Библии на русский язык со стороны духовенства и мирян — все это показывало ясно, что Российское Библейское общество удовлетворяло существеннейшей нужде народа и приносило пользу ощутительную. Тем не менее с самого начала раздавались голоса, выражавшие сомнение в приносимой им пользе и даже совершенно ее отрицавшие. Против распространения Библии и перевода ее на русский язык говорили немногие, и говорили не потому, чтобы находили это противным церковному учению или считали вредным, но потому, что не могли вдруг освоиться с мыслью о повсеместном чтении Библии»².

Император Николай I по вступлении своем на престол издал указ от 12 апреля 1826 г., в котором повелел прекратить все действия Общества без исключения, равно как и действия Библейского со всеми его отделениями. Надежда на дальнейшее существование Библейского общества в России была потеряна.

¹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. 1876. Т. 6. С. 696 // Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

² Читай: Астафьев Н. А. «Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами». Adamant Media Corporation. 2001. С. 136–137.

³ Там же.

⁴ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. 1876. Т. 6. С. 696 // Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб. 1899.

¹ Чистович И. А. Указ соч. С. 25

² Там же. С. 46–50.

Скорбное недоумение в связи с упразднением Общества можно выразить словами очевидца, известного архиепископа Херсонского Иннокентия: «Библейское общество было в России. Почему? Потому что оно казалось делом добрым и полезным. Кому казалось таким? Александру Благословенному, всем лучшим людям того времени, самым тем, кои впоследствии сделались его противниками и уничтожителями. Ужели все ошибались, столько лет признавая его полезным и содействуя ему? И однако же это общество закрыто и уничтожено. Почему? Потому что признано не только бесполезным, но и вредным для России. На чем же основано это заключение? Теперь этого никто сказать не может. Падение его было глухо, совершалось впотьмах. Доказательств, документов на вред никаких не предъявлено. Случай, или лучше сказать провидение, сохранило для нас записки одного лица, которое было во главе действователей, и смело, но истинно можно сказать — клеветников на это христианское учреждение. Что же мы видим из них? Что все нападки на общество были следствием не убеждения, хотя бы ошибочного, а личностей и интриг»¹.

Московский иерарх: «Думаю, что восстание против А. Н. Голицына в 1824 году и против Библейского общества и перевода священных книг, — с горечью вспоминал в 1857 году митрополит Филарет (Дроздов), — образовали люди, водимые личными выгодами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только преувеличенные подозрения, но и выдумывали, и клеветали»².

Пройдет сто лет и председатель Комитета по научному изданию Библии, профессор Евсеев И. Е. скажет: «Закрытие Библейского общества нельзя не признать прискорбной исторической ошибкой в истории нашего духовного просвещения. Для

¹ Большая Российская энциклопедия. М. 1993. С. 229 // Третья книга Погодинского альманаха «Утро» 1855.

² Брокгауз и Ефрон. 1876. Статья «Василий Михайлович Дроздов».

дела же перевода Библии это закрытие было особенно печально. На долгие годы сама мысль о (предложенном) переводе была невозможной»¹.

Известный исследователь этой истории считал, что «Российское Библейское Общество было прекрасным учреждением по той задаче, которую оно себе предназначало. Возбуждение во всех классах общества склонности к чтению Слова Божия и удовлетворение этой склонности распространением священных книг в изданиях, доступных даже беднейшим классам, и переводом их на живые языки и наречия, особенно на русский язык, сами по себе составляют предмет, достойный всякого уважения. Переводы священного писания на живые языки повсюду были признаком обновляющейся духовной жизни народов»².

По прошествии почти 200 лет, можно по-разному оценивать и осмысливать работу Библейского общества, но верующие люди российского государства должны быть благодарны Богу за русскую Библию, которая оставлена для нас, чтобы мы исследовали Писания. «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне», — сказал Христос (Ин. 5,39).

Хотя издание русской Библии было прекращено, однако перевод её, благодаря усердию профессора Павского и архимандрита Макария, неофициально продолжился. Последующие тридцать лет (1826–1856) не стали благоприятными для возрождения в России Библейского общества, так как к самой идее перевода книг Священного Писания на современный русский язык относились тогда враждебно, но и не были бесплодны. В 1828 году Шишкова в должности министра просвещения заменил князь Карл Андреевич Ливен, видный и влиятельный деятель бывшего Библейского общества от самого его основания. В 1832 году Ливен стал во главе возобновленного немецкого Библейского общества. Князь Ливен

¹ Евсеев И. Е. Проф. Столетняя годовщина русского перевода Библии (1816–1916). Речь, произнесённая 31 января в актовом зале Императорской Петроградской духовной академии, на годовом собрании Комиссии по научному изданию славянской Библии, посвящённом памяти столетия со дня начала русского синодального перевода Библии. Синодальная типография. Петроград. 1916. С. 15.

² Чистович И. А. Указ соч. С. 109.

принадлежал к моравским братьям¹. «„Случалось, что присланный откуда-нибудь чиновник с важным поручением, застанет его в зале, громко распеваящим псалмы перед аналоем. Он обернется к нему, выслушает его, но, не отвечая ему, продолжает свою литургию“ (Вигель). Конечно, князь Ливен был немец и протестант, и восстановлено было немецкое Библейское общество. Но ведь министерством он был призван управлять всероссийским...»² — сетовал Георгий Флоровский. Распространение Священного Писания на языках иностранных среди лиц инославных исповеданий не встречало препятствий. Этим и объясняется открытие в 1831 г. Библейского Общества специально для протестантов. В губерниях с преобладающим протестантским населением отделения Общества хотя официально и были закрыты, однако — де-факто — на самом деле никогда не прекращали своей деятельности. Стараниями министра народного просвещения князя К. А. Ливена, бывшего вице-президента Российского Библейского общества 2 марта 1831 г. был утвержден устав Библейского общества для протестантов, которое называлось «Евангелическое библейское общество в России». В своей организации Евангелическое общество вполне следовало Российскому. Имело чрезвычайно обширный район деятельности, который кроме губерний великороссийских, распространялось на Сибирь и Кавказ с отдаленнейшими их окраинами снабжало книгами Священного Писания и ссыльных. Действовало между латышами, для которых самостоятельно издавало книги Священного Писания, а также между меннонитами³.

¹ Моравская церковь — деноминация, образованная последователями гуситского движения. Официальное историческое название церкви — «Братское единение» (Unitas Fratrum), однако в результате своей обширной миссионерской деятельности стала более известна как Моравская церковь. Также известна под названием «Моравские (Чешские) братья». Тем не менее название Моравская церковь распространяется не на все общины «Чешских братьев», а лишь на те из них, возникновение которых связано с гернгутерами. В связи с тем, что доктринальные позиции Моравской церкви нередко совпадают с лютеранским вероучением и близки к евангельским деноминациям, Моравскую церковь обычно относят к протестантизму.

² Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж. 1937. С. 166.

³ Брокгауз и Ефрон. 1876. Т. 6.

«В 1907 году Британское и Русское Библейские общества получили специальное разрешение от Священного Синода для печатания достаточно большого количества Библий без апокрифов»¹.

Благодаря Обществу, книги Священного Писания распространялись на всех языках, на которых говорили протестанты в России.

Русская Библия

Архимандрит Макарий Глухарев писал: «Русский народ достоин иметь полную Библию на русском языке: „неужели Слово Божье в облачениях славянской буквы перестает быть Словом Божиим в одеянии российского наречия?“». В личном деле Макария записано буквально следующее: «В конце 1841 и в начале 1842 года проходил... по определению синодальному, при доме епископа томского, сорокадневную очистительную епитимию по случаю представления правительству мыслей и желаний своих в рассуждении полной Библии на русском языке в переводе с оригиналов»².

Н. А. Астафьев в своей книге «Опыт истории Библии в России» писал, что «Самым ревностным поборником перевода Библии на русский язык был митрополит Московский Филарет»³. В 1856 году, когда архиереи собрались в Москве по случаю коронации Александра II, Митрополит Филарет (Дроздов) использовал этот случай, чтобы убедить их в важности русского перевода Библии. В результате новый император передал вопрос на решение Синода, который в 1858 г. объявил, что полный русский перевод Библии — необходимое и полезное дело. Но только в 1867 году, после долгих перипетий, Синод приступил к изданию полной Библии и благополучно закончил его в 1876 году. В начале 1877 года во многих газетах был опубликован указ Императора Александра II Синоду следующего содержания: «Высочайший Рескрипт Всероссийскому Св. Синоду. В 1856 году, когда я возложил на свою голову корону отца моего, Св. Синод обсуждал вопрос, как бы лучше и больше распространять Слово Божие среди православного русско-

¹ Проханов И. С. В котле России. Автобиография. 1992. С. 160.

² История Русской Церкви. М., 1997. Т. 8 (2). С. 12.

³ Астафьев Н. А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. Adamant Media Corporation. 2001. С. 183.

го народа. Синод признал необходимым перевести книги Святого Писания на русский язык. Заканчивая теперь этот долгий труд и предвидя те духовные благословения, какие приобретет паства государственной церкви, я считаю своим долгом выразить мою самую сердечную благодарность Св. Синоду, который завершил этот великий труд. Я молю Всевышнего, чтобы Он содействовал через Свое Слово вере русского православного народа и его благочестию, на чем покоится истинное счастье и благополучие народа. Санкт-Петербург, 27 марта 1877 года»¹. Поэтому особым и благословенным для истории русской церкви и русской культуры является 1876 год.

При переводе канонических книг за основу брался еврейский подлинник, а для неканонических — греческий и латинский. «В истории этой длительной борьбы за русский текст Священного Писания почетное место занимает Московский митрополит Филарет Дроздов. Без его деятельного участия народу, быть может, пришлось бы еще долго дожидаться русского перевода»². Таким образом, «русский народ, издревле расположенный к чтению книг духовно-учительного и священно-исторического содержания, и, можно сказать, воспитавшийся на этой литературе, имел счастье, доставшееся в удел не всем христианским народам, получить священные книги на родном и понятном ему языке...»³

Перевод протоиерея Герасима Петровича Павского

Имя Г. П. Павского (1787–1859) можно уверенно поставить среди самых выдающихся представителей как церковной, так и светской учености первой половины XIX столетия. Весь его послужной список свидетельствует о нем как о человеке неординарных дарований. Он был первым в разрядном списке выпускников первого набора Санкт-Петербургской Духовной Академии (1809–1814 гг.); профессор Академии по классу еврейского языка, доктор богословия и основатель школы русской габраистики; профессор Санкт-

¹ *Граф Корф М. М.* Воспоминания о начале Евангельского движения в России в 1874–1884 годах. Перевел Пуке А. М. «Сеятель Истины» за 1938 год, № 10.

² Там же. С. 13.

³ *Чистович И. А.* Указ соч. С. 1.

Петербургского Университета по кафедре богословия; один из директоров РБО, член Переводного Комитета, переводчик и редактор русского перевода Библии; законоучитель Наследника престола, будущего императора Александра II; действительный член Императорской Академии Наук; лауреат научных премий и кавалер ряда орденов Российской империи...¹

Особой заслугой Павского можно признать его деятельность по переводу Священного Писания на русский язык. Среди изданных Библейским Обществом переводов непосредственно ему принадлежат переводы Евангелия от Матфея и Псалтири. После возведения Филарета (Дроздова) в 1817 г. в святительский сан и удаления на кафедру в 1819 г. Павский становится основным редактором перевода. Его роль в осуществлении перевода ветхозаветной части Библии нужно признать ведущей. В своих воспоминаниях он отзывался о себе как о переводчике всех осуществленных в рамках проекта РБО переводов Ветхого Завета. Это высказывание, по всей видимости, нужно рассматривать в связи со значительным объемом вносимых им редакторских корректур, что позволило Павскому заявить о себе как о переводчике.

Переводческая работа Г. Павского над текстом Свящ. Писания не ограничивалась участием в проекте РБО и не закончилась с его прикрытием. Перевод был неизменной частью его учебных занятий со студентами по классу еврейского языка и домашних проработок. Учебный, можно сказать, рабочий характер этих переводов очевиден. Они включали исторический и экзегетический комментарий, могли предполагать свое, особое построение текста. С этими переводами Павского было связано и отдельное синодальное расследование, которое наглядно демонстрирует официальную позицию того времени в отношении русских переводов.

¹ Читай: (статья из Русского Биографического Словаря А. А. Половцова) СПб. 1902. С. 103–109.

События разворачивались в следующей последовательности. «В конце 1841 года, член Святейшего Синода, киевский митрополит Филарет получил в С.-Петербурге письмо, присланное из Владимира, без подписи имени писавшего¹, следующего содержания:

«Св. апостол Иуда умоляет христиан подвизаться за веру, однажды преданную святым. Апостол Павел заповедует обличать дела тьмы. Сам Господь повелевает объявлять церкви о том, кто вводит в соблазн других. Слыша сии уроки, верующий христианин не может оставаться спокойным, когда пред его очами превращают истину Божию во ложь, вечную премудрость в буйство человеческое».

«Недавно вышел в Петербурге литографированный русский перевод учительных и пророческих книг ветхозаветного канона (исключая псалмов). Перевод показывает, что над ним трудился человек, сведущий в еврейском языке и способный владеть русским словом. Для христианина слово Божие есть семя духовной жизни, хлеб питающий и укрепляющий его на утомительном пути сей жизни, вода, утоляющая жажду его в пустыни сего мира. Он ищет того же в переводе и с плачем отходит, находя в нем не глаголы Бога живого и истинного, но злоречие древнего змия, извратившего первую заповедь Божию и низвергнувшего все человечество в бездну вечного отчуждения от лица Божия»².

Киевский митр. Филарет, в это время уже противник русского перевода, известил о доносе обер-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова (1836–1855 гг.). Так было положено начало синодальному разбирательству о «сем нечестивом творении». Св. Синодом назначается ряд следственных комиссий по ведению данного дела. Первую такую комиссию возглавили Филарет Московский и Филарет Киевский. Результаты расследования быстро показали, что переводчиком был Павский, учебные переводы которого по классу еврейского языка способом литографии

размножили студенты XIII (1835–1839 гг.) и XIV (1837–1841 гг.) курсов Санкт-Петербургской Духовной Академии. Литографии получили достаточно широкое распространение и за пределами столицы, дойдя и до Московской Академии. Интерес к ним был большой и, безусловно, выходящий за прагматические рамки учебных задач. Он, очевидно, свидетельствует о живой потребности Слова Божьего, желании прикоснуться к источнику Откровения и на понятном, и на родном языке. Варианты перевода оказались на руках не только у студенчества, но и у духовенства, и даже у некоторых архиереев. Примечательно, что Павского не стали обвинять по самому факту перевода. Действительно, прямого официально запрета на русский перевод после закрытия РБО не последовало. Скорее пытались замалчивать саму тему перевода. В вину вменили отход от церковной традиции в понимании основных пророчеств Ветхого Завета, искажение основных христианских истин, посягательство на церковные традиции и устои. Три раза письменно были сняты показания с Павского. Одна комиссия сменяла другую. Дело завершилось только в 1844 г. «келейным испытанием искренности раскаяния прот. Павского», которое исполнил епископ Полтавский Гедеон (Вишневский). Павского оставили в покое (и на покое), хотя разбирательство могло грозить ему самыми серьезными последствиями, именно ссылкой в монастырь.

В состав литографированного перевода протоиерея Г. Павского входили следующие библейские книги: Иова, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, 12 малых пророков. Перевод был сделан строго с еврейского, масоретского, текста. В данном случае последовательно проведена позиция Павского о переводе ветхозаветных книг. Он был решительным сторонником «чистого» перевода с еврейского текста. Концепция перевода РБО была несколько иной. Она исходила из осторожной позиции свят. Филарета (Дроздова), стремившейся сгладить неизбежный при обращении к еврейскому тексту разрыв русского перевода со славянской Библией. Для него текстовая эклектика в переводе была принципиально неприемлема. «Это ни то, ни се, — высказывался Павский, — ни еврейская, ни

¹ Автором этого письма был бакалавр московской академии иеромонах Агафангел, позже епископ вятский, затем архиепископ волинский. Сушкова. Записки о жизни м. Филарета, стр. 89. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. 1869 г. кн. 4, смесь, стр. 184.

² Чистович И. А. Указ соч. С. 136.

греческая Библия». Но если при работе в РБО Павский был вынужден следовать официальной позиции, в своих домашних и учебных переводах он полностью оставался верен своим убеждениям¹.

Труд Павского стал первым опытом большой и длительной работы над русской Библией и, не умаляя роли других делателей на этой ниве, нужно признать его уникальность.

Остается только присоединиться к высокой оценке, которую дает труду Павского И. А. Чистович: «Как ни печально кончилось дело о переводе Библии протоиерея Г. П. Павского; но во всяком случае этому переводу нельзя отказать в большом значении. Не говоря о принципе, самый факт перевода заслуживает полного внимания, потому что имеет за собою историческое значение. Это был первый опыт перевода священных книг ветхого завета на русский язык, сделанный ученым, владевшим в превосходной степени знанием еврейского и русского языков. Ни до него, ни после него не было ученого, профессора, так счастливо и в такой мере соединявшего знание еврейского языка с знанием языка отечественного. Последующие переводчики, так или иначе, больше или меньше, опирались на его труд, и мы не знаем, чтобы кто-нибудь из них отказал ему в существенных достоинствах. С возобновлением перевода Библии в настоящее царствование, дело это в духовных академиях пошло довольно быстро. Мы не желаем умалить заслуг почтенных ученых, потрудившихся на этом поприще; но, кажется, не сделаем несправедливости, если скажем, что помощь, оказанная им существовавшим уже переводом Павского, была незначительна. Они повели дело дальше, исправляли то, что находили у него неточного или неверного: но во всяком случае имели уже перед глазами перевод, облегчавший для них ход дела. Таким образом перевод Г. П. Павского имеет, как мы сказали, историческое значение. <... > Это — исторический памятник, который для науки никогда не потеряет своей цены, как произведение русского ученого, приобретшего знаменитое имя, и как первый опыт перевода ветхозаветных книг с еврейского языка на русский»².

¹ Читай: Чистович И. А. Указ соч. С. 153.

² Чистович И. А. Указ соч. С. 206–207.

Архимандрит Макарий

Михаил Яковлевич Глухарев, архим. (1792–1847), русский православный подвижник, миссионер, переводчик Библии. Родился в семье священника в г. Вязьме, Смоленской губ. Начальную школу прошел в доме отца, образованного и доброго пастыря. Архимандрит Русской православной церкви, который предпринял одну из первых попыток перевода Библии на русский язык. «Один из самых замечательных людей той эпохи», — как отзывался о нем Г. Флоровский¹.

Первоначальное образование получил в Вяземском духовном училище (1800–1803) и в Смоленской духовной семинарии, где учился с 1803 по 1813 год, с перерывом в 1812 году, связанном с нашествием Наполеона. Обладал редкими способностями к языкам. Закончил курс академии 10-м магистром; особо выделялись его письменные работы. Здесь наставником его на всю жизнь стал ректор академии Филарет (Дроздов)². Макария с ранних лет отличала глубокая вера и преданность Божьей воле. Он сделал Христа центром всей своей жизни и целью упований. Он не считал Христову истину заключенной в рамки православного учения и мечтал об объединении всех христиан в одно религиозное общество.

Как свидетельствует о нем Г. Флоровский: «В академии Глухарев был под всецелым влиянием Филарета, — “отдал свою волю ректору Филарету, ничего не делал и не начинал без его совета и благословения, и почти ежедневно исповедовал ему свои помыслы”. Эта духовная связь между наставником и учеником осталась навсегда. Глухарев был человек исключительной впечатлительности, но всецело обращенный вовнутрь, действовать в обыденной обстановке ему было трудно. В академии он много читал мистических книг, Арндта больше всего, — из них усвоил учение о возрождении и обновлении внутреннего человека, озаряемого от Святого Духа. Был однажды и у Татариновой, но, испуганный, бежал...»

¹ Флоровский Г. Указ соч. С. 187.

² Мысли преподобного Макария, 2008, С. 36–38.

По окончании курса в 1817 году, будучи еще юношей, М.Я. Глухарёв был назначен инспектором и профессором церковной истории и немецкого языка в духовную семинарию Екатеринослава. В этом же году он назначается ректором Екатеринославских уездного и приходского училищ. Здесь, в Екатеринославе, он был пострижен в монашество; постриг совершил архиепископ Екатеринославский Иов (Потёмкин) 24 июня 1818 года. На следующий день инок, нареченный Макарием, был рукоположен в сан иеродиакона, а ещё через три дня — в иеромонахи.

«К иным исповеданиям он всегда относился с пытливым благожелательством. В Екатеринославе Макарий молился с “духовными христианами” (молоканами), и нашел, что свет Божия озарения сияет и в их теплой вере. Квакеры, путешествовавшие по России в 1819 году, Грелье и Аллен, посетили его в Екатеринославе, с вводным письмом от Филарета, и нашли с ним много общего, душевную близость. Впоследствии Макарий мечтал построить в Москве храм с тремя отделами — для православных, католиков и лютеран...»¹

Вот, что об этом говорят сами квакеры: «19 июля. Вечером мы отправились к Макарию, к которому у нас было письмо от Филарета. Это — ректор здешней семинарии; мы застали его в келии, которая отличается совершенною простотою. Макарий — человек весьма смиренный и с глубоким религиозным чувством; он раскрыл перед нами свое сердце и беседовал с нами о внутренних движениях своей религиозной жизни и о пути, каким угодно было Святому Духу вести его, — пути, неизвестном и малопонятном для окружающих его лиц. Макарий очень тяготится многочисленностью внешних обрядов, сопровождающих богослужение греческой церкви, и преувеличенным почитанием икон. Его понятия о крещении и причащении, кажется, весьма близки к нашим. Он рассказал нам, что у него сначала было обыкновение готовить свои проповеди тщательно и усердно; но раз на кафедре ему самому казалось, что он говорит сухо и безжизненно, что язык отказывается продолжать, и он принужден был остановиться. С тех пор, выходя на кафедру, он возлагает все свое упование на Бога

¹ Флоровский Г. Указ соч. С. 188.

и говорит проповеди без приготовления. Мы совершили вместе с ним безмолвную молитву, и видно было, что это духовное упражнение не чуждо душе достлюбезного Макария». <...> 21 июля 1819 года после торжественного молитвенного собрания у молоткан «Макарий воскликнул, проливая обильные слезы: „В каком состоянии мрака и невежества находился я доныне! Я прежде думал, что я один только в этих местах, шествую во свете Господнем и чувствую в себе влияние Святого Духа так, что могу поклоняться в духе и истине; но все это было самолюбивым ослеплением; я не знал, что свет Божественного озарения сияет подле меня среди этих людей, бедных и незнатных в глазах мира, но богатых теплою верою своею в Господа Иисуса Христа“»¹.

По этому делу ректор Никифор, организовавший за о. Макарием слежку, устроил донос. Письмоводитель, посланный подсматривать за о. Макарием, донес, что «о. Макарий молится с посетителями». Преосвященный Иов был в ярости и грозился даже отлучить о. Макария от Церкви.

В 1821 году Макарий был возведён в сан архимандрита. Не желая мириться с семинарскими порядками и чувствуя сильное недомогание, в 1826 году Макарий ушёл на покой. Он поселился в Глинской пустыни, где занялся переводами православных подвижников, а также западных авторов, к примеру книги Терезы Авильской (Испанской). В 1829 году Макарий откликнулся на призыв Свят. Синода, искавшего работников для миссионерской проповеди в Сибири. Почти 20 лет Макарий проповедовал среди язычников-алтайцев, изучил их язык, овладел медицинскими и сельскохозяйственными знаниями, чтобы помочь местным жителям преобразовать их быт. За это время он крестил около 600 алтайцев и завоевал их любовь и преданность. «В частной своей жизни, — пишет его биограф, — Макарий до кончины остался... строгим аскетом и кабинетным тружеником. Спал он очень мало, да и то на пустом диване или голой кровати без подушки». Митр. Филарет называл его «истинным слугой Христа Бога»². В 1839 году Макарий подал в Свят. Синод особую записку «Мысли

¹ Греллэ-де-Мобилье С. Дневник Греллэ-де-Мобилье. 1818 г. / Извлечение И. Т. Осинина // Русская старина, 1874. – Т. 9. № 1. С. 32–33.

² Флоровский Г. Указ соч. С. 191.

о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе»¹.

Миссионерские труды привели Макария к мысли, которая охватила его «со всей исключительностью страсти», о необходимости продолжения работы по переводу Библии на русский язык, начатую Российским библейским обществом. Это был план библейского перевода... В 1834 году Макарий через митрополита Филарета представил в Синод записку «О потребности для российской церкви переложения всей Библии с оригинальных текстов на современный русский язык». Филарет скрыл это письмо, чтобы укрыть «романтического миссионера» от гнева и кары высших духовных властей, считавших благовременным переводить Писание на языки полудиких и вовсе диких инородцев, но никак не на русский...²

Доводов Макарий не слушал и не понимал, и это не остановило его. В 1837 году он представил в Комиссию духовных училищ перевод с еврейского языка кн. Иова с сопроводительными докладами и послал в Петербург. Макарий начал с этой книги вероятно потому, что Библейское Общество довело свой перевод до этой книги. Следовательно, Макарий как бы продолжал дело Библейского Общества. Дело движения опять не получило. В 1839 г. Макарий представил перевод книги Исаии и новое письмо на Высочайшее имя. «В числе пророков ветхого завета Исаия блистает особенною ясностью предсказаний о Христе Спасителе и потому называется пророчествуящим евангелистом. Все сии предсказания исполнились во Иисусе и сделались торжественнейшим свидетельством, что Иисус есть Мессия, что Он есть Бог и человек, что Ему надлежало, восприняв на Себя грехи человечества, искупить и спасти его своими страданиями и смертью, и что церковь Иисуса Христа есть благодатное царствие Божие, которому подобает распространиться по всей земле».

¹ Флоровский Г. Указ соч. С. 189.

² Там же.

«Чтобы все употребляющие русский язык могли удобнее разумеать божественную книгу пророка Исаии, она, при помощи Божией, переведена мною с еврейского языка на отечественный. С благоговейнейшим усердием приношу ее Вашему Императорскому Величеству»¹.

В следующем году он представил те же книги в пересмотренном тексте, сличенном с переводом Павского, которого он раньше не знал. В надежде на то, что Синод осознает необходимость и важность перевода Священного Писания на русский язык и распространение его в народе, Макарий продолжал над ним работать, пока не получил из Синода решительный отказ.

Макарий огорчался, «„что русские равнодушно остаются без полной российской Библии, между тем как имеют полный Алкоран на российском наречии“». Макарий был убежден, что приспело время: „из чистейших, драгоценнейших веществ российского слова создать словесный храм Премудрости Божией в такой прочности, правильности и точности, в таком вкусе, в такой великолепии и изяществе, что он будет выше всего прекрасного в мире...“²

В 1844 году архимандрита Макария отстранили от миссионерской работы и направили в Троицкий монастырь Орловской епархии. Раздобыв перевод протоиерея Г. Павского — своего старшего товарища по академии, а затем и «учителя моего по Еврейской Библии», как говорил о нем сам Макарий, — он сличал с ним свои новые переводы. Исправленный текст был снова послан в Синод. Одну за другой он переводил книги В. З., и когда работа была закончена, задумал издать её за рубежом. В 1846 году с большим трудом Макарий выхлопотал себе командировку в Святую землю. Но в это время его сразил смертельный недуг, и 18 мая 1847 года Макарий скончался. После него не осталось ничего, кроме книг, бумаг и чернил. Труд архимандрита Макария не был предан забвению. Его перевод В. З. был посмертно напечатан в журнале «Православное Обозрение» (1860–67), а впоследствии использован при работе над синодальным переводом Библии.

¹ Чистович И. А. Указ соч. С. 221–222.

² Флоровский Г. Указ соч. С. 189–190.

Как уже указывалось выше, по случаю коронации Александра II в Москве в 1856 году состоялось торжественное собрание Св. Синода. На нем Синод единогласно высказался за возобновление перевода Священного Писания на русский язык. Необходимость русского перевода для самого существования Российской Церкви была уже столь очевидна, что издание Синодального перевода поддерживалось и церковной, и светской властью. Почти сразу же после появления Синодального перевода Библия вошла в число самых многотиражных и самых распространенных в России книг.

Ветхозаветная часть русского перевода издавалась частями: в 1868 г. вышло Пятикнижие; в 1869 г. — исторические книги; в 1872 г. — учительные книги; в 1875 г. — пророческие. В 1876 г. по благословению Святейшего Правительствующего Синода был издан полный русский перевод Библии. Авторизованный высшей церковной властью Русской Православной Церкви он получил широкую известность как «Синодальный».

Изданием 1876 г. завершилась шестидесятилетняя эпопея русского перевода Священного Писания в XIX в. Синодальный перевод стал ее закономерным результатом и как завершение многих стараний и самых разных его поборников. Можно с уверенностью сказать, что за истекшую 140-летнюю историю своего существования Синодальный перевод произвел громадный сдвиг в русской культуре и обеспечил развитие русскоязычного богословия в конце XIX и на всем протяжении XX века. Даже сегодня, сто сорок лет спустя, Синодальный перевод остается читаемым, доступным и легким для восприятия.

Содержание

140-ЛЕТИЕ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА БИБЛИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Татьяна Никольская

**Марина Сергеевна Каретникова: служение историка
(1930–2016) 5**

Владимир Степанов

Кто пригласил лорда Редстока в Россию? 18

† Йозеф Барон

Мартин Лютер и реформация 34

Дмитрий Добыкин

Переводы Павла Александровича Юнгера 49

Ольга Соколова

Перевод Библии на русский язык: pro и contra 63

Галина Владимировна

Значение цвета в поэзии Есенина 82

Андрей Родосский

**Профессор Протоиерей Герасим Павский: клирик,
богослов, филолог 90**

Алексей Филимонов

Христианские мотивы в поэзии Набокова-Сирина 103

Анатолий Корабель

К истории перевода Библии на русский язык 117

Подписано в печать 27.06.2018

Бумага офсетная, формат А5

Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Гамма»

191119 Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87

телефон (812) 764-26-10